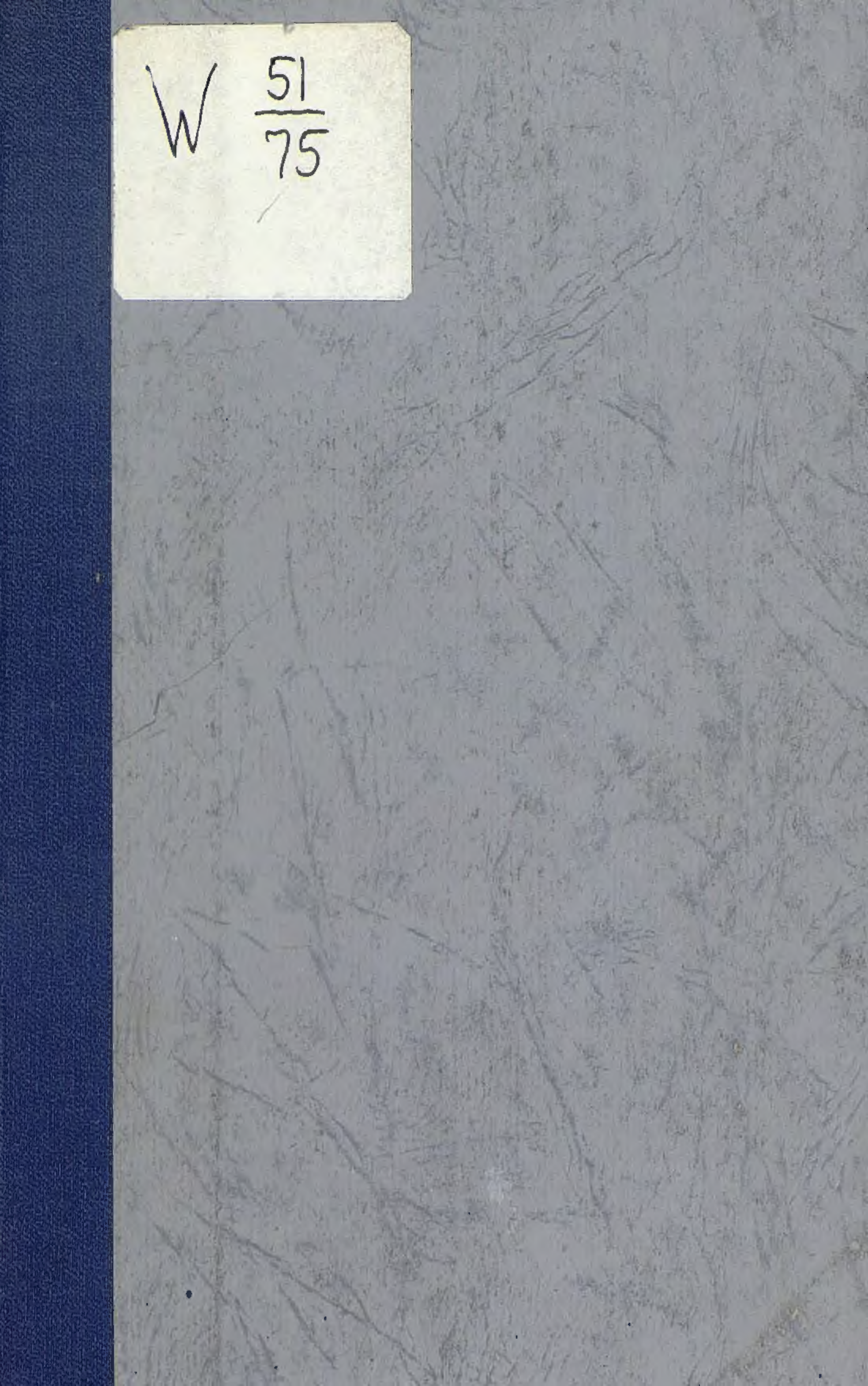

W 51/75

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

С. П. ТРУБЕЦКАГО.

ИЗДАНІЕ ЕГО ДОЧЕРЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907.

Записки Кн. С. П. Трубецкаго.

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

С. П. ТРУБЕЦКАГО.

ИЗДАНІЕ ЕГО ДОЧЕРЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Типографія „Сиріусъ". Спб. Соляной пер. 7.

Записки Князя Сергѣя Петровича Трубецкаго начаты въ Сибири. Онѣ не были приведены авторомъ въ порядокъ и появились въ печати за границей, сначала въ Лондонѣ, потомъ въ Лейпцигѣ по копіи, снятой съ черновика и не всегда точной и полной.

Въ настоящемъ изданіи „Записки" печатаются съ подлинной рукописи въ томъ видѣ, какъ Кн. С. П. Т. оставилъ ее. Онъ началъ приводить „Записки" въ порядокъ, но не кончилъ этой работы. Часть записокъ появляется здѣсь впервые. Въ приложеніи къ запискамъ печатается нѣсколько писемъ изъ семейной и оффиціальной переписки.

Къ книгѣ приложены три портрета Князя С. П. Трубецкаго: первый миніатюра 1820 года, сдѣланная въ Парижѣ, второй—акварель работы Николая Александровича Бестужева, рисованная въ Сибири, третій—фотографія снятая по возвращеніи изъ ссылки, четвертый портретъ,—Княгини Е. И. Трубецкой, рожденной графини Лаваль, миніатюра. Для настоящаго изданія портреты воспроизведены фототипіей у Голике и Вильборга.

Въ приложеніи печатаются двѣ статьи, очень важныя для времени своего написанія, средины пятидесятыхъ годовъ. Онѣ нашлись въ бумагахъ Кн. С. П. Трубецкаго, писанныя его рукой. Одна изъ нихъ, „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія"—произведеніе Б. Н. Чичерина; авторъ второй неизвѣстенъ,—и возможно, что Кн. Трубецкой только самъ списалъ ее для себя; но такъ какъ даже и въ послѣднемъ случаѣ она характерна для его настроенія того времени, какъ и первая статья, то обѣ статьи здѣсь печатаются, тѣмъ болѣе, что онѣ очень интересны сами по себѣ, а, напечатанныя давно уже за границею, онѣ теперь совсѣмъ неизвѣстны.

З. С. Свербеева.

I.

ПИСЬМО КЪ ДѢТЯМЪ.

Со времени вступленія дома Романовыхъ на Россійскій Престолъ, малая только часть Государей наслѣдовало его спокойно по праву своего рожденія; но большая часть перемѣнъ царствованій были слѣдствіемъ насилія, или обмана. Ни которое изъ нихъ однакоже не было сопровождено такими происшествіями, которыми ознаменовано было начало нынѣшняго царствованія. Торжественный судъ произнесъ свой приговоръ надъ участвовавшими въ нихъ. При всемъ томъ однакоже, многія обстоятельства остались неизвѣстными народу; они или не открыты Слѣдственной Комиссіей, или скрыты правительствомъ съ намѣреніемъ.

Исторія со временемъ откроетъ всѣ тайныя обстоятельства этого дѣла; но цѣль этихъ записокъ не есть то, чтобы они могли служить матеріалами для будущаго историка Россіи. Я ихъ оставляю дѣтямъ моимъ для того, что бы они знали почему они родились и взросли въ Сибири, и почему они не наслѣдовали тѣхъ правъ состоянія, которыя принадлежали ихъ родителямъ. Видя въ малолѣтствѣ своемъ родителей своихъ въ состояніи отличномъ отъ прочихъ людей, они не могли давать себѣ отчета въ причинахъ,

поставившихъ ихъ въ это состоянie. Когда же придутъ въ возрастъ, то будутъ слышать различныя сужденiя о нихъ, и будутъ въ недоумѣнiи, что самимъ думать. Бывъ свидѣтелями правильной и благочестивой жизни родителей своихъ, имъ можетъ въ возрастѣ ихъ, придти мысль укорить Провидѣнie въ несправедливости, а правительство въ угнетенiи невинности. Молодые ихъ умы не въ состоянiи будутъ согласить мысль, внушенную имъ въ воспитанiи, что все въ мiрѣ случается по благой волѣ Провидѣнiя. Они могутъ въ умѣ своемъ оспаривать эту благость; и такой образъ мыслей съ ихъ стороны былъ-бы для нихъ верхомъ несчастiя, а потому необходимо для нихъ прочесть въ сихъ запискахъ, что именно привело ихъ отца въ то положенie, въ которомъ они видѣли его во время своей юности, и тѣмъ убѣдиться, что истинное благое и справедливое провидѣнie предаетъ человѣка той судьбѣ, которую онъ самъ себѣ устроилъ.

II.

ПИСЬМО КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

Ты же, другъ мой, который зналъ и любилъ меня въ такъ называемыя счастливыя лѣта моей жизни, который, я увѣренъ, сохранилъ и по днесь истинную ко мнѣ дружбу, хотя она, со времени нашей разлуки ничѣмъ не могла измѣниться, ты имѣешь полное право на всю мою довѣренность. Тебѣ въ этихъ запискахъ откроются безъ малѣйшаго укрывательства, всѣ чувства, руководившія мною въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя истинная моя къ тебѣ дружба заставляла меня оставить для тебя тайною. Ты знаешь, что никогда не слыхалъ отъ меня слова, которое могло-бы поставить тебя въ затрудненіе рѣшить между дружбою, между нами бывшею, и тѣмъ, что ты почиталъ долгомъ своимъ, какъ гражданина. Ты былъ слишкомъ дорогъ для меня, что-бы я захотѣлъ подвергать тебя моей опасности въ политической жизни, которой я самъ подвергался. И я увѣренъ, что ты въ сердцѣ своемъ, отдаешь мнѣ полную справедливость, хотя можетъ-быть и приходила тебѣ иногда мысль, что имѣя и въ этомъ къ тебѣ довѣренность, я избѣгнулъ-бы судьбы меня постигшей. Съ младенчества моего вкоренена въ сердцѣ моемъ увѣренность, что Промыслъ Божій ведетъ человѣка ко благу,

какъ-бы путь, которымъ онъ идетъ ни казался тяжелъ и не счастливъ. Эта увѣренность не уменьшилась, но укрѣпилась еще съ тѣхъ поръ, когда обстоятельства моей жизни приняли оборотъ, для всякаго посторонняго зрителя, несчастный. Въ теченіи этого времени, я имѣлъ случай познать всю благость Вышняго Промысла и научился благославлять его за все посылаемое счастіе и несчастіе. Я убѣжденъ, что если-бы я не испыталъ жестокой превратности судьбы и шелъ-бы безъ препятствій блестящимъ путемъ мнѣ предстоявшимъ, то со временемъ сдѣлался-бы недостоинъ милостей Божіихъ и утратилъ-бы истинное достоинство человѣка. Какъ же я благословляю десницу Божію, проведшую меня по терновому пути и тѣмъ очиспстившую сердце мое отъ страстей мною обладавшихъ, показавшую мнѣ въ чемъ заключается истинное достоинство человѣка и цѣль человѣческой жизни, а между тѣмъ наградившую меня и на земномъ поприщѣ ни съ какимъ другимъ несравненнымъ счастіемъ семейной жизни, и неотъемлемымъ духовнымъ благомъ, спокойной совѣстью.

По окончаніи отечественной войны, имя Императора Александра гремѣло во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, народы и Государи, пораженные его великодушіемъ, предавали судьбу свою его волѣ, Россія гордилась имъ и ожидала отъ него новой для себя судьбы. Онъ объявилъ Манифестомъ благодарность свою войску и всѣмъ сословіямъ народа Русскаго, вознесшаго его на высочайшую степень славы; обѣщалъ, утвердивъ спокойствіе всеобщимъ миромъ въ Европѣ, заняться устройствомъ внутренняго благоденствія ввѣреннаго Провидѣніемъ державѣ его пространнаго Государства.

Нѣкоторые молодые люди, бывшіе за Отечество и Царя своего на полѣ чести, хотѣли быть вѣрной дружиной вождя своего и на поприщѣ мира. Они дали другъ другу обѣщаніе словомъ и дѣломъ содѣйствовать Государю своему во всѣхъ начертаніяхъ его для блага своего народа. Ихъ было мало, но они увѣрены были, что кругъ ихъ ежедневно будетъ увеличиваться, что другіе, имъ подобные не захотятъ ограничиться славою военныхъ подвиговъ, и пожелаютъ оказать усердіе свое и любовь къ отечеству не однимъ исполненіемъ возложенныхъ службою обязанностей но посвященіемъ всѣхъ средствъ и способностей своихъ на содѣйствіе общему благу во всѣхъ его видахъ.

Отъ поступающихъ въ это маленькое общество требовалось: 1-е, строгое исполненіе обязанностей по службѣ;

2-е, честное, благородное и безукоризненное поведеніе въ частной жизни; 3-е, подкрѣпленіе словомъ всѣхъ мѣръ и предположеній Государя къ общему благу; 4-е, разглашеніе похвальныхъ дѣлъ и осужденіе злоупотребленія лицъ по ихъ должностямъ. Дѣйствіе общества должно было основываться на томъ разсужденіи, что многіе изъ Правительственныхъ лицъ и частныхъ людей будутъ возставать противъ нѣкоторыхъ намѣреній Императора (какъ напр. было касательно свободы крестьянъ) и слѣдовательно, какъ-бы ни былъ слабъ голосъ тѣхъ, которые стали-бы ихъ оправдывать, — но безпрерывное склоненіе въ обществѣ разговора на извѣстный предметъ и оправданіе его, убѣдитъ многихъ, дастъ силу правительству привести въ исполненіе свое благое намѣреніе. Сначала молодые люди ограничивались только разговорами между собою. Еще не извѣстно было, что именно Государь намѣренъ былъ сдѣлать; но въ увѣренности, что онъ искренно желаетъ устроить благо Россіи, рѣшено было дать форму обществу и опредѣлить порядокъ дѣйствій, которыми намѣрены были поддерживать и подкрѣплять предположенія Государя. 9-го февраля 1816 года, Пестель, Никита Муравьевъ, Сергѣй Шиповъ и Трубецкой положили основаніе обществу. Къ нимъ пристали Александръ Николаевичъ Муравьевъ, Николай Новиковъ (бывшій Правителемъ канцеляріи у кн. Репнина), Илья Бибиковъ, князь Илья Долгорукій, Федоръ Николаевичъ Глинка, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолъ, князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ и Якушкинъ. Пестелю, Долгорукову и Трубецкому поручено было написать уставъ Общества, послѣдній занялся правилами принятія членовъ и порядкомъ дѣйствій ихъ въ обществѣ; Долгорукій цѣлью общества и занятіями его для ея достиженія; Пестель формою принятія и внутреннимъ образованіемъ. Онъ имѣлъ пристрастіе къ формамъ массонскимъ, и хотѣлъ, чтобы

нѣкоторыя подобныя были введены для торжественности. При первомъ общемъ засѣданіи для прочтенія и утвержденія устава, Пестель поселилъ въ нѣкоторыхъ членахъ нѣкоторую недовѣрчивость къ себѣ; въ прочитанномъ имъ вступленіи онъ сказалъ, что Франція блаженствовала подъ управленіемъ комитета общественной безопасности. Возстаніе противъ этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатлѣніе, которое никогда не могло истребиться и которое на всегда поселило къ нему недовѣрчивость.

Массонскія формы, введенныя въ засѣданіяхъ и въ принятіи членовъ, затрудняли дѣйствіе общества и вводили какую-то таинственность, которая была въ противности съ характеромъ большой части членовъ. Они хотѣли дѣйствія явнаго и открытаго, хотя и положено было не разглашать намѣренія, въ которомъ они соединялись, чтобы не вооружить противъ себя неблагонамѣренныхъ. Общихъ собраній не требовалось, но только частныя свиданія для сообщенія предметовъ, требовавшихъ распространенія свѣдѣній о нихъ въ публикѣ. И потому положено было, чрезъ непродолжительное время, измѣнить въ этомъ отношеніи уставъ, какъ признанный неудобнымъ въ приложеніи. Пестель, скоро по учрежденіи общества долженъ былъ уѣхать въ Митаву, корпусную квартиру Генерала Витгенштейна, у котораго онъ былъ адъютантомъ. Трубецкой также долженъ былъ уѣхать изъ столицы. Въ теченіи 1817 года часть гвардіи отправлялась въ Москву, куда выѣзжалъ дворъ. Члены, которыхъ число умножилось въ это время, были также разсѣяны и только не многіе оставались въ Петербургѣ. Между тѣмъ Императоръ Александръ приступилъ къ исполненію двухъ своихъ мыслей: 1-е, былъ составленъ проэктъ для освобожденія крестьянъ Эстляндскихъ и явно началъ говорить, что онъ намѣренъ дать сво-

боду всѣмъ крестьянамъ помѣщичьимъ; 2-е, другой проэктъ, переданный графомъ Аракчеевымъ, былъ учрежденіе военныхъ поселеній, изъ котораго мы поняли слова благодарнаго манифеста Императора, по окончаніи войны съ французами, въ которомъ онъ, въ награду войску, обѣщалъ осѣдлость. Первый проэктъ долженъ былъ имѣть противниками почти всѣхъ помѣщиковъ, требовалось неусыпное дѣйствіе членовъ для поддержанія его и направленія общаго убѣжденія въ необходимости этой мѣры. Должно было представить помѣщикамъ, что рано или поздно крестьяне будутъ свободны, что гораздо полезнѣе помѣщикамъ самимъ ихъ освободить, потому что тогда они могутъ заключить съ ними выгодныя для себя условія, что если помѣщики будутъ упорствовать и не согласятся добровольно, то крестьяне могутъ вырвать у нихъ себѣ свободу и тогда отечество можетъ быть на краю бездны. Съ возстаніемъ крестьянъ неминуемо соединены будутъ ужасы, которыхъ никакое воображеніе представить себѣ не можетъ, и государство сдѣлается жертвою раздоровъ, и можетъ быть, добычею честолюбцевъ; наконецъ можетъ распасться на части, и изъ одного сильнаго государства обратиться въ разныя слабыя. Вся слава и сила Россіи можетъ погибнуть, если не навсегда, то на многіе вѣка. Члены общества были молодые люди, не имѣвшіе еще собственныхъ помѣстьевъ; они не могли дать примѣра согражданамъ освобожденіемъ собственныхъ крестьянъ и потому имъ предстоялъ одинъ только способъ дѣйствія,—убѣжденіе словомъ. Второй проэктъ, учрежденіе военныхъ поселеній для всей арміи, былъ такое дѣло, котораго дальнѣйшія послѣдствія могли укрываться и отъ взоровъ самыхъ проницательныхъ мужей, опытнѣйшихъ въ государственномъ управленіи.

Ему было положено начало еще въ 1811 году, поселеніемъ Елецкаго полка въ Могилевской губерніи. Но въ

1812 году поселеніе было разрушено вторженіемъ непріятеля, и невозможно было изъ малаго кратковременнаго опыта судить въ какой степени могло быть полезно или вредно это учрежденіе для государства. Гр. Аракчеевъ не уклонялся отъ исполненія возложеннаго на него порученія, но однако началъ тѣмъ, что представилъ возраженія и предлагалъ, вмѣсто военныхъ для солдатъ поселеній, сократить срокъ службы нижнимъ чинамъ, опредѣливъ вмѣсто 25-ти лѣтняго срока, 8-ми лѣтній. Государь былъ убѣжденъ въ пользѣ своего предначертанія, и исполненіе начато. Оно встрѣтило всѣмъ извѣстное сопротивленіе въ крестьянахъ тѣхъ селеній, въ которыхъ положено ему начало. Жестокими мѣрами и нѣкоторыми уступками преодолено было упорство крестьянъ. Долго члены общества собирали свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, слушали о немъ разсужденія, наводили на него рѣчь и старались изслѣдовать его во всѣхъ отношеніяхъ, прежде нежели рѣшились составить о немъ собственное мнѣніе. Наконецъ остановились на томъ, что новое образованіе арміи усилитъ ее, образуетъ хорошихъ солдатъ, пріучивъ ихъ съ малолѣтства къ исправленію воинской службы, доставитъ возможность содержать войско съ меньшимъ отягощеніемъ народа и уничтожитъ частые рекрутскіе наборы. Но что, съ другой стороны, оно образуетъ въ Государствѣ особую касту, которая не имѣя съ народомъ почти ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ его угнетенія, что эта каста, составляя собою силу, которой въ государствѣ ничто противустоять не можетъ, сама будетъ въ повиновеніи безусловномъ нѣсколькихъ лицъ, или одного хитраго честолюбца. Сверхъ того, ненавистный начальникъ можетъ быть причиною возстанія ввѣренной ему части, и какая возможность къ усмиренію озлобленныхъ, имѣющихъ средства къ отпору силы силою? Кто можетъ поручиться, что небольшое даже неудоволь-

ствіе не породитъ бунта, который, вспыхнувъ въ одномъ полку быстро распространится въ цѣломъ округѣ поселенія? И можно-ли предвидѣть чѣмъ кончится таковое возстаніе многихъ полковъ вмѣстѣ? Эти опасенія подкрѣплены были возстаніемъ начавшимся въ поселеніяхъ: Новгородскомъ гренадерскомъ, Бугскомъ и Чугуевскомъ Уланскомъ. Жестокія мѣры, употребленныя противъ жителей мирныхъ селеній, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать военныхъ поселенцевъ, возбудили всеобщее негодованіе. Исполнители Гр. Аракчеевъ и Виттъ сдѣлались предметами всеобщаго омерзенія и имя самаго Императора не осталось безъ нареканія. Трудно было повѣрить, чтобы ему неизвѣстны оставались варварскія дѣйствія этихъ двухъ человѣкъ, и это подавало невыгодное мнѣніе о его сердцѣ и нравѣ. Государь выѣхалъ не прямо въ Москву, но чрезъ Западныя губерніи и Малороссію. Кажется, что цѣль этой поѣздки была приготовить мысли жителей этихъ губерній къ свободѣ крестьянъ. Первое начало положено было уже въ Эстляндіи, за которою должны были слѣдовать Курляндія и Лифляндія. Псковская губернія была присоединена къ генералъ-губернаторству Маркиза Паулуччи, и потому полагали, что освобожденіе Русскихъ крестьянъ начнется съ этой губерніи. Въ рѣчи своей къ малороссійскимъ дворянамъ, Государь объявилъ о своемъ намѣреніи, но въ сердцахъ ихъ не нашелъ сочувствія. Сопротивленіе изъявилось въ отвѣтныхъ рѣчахъ губернскаго предводителя Полтавскаго—Ширкова и Черниговскаго. Это кажется поколебало твердость Государя, ибо въ Москвѣ онъ удержался отъ выраженія своей мысли касательно этого предмета. Должно думать, что онъ однакоже желалъ искренно его исполненія; но между тѣмъ, онъ хотѣлъ отъ дворянства единственно повиновенія своей волѣ, а не содѣйствія. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующее: члены общества собрали подписку на освобожденіе крестьянъ.

Изъ числа извѣстныхъ лицъ подписали согласіе свое и обѣщаніе исполнить на правилахъ, какія составлены будутъ: Г.г. Кочубей и Строгоновъ, Князь Меньщиковъ, Г. Ил. В. Васильчиковъ. Послѣдній, подписавъ, доложилъ о томъ Государю, который изъявилъ свое неудовольствіе и приказалъ уничтожить подписку. Въ слѣдующемъ обстоятельствѣ еще болѣе является нежеланіе его, чтобы дворянство содѣйствовало ему. Можетъ-быть онъ не отвергнулъ-бы личнаго содѣйствія по одиночкѣ, но рѣшительно не хотѣлъ, чтобы оно обнаруживалось совокупнымъ дѣйствіемъ. Въ пріѣздъ въ Вильну, онъ приказалъ тамошнему генералъ-губернатору Римскому-Корсакову приготовить дворянство ввѣренныхъ ему губерній къ принятію Монаршей воли. Корсаковъ нашелъ въ губернскомъ предводителѣ дворянства, графѣ Платеръ, готоваго сотрудника. На выборахъ 1818 года, графъ Платеръ сообщилъ дворянамъ волю Государя, и подготовленные имъ, они приняли ее съ восторгомъ, ввели, бывшихъ при нихъ лакеевъ и кучеровъ въ залу собранія и съ наполненными бокалами шампанскаго, поздравили ихъ съ будущимъ освобожденіемъ. Корсаковъ былъ тогда въ Москвѣ и Государь узнавъ о происшествіи въ жестокихъ словахъ изъявилъ на него гнѣвъ свой за нескромное дѣйствіе, и за то, что онъ въ такое время оставилъ губернію свою. Это было послѣ сопротивленія оказаннаго Государю въ Малороссіи; тогда же по Москвѣ ходила рукопись Харьковскаго помѣщика Каразина, возстававшаго всею силою своего краснорѣчія противъ свободы крестьянъ и сравнивавшаго состояніе имѣвшихъ счастіе быть подъ его игомъ, съ состояніемъ свободныхъ, у которыхъ небудетъ собственности и которымъ можно сказать: «и та земля, въ которую положатъ трупъ твой, не твоя»! Въ другой рукописи К. Ник. Гр. Вяземскій, своякъ графа Кочубея и предводитель Калужскаго дворянства, требовалъ

помѣстническихъ собраній. Членъ общества, А. Н. Муравьевъ написалъ возраженіе на обѣ рукописи, и пропустивъ ихъ по древней столицѣ, представилъ списокъ своего сочиненія Государю, чрезъ Кн. П. М. Волконскаго. Его Величество прочтя сказалъ: «дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался».

Такія дѣйствія Государя казались обществу не согласующимся съ тою любовію къ народу, и желаніемъ устроить его благоденствіе, которое оно въ немъ предполагало.

Сомнѣніе, что онъ ищетъ больше своей личной славы, нежели блага подданныхъ уже вкралась въ сердца членовъ общества, сдѣлавшимся имъ прежде извѣстнымъ откровеннымъ разговоромъ на единѣ Государя съ Княземъ Лопухинымъ. Предъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, Государь ему объявилъ что онъ непремѣнно желаетъ освободить и освободитъ крестьянъ отъ зависимости помѣщиковъ, и на представленіе Князя о трудностяхъ исполненія и о сопротивленіи, которое будетъ оказано дворянствомъ сказалъ: «если дворяне будутъ противиться, я уѣду со всей своей фамиліей въ Варшаву и оттуда пришлю указъ». Когда эти слова были переданы нѣкоторымъ членомъ общества, бывшимъ въ Москвѣ, то въ первую минуту мысль о томъ, какимъ ужасамъ безначалія могла подвергнуться Россія отъ такого поступка, такъ сильно поразила одного изъ членовъ общества, что онъ выразилъ готовность, еслибы Государь показалъ себя такимъ врагомъ отечества, принести его въ жертву, не щадя собственной жизни. Эти слова тѣмъ замѣчательны, что они чрезъ восемь лѣтъ послѣ, послужили поводомъ къ приговору въ каторжную работу того, кто ихъ произнесъ и тѣхъ, при комъ они были оказаны. Члены общества огорченные поступкомъ Государя и обманутые въ своихъ надеждахъ не могли, однако же, разстаться съ мыслью, что дѣйствуя соединенными силами,

они много могутъ сдѣлать для пользы своего отечества. Число готовыхъ содѣйствовать ежедневно увеличивалось, оставалось ясно опредѣлить порядокъ дѣйствія и начала, на которыхъ онъ долженъ былъ быть основанъ. Примѣръ Прусскаго Тугендбунда доказывалъ, что усилія людей, имѣющихъ одинаковую цѣль не остаются втунѣ. Духъ кротости, любви къ отечеству и благонамѣренія, которыя одушевляли членовъ, долженъ былъ выразиться во всѣхъ ихъ занятіяхъ; самое неблагонамѣренное розысканіе не должно было найти въ этомъ уставѣ ничего такого, чтобы могло подать поводъ къ обвиненію членовъ въ себялюбіи, или въ дѣйствіи опасномъ для спокойствія отечества. Большая часть членовъ общества находилась въ Москвѣ и въ числѣ ихъ почти всѣ основатели. Они избрали четырехъ членовъ, которымъ поручено было составленіе новаго устава. Это были: П. Н. Муравьевъ, Кн. П. Долгорукій, Никита Муравьевъ, и Кн. Трубецкой. Они исполнили порученіе и новый уставъ былъ вполнѣ одобренъ и принятъ. Общество названо, по предмету своей цѣли Союзомъ Благоденствія, и эпиграфъ его означалъ твердое намѣреніе членовъ посвятить всю свою жизнь исполненію этой цѣли. Его составляли слова Спасителя: Никто же возложа руку свою на рало, и зря вспять управленъ есть въ Царствіе Божіе». Члены раздѣлялись по предметамъ своихъ занятій или службы. Каждый по своей части обязанъ былъ пріобрѣсть познанія, могущія сдѣлать его полезнѣйшимъ гражданиномъ, и свѣдѣнія, потребныя для дѣйствія общества, которое само оставалось неизмѣнно первоначальному своему назначенію; т. е. къ поддержанію всѣхъ тѣхъ мѣръ правительства, отъ которыхъ возможно ожидать хорошихъ, для благосостоянія Государства послѣдствій; къ осужденію всѣхъ тѣхъ, которыя не соотвѣтствуютъ этой цѣли; преслѣдованіе всѣхъ чиновниковъ, отъ самыхъ выс-

шихъ до самыхъ низшихъ, за злоупотребленія должности и за несправедливости; исправленіе, по силѣ своей и возможности, всѣхъ несправедливостей, оказываемыхъ лицамъ и защита ихъ; разглашеніе благородныхъ и полезныхъ дѣйствій людей должностныхъ и гражданъ; распространеніе убѣжденія въ необходимости освобожденія крестьянъ, пріобрѣтеніе и распространеніе политическихъ свѣдѣній по части государственнаго устройства, законодательства, судопроизводства и пр., распространеніе чувства любви къ отечеству и ненависти къ несправедливости и угнетенію. Общее дѣйствіе членовъ согласовалось съ этими правилами, и сверхъ того, каждый изъ нихъ принималъ обязанность освободить своихъ крестьянъ, когда поступятъ къ нему во владѣніе. Дѣйствіе общества обнимало въ своемъ предметѣ всѣ сословія государства и всѣ стороны управленія и потому должно было опредѣлить каждому члену кругъ его дѣйствія,—для сего, члены раздѣлялись на четыре разряда по отраслямъ. Каждая отрасль состояла изъ управъ, которой всѣ члены дѣйствовали по предмету своей отрасли. Управа управлялась предсѣдателемъ, который представлялъ предметы дѣйствія, члены сообщали свѣдѣнія и доносили о своихъ дѣйствіяхъ. Каждый членъ могъ заводить вспомогательную управу. Цѣль вспомогательныхъ управъ была приготовить членовъ для союза. Всѣ управы состояли подъ вѣдѣніемъ Кореннаго Совѣта, который состоялъ изъ двадцати четырехъ членовъ. Въ Коренномъ Совѣтѣ избирались предсѣдатель и блюститель. Послѣдній соединялъ въ себѣ общій надзоръ надъ всѣмъ дѣйствіемъ и не дозволялъ ни въ чемъ отступать отъ духа, цѣли и порядка дѣйствія, опредѣленнаго по уставу Союза Благоденствія. Онъ же свѣрялъ всѣ списки устава союза и скрѣплялъ ихъ своею подписью. Ему подвѣдомствены были блюстители управъ, назначаемые въ управы отъ Кореннаго Совѣта, изъ его

членовъ. Вспомогательныя управы не имѣли блюстителей особыхъ, но блюститель той управы, которой членъ завелъ управу, имѣлъ надъ ней надзоръ. Сверхъ наблюденія за дѣйствіемъ каждаго члена и за его поведеніемъ, какъ члена союза, блюститель управы собиралъ свѣдѣнія о лицахъ, которыя предполагались къ принятію въ союзъ. Онъ долженъ былъ стараться познакомиться съ ними лично, чтобы короче ихъ узнать и испытать, и только, по его представленію, могъ быть принятъ новый членъ. Блюститель управы хранилъ списокъ устава, онъ давалъ его прочитывать тому лицу, которое предложено было къ принятію, и бралъ съ него подписку, что онъ не будетъ никому сообщать о прочтенномъ, когда же прочитавшій соглашался вступать въ союзъ, то давалъ другую подписку на вступленіе. Блюстители управъ препровождали всѣ подписки къ блюстителю Кореннаго Совѣта, и должны были часто съ нимъ видѣться для сообщенія ему о всѣхъ дѣйствіяхъ и для совѣщанія.

Члены Союза Благоденствія очень понимали, что дѣйствія ихъ на отечество не могутъ быть полезными, если они не будутъ имѣть вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о состояніи его и если не пріобрѣтутъ познаній въ наукахъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе гражданскаго быта государствъ. И потому пріобрѣтеніе этихъ необходимыхъ свѣдѣній и познаній поставлялись въ непремѣнную обязанность всѣмъ членамъ союза. Уже и прежде того нѣкоторые изъ членовъ приговорили профессора для чтенія курса политической экономіи; послѣ нѣсколькихъ уроковъ профессоръ просилъ позволенія одному своему пріятелю быть въ числѣ слушателей. Тѣмъ, къ кому онъ имѣлъ довѣренность признался, что мнимый пріятель присланъ отъ полиціи. Вскорѣ послѣ Государь потребовалъ свѣдѣній отъ полковыхъ командировъ о тѣхъ офицерахъ, которые слушали

курсъ, и по хорошемъ о нихъ отзывѣ, нашелъ очень страннымъ это необыкновенное явленіе и нѣсколько разъ повторялъ слова: «это странно! Очень странно! Отчего они вздумали учиться»!

Сначала дѣйствія Союза Благоденствія пошли быстро. Управы образовались въ Москвѣ, въ разныхъ губерніяхъ, въ Петербургѣ между военными, гражданскими и неслужащими. Были и вспомогательныя управы. Въ теченіи перваго года, нѣкоторые изъ лицъ Кореннаго Совѣта выбыли изъ столицы, между ними и блюститель его Трубецкой, на мѣсто его былъ избранъ Долгорукій. Вскорѣ послѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Пестель, который все былъ при графѣ Витгенштейнѣ, тогда уже главнокомандующемъ 2-й арміи. Онъ находилъ, что дѣйствіе Союза Благоденствія медленно, и вообще не въ томъ духѣ, въ которомъ, по его мнѣнію, должно дѣйствовать. Сообщивъ, что не принялъ устава, продолжалъ свое дѣйствіе согласно первому уставу. Многіе члены возмущены были его разсужденіями и общее дѣйствіе охладѣло и лишилось единства. Положенъ былъ общій съѣздъ въ Москвѣ; и тамъ согласиться не могли. Между тѣмъ происшествія, случившіяся въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскомъ полку и распредѣленіе всѣхъ членовъ въ разные полки, довершили разстройство союза. Члены боялись собираться, что-бы не навести подозрѣнія, многіе испугались до того, что прекратили всякую связь съ другими членами. Мало осталось вѣрныхъ сдѣланному обѣщанію при учрежденіи общества. Въ такомъ состояніи нашелъ Трубецкой общество по двухлѣтнемъ отсутствіи изъ отечества. Первымъ дѣломъ его было соединиться съ тѣми, которые оставались вѣрными Союзу. Ихъ было въ столицѣ только нѣсколько человѣкъ. Въ непродолжительномъ однако-же времени число ихъ увеличилось. Пестель опять пріѣхалъ, упрекалъ въ бездѣйствіи, представлялъ

дѣятельность членовъ на Югѣ, предлагалъ соединеніе управленія подъ руководствомъ трехъ директоровъ, изъ которыхъ два на Югѣ и одинъ въ Петербургѣ, представлялъ необходимость измѣненіе образа дѣйствія, какъ весьма медленнаго и отдаляющаго цѣль неопредѣленно. По его мнѣнію цѣль должна быть насильственное измѣненіе образа Правленія, какъ скоро общество соединитъ довольно членовъ, чтобы быть въ силѣ это исполнить; правленіе должно перейти въ руки общества до тѣхъ поръ, пока всѣ начала новаго образа Правленія будутъ введены. Проэктъ предполагаемыхъ имъ постановленій написанъ имъ былъ подъ названіемъ Русской Правды. Открыто было общество между поляками, съ которыми вступили въ сношеніе, оно требовало отдѣленія Польши, на которое давалось предварительно согласіе, хотя и не въ томъ размѣрѣ, въ которомъ требовали Поляки. Въ частныхъ свиданіяхъ Пестель убѣдилъ нѣкоторыхъ членовъ въ справедливости нѣкоторыхъ изъ своихъ разсужденій. Эти члены поддерживали его и въ общихъ собраніяхъ; но Никита Муравьевъ и Трубецкой возставали противъ всѣхъ предположеній Пестеля и поддержанные большею частью членовъ обратили опять на свою сторону тѣхъ, которые пристали было къ Пестелю. Пестель уѣхалъ недовольный, однакоже обѣщалъ сообщить Трубецкому о своихъ дѣйствіяхъ и не предпринимать ничего рѣшительнаго безъ согласія Сѣвернаго Общества. Довѣренность къ Пестелю была сильно поколеблена и Петербургскіе члены видѣли необходимость бдительнымъ окомъ слѣдить за дѣйствіями его и Южнаго Общества, котораго члены были въ совершенномъ у него повиновеніи. О бывшихъ преніяхъ и несогласіи Петербургскаго Общества съ Южнымъ было сообщено Сергѣемъ Муравьевымъ на Югѣ, и ему поручено наблюденіе и противудѣйствіе. Вскорѣ открылась возможность усилить это наблюденіе и подкрѣ-

нить противудѣйствіе распространеніемъ основныхъ правилъ Союза Благоденствія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проповѣдовались другія.

Князь Щербатовъ, назначенный командиромъ 4-го корпуса, предложилъ Трубецкому мѣсто дежурнаго штабъ-офицера. Пріѣхавъ въ Кіевъ [1]), Трубецкой нашелъ, что Южное Общество во всемъ отклонилось отъ правилъ союза. Нѣкоторые только старые члены оставались ему вѣрными, но лишены были способа дѣйствовать. Вниманіе Трубецкого обращено было на то, чтобы воспрепятствовать распространенію правилъ Южнаго Общества въ полкахъ 4-го корпуса, соединить старыхъ членовъ и дать имъ средства къ дѣйствію по прежде принятымъ началамъ и отвратить членовъ Южнаго Общества отъ мнѣній Пестеля. Однимъ изъ первыхъ предметовъ было также войти въ сношеніе съ польскимъ обществомъ и убѣдить его ясными доказательствами, что Польша существовать не можетъ отдѣльно отъ Россіи, и что не отдѣленія должны они искать, но напротивъ присоединенія къ Россіи и тѣхъ частей Польши, которыя составляютъ владѣнія Австріи и Пруссіи. Время не дозволило привести въ исполненіе этой послѣдней статьи, но всѣ прочія обѣщали увѣнчаться успѣхомъ.

Между тѣмъ Южное Общество въ нѣдрахъ своихъ скрывало измѣнниковъ. Образъ дѣйствія Пестеля возбуждалъ не любовь къ отечеству, но страсти съ нею несовмѣстимыя.

---

[1]) Можетъ быть, удалившись изъ столицы, Трубецкой сдѣлалъ ошибку. Онъ оставилъ управленіе общества членамъ, которые имѣли менѣе опытности, и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностью, и дѣйствіе которыхъ не могло производиться въ томъ кругу, въ которомъ могъ дѣйствовать Трубецкой. Сверхъ того, тѣсная связь съ нѣкоторыми изъ членовъ, отсутствіемъ его прервалась. Но опасенія, которыя поселялъ Югъ были такого рода, что признавалось необходимымъ отдѣлить туда такого члена, который, имѣя достаточный вѣсъ въ обществѣ, имѣлъ и силу привести Южное отдѣленіе къ тѣмъ благодѣтельнымъ началамъ, на которыхъ основанъ былъ Союзъ и по которымъ продолжалъ дѣйствовать на Сѣверѣ.

Квартирмейстеръ его полка Майборода, принятый имъ въ члены, промотавъ въ Москвѣ часть полковыхъ денегъ и боясь отвѣтственности, написалъ доносъ о существованіи и намѣреніи Южнаго Общества, и успѣлъ препроводить его въ Таганрогъ къ Государю. Шервудъ, вольноопредѣляющійся унтеръ-офицеръ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка, принятый Вадковскимъ, былъ имъ посланъ съ разными бумагами къ Пестелю, но посредствомъ графа Витта, нашелъ путь къ Государю, которому и передалъ бумаги въ Таганрогѣ. Какія мѣры принялъ Государь, или хотѣлъ принять, остались Обществу не извѣстными. Петербургское Общество оставалось подъ управленіемъ Никиты Муравьева, Рылѣева, князя Оболенскаго и Пущина. Послѣдній оставилъ артиллерію и опредѣленъ судьей Надворнаго Суда въ Москвѣ. Онъ находилъ, что въ этомъ званіи онъ болѣе принесетъ пользы отечеству, нежели въ званіи артиллерійскаго офицера. Въ столицу пріѣхалъ изъ Грузіи Якубовичъ; онъ былъ не разъ оскорбленъ по службѣ; отличная репутація его въ Кавказскомъ корпусѣ не привлекла на него вниманія Государя. Якубовичъ, если не въ сердцѣ, то на словахъ питалъ къ нему сильную ненависть, и часто, въ сообществѣ съ военными, говорилъ о непремѣнномъ намѣреніи отомстить за претерпленныя оскорбленія. Были члены, которые изъявили мысль, что если Якубовичъ исполнитъ свое намѣреніе, то общество должно послѣдствіями воспользоваться. Другіе, также принявъ слова Якубовича за истину, говорили, что надобно воспрепятствовать ему въ исполненіи. Никита Муравьевъ, который долженъ былъ отлучиться изъ Петербурга, извѣстилъ письмомъ объ этихъ обстоятельствахъ Трубецкаго и просилъ его содѣйствія на обузданіе Якубовича. Другіе члены увѣдомили также обо всемъ Трубецкаго, который поспѣшилъ въ столицу, увидѣлъ Якубовича, убѣдился изъ словъ его,

что выраженіе ненависти его преувеличено и что онъ не способенъ ни на какое злодѣяніе.

Въ это время неожиданное извѣстіе поразило столицу: Государь былъ при смерти, черезъ два дня пришло извѣстіе о его кончинѣ. За однимъ событіемъ такой важности должно было послѣдовать другое не менѣе важное. Къ владычеству Александра привыкли; мысль о наслѣдникѣ пугала всѣхъ, тѣмъ болѣе, что покрыто было неизвѣстностью кто будетъ этимъ наслѣдникомъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Александръ почитался лучше своихъ братьевъ. Его озарялъ блескъ славы, пріобрѣтенной борьбою съ Наполеономъ, величайшимъ геніемъ своего времени. Великодушіе его въ побѣдѣ, кротость къ побѣжденнымъ, отсутствіе тщеславія не изгладились изъ памяти людей, хотя довѣренность къ нему народовъ и была поколеблена. Хотя въ Европѣ и укоряли его въ неисполненіи тѣхъ обѣщаній, которыя даны были народамъ въ 1812 году и потомъ повторены торжественно на Вѣнскомъ конгрессѣ; хотя онъ и въ собственномъ отечествѣ своемъ, не оправдалъ тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя породили слова его; хотя онъ былъ привязанъ крѣпко къ мысли о своемъ самодержавіи и, довольный пріобрѣтенною славою, не радѣлъ о благоденствіи своихъ подданныхъ, словомъ сказать облѣнился; хотя ко всему этому должно прибавить черты деспотизма противъ многихъ лицъ и гоненіе на тѣ идеи, совершенствованія, которыя, самъ прежде старался распространять, и хотя даже онъ подвергся обвиненію въ чувствѣ презрѣнія къ народу, но, при всемъ томъ, смерть его почиталась истиннымъ несчастіемъ. Можетъ быть всякая перемѣна владѣтельнаго лица въ деспотическомъ правленіи наводитъ страхъ. Къ недостаткамъ деспота, когда они не великіе пороки, привыкнутъ, а перемѣна самовластительнаго правителя наводитъ невольную боязнь. Какъ бы то ни было,

но страхъ господствовалъ въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто не былъ приближенъ къ тому или другому изъ двухъ лицъ, которые могли наслѣдовать престолъ. Константинъ не оставилъ по себѣ хорошей памяти въ столицѣ. Надѣялись однако же, что лѣта измѣнили его, и эта надежда подкрѣплялась вѣстями изъ царства Польскаго. Николай извѣстенъ былъ только грубымъ обхожденіемъ съ офицерами и жестокостью съ солдатами ввѣренной ему гвардейской дивизіи. Дворъ хотѣлъ Николая, и придворные говорили, что съ нимъ ничто не перемѣнится, все останется какъ было, а Константину потому уже неприлично быть Императоромъ Русскимъ, что онъ женатъ на полькѣ; какъ допустить, чтобы простая польская дворянка поставлена выше княгинь изъ домовъ королевскихъ?

Великій князь Николай Павловичъ въ тотъ день, какъ узналъ объ опасной болѣзни Государя, собралъ къ себѣ вечеромъ князей Лопухина и Куракина и графа Милорадовича; представилъ имъ возможность упраздненія престола и свои на оной права. Графъ Милорадовичъ рѣшительно отказалъ ему въ содѣйствіи, опираясь на невозможность заставить присягнуть войско и народъ иначе какъ законному наслѣднику. Хотя нѣкоторымъ лицамъ и извѣстно обѣщаніе Константина, при его женитьбѣ, отказаться отъ наслѣдія престола, но это обѣщаніе сдѣлано частно и Императоръ Александръ не объявлялъ послѣ себя никого наслѣдникомъ. Воля же его изъявленная въ запечатанной бумагѣ не можетъ служить закономъ, потому что Русскій Государь не можетъ располагать наслѣдствомъ престола по духовной. Если Константинъ не захочетъ принять престола, то онъ долженъ сдѣлать это манифестомъ отъ своего лица и тогда, Николай будетъ законнымъ наслѣдникомъ. Но должно начать тѣмъ, чтобы тотъ часъ по смерти Государя присягнуть Константину. Совѣщаніе продолжалось

до двухъ часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись.

Я пріѣхалъ во дворецъ, когда уже заздравный молебенъ былъ внезапно прекращенъ по случаю пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о смерти Государя. Я вошелъ обыкновеннымъ малымъ входомъ извѣстнымъ подъ именемъ комендантской лѣстницы, и былъ крайне удивленъ, войдя въ первую комнату, которая отдѣляетъ церковь отъ внутренняго караула, найти въ ней графа Милорадовича, отдающаго приказанія коменданту Башуцкому, разослать въ тотъ же часъ плацъ-адъютантовъ по всѣмъ карауламъ, съ приказаніемъ привести немедленно караулы къ присягѣ. Это распоряженіе было сдѣлано графомъ до совѣщанія Государственнаго Совѣта. Я пошелъ въ залу собранія Совѣта и здѣсь съ нѣкоторыми другими лицами, адъютантами обоихъ великихъ князей—Николая и Михаила, Годейномъ и Кавелинымъ, ожидалъ какое постановленіе сдѣлано будетъ Совѣтомъ. Приносятъ бархатную подушку, на которой стоитъ маленькій ковчежекъ золотой, или позолоченный; узнаемъ, что несутъ духовное завѣщаніе покойнаго Императора. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, при открытіи засѣданія, сказалъ, что покойный Государь Императоръ оставилъ завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы оно было прочтено тотчасъ послѣ его смерти, прежде приступленія къ новой присягѣ, или къ какому либо дѣйствію. Графъ Милорадовичъ сейчасъ отвѣчалъ на эту рѣчь, сказавъ, что въ отношеніи престолонаслѣдія, Государь, по существующимъ въ Россіи законамъ, не можетъ располагать ею по духовному завѣщанію, что изъ уваженія къ лицу покойнаго, можно прочесть духовное завѣщаніе его, но исполненія по оному не можетъ быть. Затѣмъ приказано было прочесть завѣщаніе, и когда оно было прочтено, то Адмиралъ Ни-

колай Семеновичъ Мордвиновъ, всталъ и сказалъ: «теперь пойдемте присягать Императору Константину Павловичу». Всѣ встали и пошли сначала въ покои великаго князя Николая, для объявленія ему рѣшенія, принятаго Совѣтомъ. Мы поспѣшили въ комнаты, черезъ которыя должно было проходить великому князю и я видѣлъ его, какъ онъ блѣдный, шатающійся на ногахъ проходилъ въ покои матери своей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оттуда уже прошли прямо въ большую церковь, мы, въ свою очередь отправились туда же. Въ комнатѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно внутренній караулъ, бывшій въ тотъ день 1-го взвода роты Его Величества Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, стоялъ аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Солдаты спросили, что это значитъ? „Присяга", отвѣчали имъ; они всѣ въ одинъ голосъ: „какая присяга"? „Новому Государю". „У насъ есть Государь". „Скончался". «Мы не слыхали, что онъ и боленъ былъ». Пришелъ комендантъ Башуцкій и сталъ имъ разсказывать, что извѣстно было о болѣзни и смерти Государя. Тогда головной человѣкъ вышелъ впередъ и началъ тѣ же возраженія, прибавивъ, что они не могутъ присягать новому Государю, когда есть у нихъ давно царствующій, и вѣрить о смерти его не могутъ, не слыхавъ даже о болѣзни. Дежурный генералъ штаба Его Величества Потаповъ пришелъ на помощь коменданту, подтвердилъ его слова и началъ уговаривать людей принять требуемую присягу. Солдаты настаивали упорно въ своемъ отказѣ. Между тѣмъ великій князь Николай Павловичъ и члены Государственнаго Совѣта успѣли уже присягнуть въ церкви и Николай вышелъ къ упорствующему караулу и подтвердилъ слова генераловъ и объявилъ, что онъ самъ уже только что присягнулъ новому Государю Константину Павловичу. Волненіе утихло и солдаты присягнули.

Просмотрѣвъ всѣ эти происшествія въ Зимнемъ Дворцѣ,

я поѣхалъ въ Сенатъ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается. Сенаторы уже разъѣхались я нашелъ только двухъ оберъ-прокуроровъ Александра Васильевича Кочубея и Семена Григорьевича Краснокутскаго. Они съ негодованіемъ разсказывали мнѣ, что Сенаторы присягнули по одному словесному приказанію, переданному отъ министра юстиціи. А на вопросъ мой о конвертѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ Александра, отвѣчали, что министръ велѣлъ прислать его къ себѣ. Изъ этого разсказа ясно оказывается, что судьбами отечества располагалъ одинъ графъ Милорадовичъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, когда стало извѣстно, что Константинъ не принимаетъ данной ему присяги, и между тѣмъ отказывается и ѣхать самъ въ Петербургъ и издать отъ себя манифестъ о своемъ отреченіи, графъ, проходя въ своихъ комнатахъ, остановился предъ портретомъ Константина, и обратившись къ сопровождавшему его полковнику Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, сказалъ: «я надѣялся на него, а онъ губитъ Россію». Изъ этого обстоятельства должно еще заключить, что графу неизвѣстнымъ осталось торжественное объявленіе Константина Павловича, напечатанное въ книгѣ о восшествіи на престолъ, въ приложеніяхъ подъ № 3-мъ. Если-бъ это объявленіе не было скрыто, а было объявлено всенародно, то не было бы никакого повода къ сопротивленію въ принятіи присяги Николаю, и не было бы возмущенія въ столицѣ.

Въ этотъ самый день, когда была принесена присяга новому Императору Константину Павловичу, т. е. 27 ноября, Великій князь Николай Павловичъ, просилъ къ себѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Ѳедора Петровича Опочинина. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда адъютантомъ Константина Павловича, потомъ перешелъ въ гражданскую службу, которую по непріятностямъ оставилъ, и прожи-

валъ въ Петербургѣ довольно уединенно въ кругу небольшого числа своихъ хорошихъ знакомыхъ. Онъ постоянно сохранилъ благосклонное къ себѣ расположеніе Константина Павловича и даже дружбу его; жилъ въ городѣ, въ Мраморномъ дворцѣ, принадлежавшемъ Цесаревичу, а лѣтомъ въ его же Стрѣлинскомъ дворцѣ. Не было въ Петербургѣ человѣка, который былъ бы ближе его къ Константину Павловичу. Его и избралъ Великій князь Николай посредникомъ между собою и братомъ, и ему поручилъ ходатайство объ уступкѣ ему престола, напомнивъ Его Высочеству, что онъ самъ добровольно, безъ всякаго принужденія отрекся отъ наслѣдства. Въ ночь на 30-е, Опочининъ уѣхалъ, но встрѣтилъ дорогою ѣхавшаго изъ Варшавы Великаго Князя Михаила Павловича, возвратился съ нимъ обратно въ столицу. Опочининъ разсказывалъ мнѣ, что Константинъ, получивъ извѣстіе изъ Таганрога о смерти Александра, заперся на цѣлый день въ комнатѣ, никого не принималъ, никакого приказанія не отдавалъ и ничего о кончинѣ Государя не было объявлено въ Варшавѣ. Опочининъ былъ снова отправленъ съ прибавленіемъ просьбы, чтобы Константинъ прислалъ формальное и торжественное отреченіе, по которому Николай могъ бы безпрепятственно вступить на престолъ. Графъ Милорадовичъ постоянно настаивалъ на томъ, чтобы это было исполнено, еслибъ Константинъ самъ не захотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ и лично передать престолъ брату. Опочининъ поѣхалъ съ намѣреніемъ употребить всѣ средства, чтобъ уговорить Константина пріѣхать въ столицу Имперіи и, даже имѣлъ надежду, что слова его подѣйствуютъ достаточно, чтобъ заставить Константина принять царство. Онъ вспомнилъ, что когда Константинъ писалъ письмо къ Александру, по настоянію Его Величества въ 1817 году, то онъ сказалъ Ѳедору Петровичу, что имѣетъ увѣрен-

ность, что не переживетъ своего брата. Жена Опочинина Дарья Михайловна, дочь фельдмаршала князя М. И. Смоленскаго-Кутузова, не раздѣляла надеждъ своего мужа и говорила мнѣ, что она увѣрена, что Константинъ не приметъ престола, что онъ всегда говорилъ: «меня задушатъ, какъ задушили отца». Опочининъ, уѣзжая, зналъ неприязненное расположеніе войска и народа къ великимъ князьямъ и, какъ охотно, всѣ присягнули Константину, говоря, что ему служить можно, а братьямъ его нельзя; и потому понималъ необходимость торжественнаго отреченія Константина и считалъ надежнѣйшимъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это не однимъ печатнымъ манифестомъ, но личнымъ своимъ отреченіемъ предъ войскомъ Лейбъ-Гвардіи и народомъ въ столицѣ.

Здѣсь оканчиваются мои свѣдѣнія о теченіи переговоровъ Николая съ Константиномъ, исключая того, что въ отвѣтъ на всѣ свои домогательства, Николай получилъ отъ Константина собственноручную записку, въ которой онъ, въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, и даже не благопристойныхъ, писалъ, что онъ знать ничего не хочетъ, что дѣлается въ Петербургѣ и чтобъ дѣлали, что хотятъ и какъ хотятъ. Такъ мнѣ было разсказано, и это подтверждается разсказомъ барона Корфа, когда онъ говоритъ, что послѣднее письмо Константина было написано въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было его обнародовать, хотя послѣ и прилагаетъ въ прибавленіяхъ какое-то письмо, въ которомъ ничего подобнаго не заключается. Вслѣдствіи этого публика справедливо обвиняла Константина въ неуваженіи ни къ себѣ, ни къ народу и въ отсутствіи малѣйшаго чувства любви къ отечеству; а публика была обманута сокрытіемъ воззванія, въ которомъ онъ объясняетъ причины побуждающія его не принимать присяги и приглашаетъ народъ присягнуть Николаю. Это воззва-

ніе осталось бы неизвѣстнымъ, еслибъ не было припечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ, изданной барономъ Корфомъ.

Время междуцарствія продолжалось ровно двѣ недѣли. Никакой другой случай не могъ быть благопріятнѣе для приведенія въ исполненіе намѣренія Тайнаго Общества, еслибъ оно было довольно сильно; но члены его были разсѣяны по большому пространству Россійской Имперіи. Столица, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе, заключала небольшое число членовъ. Не смотря на то, бывшіе въ ней члены, положили воспользоваться предстоящимъ случаемъ, особенно когда въ мыслящей публикѣ, поселилось ожиданіе, что Константинъ Павловичъ не приметъ слѣдующаго ему наслѣдія престола. Причины, побудившія ихъ воспользоваться предстоящимъ случаемъ, были слѣдующія: 1) въ Россіи никогда не бывало, чтобы законный наслѣдникъ престола добровольно отъ него отказывался и, должно было предполагать, что съ трудомъ повѣрятъ такому отказу; 2) молодыхъ великихъ князей не любили, особенно военные. Только нѣкоторая часть двора предпочитала имѣть Императоромъ Николая. Придворныя дамы находили, что для нихъ низко будетъ имѣть незначительнаго рода польку Императрицей; 3) во всѣхъ домахъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшему обществу столицы, изъявлялось негодованіе на странное положеніе, въ которомъ находилось государство. Это негодованіе не смѣло выразиться рѣчами дерзкими, или рѣшительными, но выражалось насмѣшками. Были заклады кому достанется престолъ. Спрашивали, продадутся или нѣтъ бараны? Смѣялись надъ тѣмъ, что отъ Сената, посланъ былъ къ Императору Константину съ объявленіемъ о принесенной ему присягѣ, чиновникъ, бывшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, извѣстный какъ картежный игрокъ, хорошо предугадавшій карты и, это обстоятельство примѣняли съ на-

смѣшками къ тогдашнему случаю; 4) наконецъ, члены Тайнаго Общества увѣрены были въ содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые опасаясь дѣйствовать явно, когда, еще Общество не оказало своей силы, являли себя готовыми пристать, какъ скоро увидѣли бы, что достаточная военная сила можетъ поддержать ихъ.

Первое дѣйствіе Тайнаго Общества было увѣриться, что всѣ его члены будутъ равно усердно содѣйствовать общей его цѣли. Но здѣсь оказалось тоже, что обыкновенно оказывается во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Многіе члены вступили въ Общество, когда еще конечное его дѣйствіе представлялось въ неизвѣстной дали. Будучи его членами, они знали, что будутъ всегда поддержаны имъ и что это могло способствовать ихъ возвышенію. Теперь, когда они уже достигли извѣстной степени и когда открывались новыя обстоятельства, они не видѣли пользы для себя дѣйствовать сообразно видамъ Тайнаго Общества, гдѣ члены не имѣли никакой личной цѣли, жертвовали собою, единственно для блага своего отечества, и не представляющаго никакихъ личныхъ выгодъ ни къ которому изъ своихъ членовъ. Многіе [1]), бывшіе ревностными чле-

---

[1]) Многіе изъ оставшихся въ Россіи членовъ Общества занимали послѣ и нынѣ еще занимаютъ важныя должности въ Государствѣ: Граббе Г. А. командовалъ на кавказской линіи дивизіей, Гурко замѣнилъ его и послѣ былъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, нынѣ тожъ запасныхъ войскъ; князь Михаилъ Горчаковъ начальникомъ штабовъ дѣйствующей арміи; Николай Николаевичъ Муравьовъ командовалъ корпусомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, сенаторъ; Петръ Колошинъ, начальникъ департамента; Илья Бибиковъ, при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ; Кавелинъ, военный генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ; Л. В. Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ; князь Меньшиковъ, членъ общества русскихъ рыцарей, начальникъ штаба морского; Вальховскій начальникъ штаба въ Грузіи; Литке наставникъ Великаго Князя Константина Николаевича. Не помню другихъ, менѣе значительныя должности занимавшихъ: также не считаемъ Шипова, Ростовцева, Моллера, измѣнившихъ Обществу и князя Долгорукова, отступившаго изъ страха.

нами въ молодости, охладѣли съ лѣтами. Теперь предстояло дѣйствіе рѣшительное, которое, съ одной стороны, въ случаѣ успѣха, не представляло личныхъ выгодъ, съ другой стороны, въ случаѣ неуспѣха, грозило гибелью. Выгоднѣе было поддержать имѣющаго надежду получить престолъ и повергнуть себя и всѣ свои способности и средства, предъ стопами того, отъ кого можно было надѣяться награды и которому всѣ предположенія обѣщали успѣхъ.

Общество видѣло себя ослабленнымъ чрезъ отступленіе такихъ членовъ, которые непремѣнно сдѣлали бы значительный перевѣсъ по власти, которую чины, занимаемые ими въ рядахъ гвардіи, предоставили въ ихъ руки. Но въ тоже время, оно видѣло, что большая часть офицеровъ гвардіи, не вѣрила возможности отреченія Константина. Нелюбовь ихъ къ молодымъ великимъ князьямъ явно оказывалась въ ихъ разговорахъ и тѣ, которымъ общество открыло свои намѣренія, съ восторгомъ оказали готовность дѣйствовать подъ его руководствомъ. Всѣ эти офицеры были люди молодые, никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира. Надобно было найти извѣстнаго гвардейскимъ солдатамъ штабъ-офицера для замѣщенія передававшихся на сторону власти баталіонныхъ и полковыхъ командировъ. Этотъ начальникъ нуженъ былъ только для самаго перваго начала. Былъ въ столицѣ полковникъ Булатовъ, который недавно перешелъ изъ Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка въ армію. Его помнили и любили гренадеры и этотъ былъ одинъ изъ полковъ, на который болѣе надѣялись. Булатовъ согласился принять начальство надъ войсками, которые соберутся на сборномъ мѣстѣ. Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что Императоръ Константинъ самъ не ѣдетъ и не хочетъ дать отъ себя манифеста о своемъ отреченіи и передачѣ престола Николаю Павловичу. Обстоятельство очень затруднительное для по-

слѣдняго. Надобно было издать манифестъ отъ собственнаго лица, но какимъ образомъ убѣдить въ истинѣ отреченія и на какомъ правѣ основать свое вступленіе. Издать манифестъ именемъ Сената было бы дѣйствіе самое законное и самое народное, потому что народъ привыкъ получать всѣ указы изъ Сената; Находили однако, что это было бы предоставить Сенату такую власть, которая принадлежитъ только Императору, и такой примѣръ могъ бы служить на будущее время поводомъ Сенату распоряжаться и самою верховной властью по своему усмотрѣнію.

Въ такихъ обстоятельствахъ рѣшились издать манифестъ отъ лица Императора, принимающаго престолъ, и обнародовать письмо Константина Павловича къ покойному Императору; начать присягу съ военной силы и обязать гвардейскихъ полковыхъ командировъ личною отвѣтственностію, если они не сумѣютъ преодолѣть ожидаемаго упорства подчиненныхъ имъ полковъ. Графъ Милорадовичъ, убѣдившій Николая въ необходимости предоставить престолъ законному наслѣднику, видя странное дѣйствіе Константина, рѣшился теперь содѣйствовать къ преодолѣнію препятствій о провозглашеніи Николая Императоромъ.

Тайное Общество, хорошо извѣщенное о всѣхъ дѣйствіяхъ великаго князя и всего военнаго начальства, а также о мысляхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, проявлявшихся изъ разговоровъ, распорядило дѣйствія свои сообразно этимъ свѣдѣніямъ. Оно знало, что трудно будетъ, или даже совсѣмъ невозможно, увѣрить всѣхъ нижнихъ чиновъ и даже многихъ офицеровъ, чтобы Константинъ Павловичъ произвольно отказался отъ престола; даже въ народѣ признавали законнымъ наслѣдникомъ не Николая, а Михаила, какъ родившагося въ то время, какъ отецъ ихъ былъ Императоромъ. Одна привычка къ безусловному повиновенію и насильство могло заставить солдатъ присягнуть по требованію ихъ началь-

пиковъ, и такъ какъ начальники полковъ большею частію были нелюбимы подчиненными и не имѣли ихъ довѣренности, то легко было поколебать ихъ повиновеніе. Дѣйствительно, когда по утру, 14 декабря выведены были въ полкахъ люди для присяги, то вообще они оказали недоумѣніе и нерѣшительность, которая при первыхъ словахъ офицеровъ, изъявившихъ сомнѣніе касательно законности требуемой присяги, обратилось въ явное упорство.

Русскій солдатъ такъ однако-же привыкъ къ слѣпому повиновенію, что большая часть начальниковъ успѣла удержать своихъ подчиненныхъ. Но Стюрлеръ, бывшій болѣе прочихъ нелюбимъ, и Карцевъ, не имѣвшій никакого уваженія подчиненныхъ, не могли удержать ввѣренныхъ ихъ начальству. Извѣстно, что высшее начальство военное привыкло почитать русскаго солдата болваномъ, который поворачивается и идетъ туда, куда его направитъ начальникъ. Однакоже графъ Милорадовичъ, собиравшій впродолженіи всего времени междуцарствія свѣдѣнія о духѣ и расположеніи солдатъ и офицеровъ, убѣдился что не легко будетъ заставить присягнуть посредствомъ манифеста, изданнаго отъ того лица, которое желаетъ возсѣсть на престолъ. Графъ тщетно добивался, чтобы этотъ манифестъ былъ изданъ тѣмъ Императоромъ, которому присягнули они, только въ такомъ случаѣ обѣщалъ, что порядокъ въ столицѣ не будетъ нарушенъ. Сомнѣнія графа поколебали увѣренность Николая, тѣмъ болѣе, что онъ, съ своей стороны отъ приверженцевъ своихъ былъ предваренъ о расположеніи гвардіи и о существованіи Тайнаго Общества, намѣревавшагося воспользоваться этимъ расположеніемъ.

Въ ночь съ 13 на 14 число, полковой командиръ Преображенскаго полка старался привлечь свой полкъ на сторону Николая Павловича. Это казалось тѣмъ болѣе

необходимо, что Гренадерскій взводъ роты Его Величества изъявлялъ уже наклонность къ сомнѣнію въ бытность свою во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. Кромѣ обѣщаній, роздана была большая сумма денегъ изъ артельныхъ и, по утру, когда выведенъ былъ 1-й батальонъ и Николай Павловичъ, подъѣхавъ, спросилъ рядовыхъ, хотятъ ли они его своимъ Государемъ, они отвѣчали утвердительно. Тогда онъ приказалъ зарядить ружья и идти за нимъ. Происшествія 14-го числа и послѣдующихъ дней извѣстны [1]). Казематовъ Петропавловской крѣпости не достало для помѣщенія всѣхъ арестованныхъ, взятыхъ

[1]) Пока все это происходило въ столицѣ, на всемъ пространствѣ Россіи присягали въ вѣрности новому Государю, одному вслѣдъ за другимъ, такъ что во многихъ мѣстахъ были споры за церкви. Военные, получившіе прежде приказы о присягѣ Николаю, оспаривали храмы у гражданскихъ, которые, въ то же время присягали Константину. Но привычка къ безусловному повиновенію властямъ, какія-бы они ни были, не допускала до дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ 3-мъ только корпусѣ произошло возмущеніе, которое должно было потушить оружіемъ. Оно произошло слѣдующимъ образомъ: въ составѣ этого корпуса независимо отъ Тайнаго Общества, извѣстнаго въ отчетѣ слѣдственнаго комитета подъ именемъ Южнаго, существовало другое, подъ именемъ Славянскаго. Оно имѣло особое образованіе, особый образъ дѣйствій особую цѣль; большею частью было составлено изъ оберъ-офицеровъ. На маневрахъ корпуса, бывшихъ осенью 1825 года, оно было открыто Бестужевымъ-Рюминымъ и вошло съ нимъ въ нѣкоторыя сношенія, но осталось неизвѣстнымъ Тайному Обществу. Когда получено было приказаніе объ арестованіи членовъ Тайнаго Общества на Югѣ, въ арміи находившихся, то между прочими приказано было арестовать Черниговскаго пѣхотнаго полка, подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола. Онъ въ этотъ день былъ въ корпусной квартирѣ и уѣхалъ оттуда въ полкъ, въ городъ Васильковъ. Полковой командиръ Гербель былъ также въ корпусной квартирѣ, и получивъ приказаніе арестовать Муравьева-Апостола, поѣхалъ въ Васильковъ для исполненія порученія. Въ полку это уже извѣстно было; въ немъ нѣкоторые офицеры принадлежали къ Славянскому Обществу. Роты собрались для присяги. Командовавшій одною, поручикъ Сухановъ остановился на дорогѣ, гдѣ должны были проѣзжать Муравьевъ и Гербель и остановивъ обоихъ, не дозволилъ послѣднему привести въ исполненіе даннаго приказанія. Между тѣмъ, извѣщенные ротные командиры привели близъ стоявшія роты, и когда полковникъ Гербель хотѣлъ вновь приступить къ исполненію своего порученія, нанесли ему шпагами многія раны, а Муравьева принудили принять команду надъ полкомъ, который весь скоро собрался.

въ столицѣ и привезенныхъ со всѣхъ сторонъ обширной Россійской Имперіи. Военное сопротивленіе преодолѣно и вся знать, всѣ государственные чины и верховныя правительственныя мѣста безусловно признали возсѣвшаго на Россійскій престолъ. Никто не осмѣлился изъявить мнѣнія, что неправильность принятія въ новые руки скипетра могло быть причиною бывшаго сопротивленія. Все приписано было злонамѣренію Тайнаго Общества и члены его, а также и прочія лица, участвовавшія въ происшествіяхъ сихъ дней, преданы были суду, какъ злоумышленники и ослушники законной власти.

Всѣ нижніе чины, схваченные на мѣстѣ битвы, были заключены въ Петропавловской крѣпости. Всѣ прочія лица приводились во дворецъ и новый Императоръ самъ всѣхъ допрашивалъ. На многихъ гнѣвъ его выражался ругательствомъ. Князь Оболенскій былъ приведенъ съ связанными руками, Императоръ обругалъ его, и обратившись къ стоящимъ генераламъ сказалъ: «вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него». Князь Оболенскій былъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ гвардейской пѣхоты, а Николай Павловичъ, какъ великій князь, командовалъ одной изъ дивизій гвардейской пѣхоты. Многіе вѣрноподданные сами поспѣшили привозить къ Императору ближайшихъ своихъ родственниковъ недожидаясь, чтобы приказано было ихъ взять. Такъ Д. С. Ланской не дозволилъ родному племяннику жены своей, князю Одоевскому, никакой попытки къ избѣжанію ожидавшей его участи и не давъ ему отдохнуть, ни перекусить, повелъ во дворецъ. Супруга Ланского наслѣдовала двѣ тысячи душъ отъ князя Одоевскаго, по произнесенію надъ нимъ приговора. Однако же были лица, оказавшіе сострадапіе и человѣколюбіе. Капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ, укрываясь отъ преслѣдованія, вошелъ въ незнакомый ему домъ и, пройдя

рядъ пустыхъ комнатъ, очутился въ кабинетѣ одного знатнаго пожилого человѣка. Удивленный неожиданнымъ явленіемъ N спросилъ Бестужева, чего онъ хочетъ? и, узнавъ отъ него, что онъ скрывается и голоденъ, заперъ его въ кабинетѣ, самъ принесъ ему закусить, предложилъ денегъ и сказалъ, что скрыть у себя не можетъ потому что имѣетъ сына въ гвардіи, который непремѣнно его выдастъ, но проводитъ его самъ изъ дому скрытно. Во время разговора услышали въ ближайшей комнатѣ голосъ сына возвратившагося съ нѣсколькими друзьями офицерами и, рѣзко изъявлявшаго свое мнѣніе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ сей день. Старикъ немедля вывелъ Бестужева, который успѣлъ уѣхать въ Кронштадтъ. Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ тещи моей и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская предложила ей ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей, графиня Лебцельтернъ, предложила въ своемъ—женѣ моей и мнѣ. Это послѣ причтено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника. Ночью съ 14-го на 15-е число, графъ Лебцельтернъ приходитъ меня будить и говоритъ, что Императоръ меня требуетъ. Я, одѣвшись, вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него графа Нессельрода, въ полномъ мундирѣ; шурина его графа Алекс. Гурьева, который пришелъ изъ любопытства и, съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и флигель-адъютанта князя Андрея Михаиловича Голицына, который объявилъ мнѣ, что Императоръ меня требуетъ. Я сѣлъ съ нимъ въ сани и, когда пріѣхали во дворецъ, онъ въ прихожей сказалъ мнѣ, что Императоръ приказалъ ему потребовать у меня шпагу; я отдалъ и онъ повелъ меня въ генералъ-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. У каждой двери стояло по трое часовыхъ. Вездѣ

около дворца и по улицамъ къ нему ведущимъ, стояло войско и разведены были огни.

Меня позвали. Императоръ пришелъ ко мнѣ на встрѣчу въ полной формѣ и лентѣ и, поднявъ указательный палецъ правой руки противъ моего лба, сказалъ: «что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліей, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ князь Трубецкой!.. Какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью, ваша участь будетъ ужасная», и обратившись къ генералу Толь, сказалъ: «прочтите». Толь выбралъ изъ бумагъ, лежащихъ на столѣ, одинъ листъ и прочелъ въ немъ показаніе, что бывшее происшествіе есть дѣло Тайнаго Общества, которое кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ еще большую отрасль въ 4-мъ корпусѣ, и что дежурный штабъ офицеръ этого корпуса, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка полковникъ князь Трубецкой, находящійся теперь въ Петербургѣ, можетъ дать полное свѣдѣніе о помянутомъ Обществѣ. Когда онъ прочелъ, Императоръ спросилъ: «Это Пущина»?:—Толь: «Пущина».

Я. Государь! Пущинъ ошибается...

Толь. А! вы думаете это Пущина.—А гдѣ Пущинъ живетъ?

Я видѣлъ что почеркъ не Пущина, но подумалъ что повторивъ имя его, можетъ быть назовутъ мнѣ показателя. На вопросъ Толя, я отвѣчалъ: «не знаю».

Толь. У отца ли онъ теперь?

Я. Не знаю.

Толь. Я всегда говорилъ покойному государю, Ваше Величество, что 4-й корпусъ гнѣздо Тайныхъ Обществъ и, почти всѣ полковые командиры къ нему принадлежатъ, но Государю не угодно было вѣрить.

Я. Ваше Превосходительство, имѣете очень невѣрныя свѣдѣнія.

Толь. Ужъ вы не говорите,—я это знаю.

Я. Послѣдствія докажутъ что Ваше Превосходительство ошибаетесь. Въ 4-мъ корпусѣ нѣтъ Тайнаго Общества, я за это отвѣчаю.

Императоръ прервалъ нашъ споръ, подавъ мнѣ листъ бумаги и сказалъ: «пишите показаніе» и, показавъ мѣсто на диванѣ, на которомъ сидѣлъ и съ котораго всталъ теперь. Прежде нежели я сѣлъ, Императоръ началъ опять разговоръ. «Какая фамилія князь Трубецкой, гвардіи полковникъ и въ какомъ дѣлѣ! Какая милая жена! Вы погубили вашу жену! Есть у васъ дѣти?

Я. Нѣтъ.

Императоръ. Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей! Ваша участь будетъ ужасная! Ужасная!

И, продолжавъ нѣкоторое время въ этомъ тонѣ, заключилъ: «пишите все что знаете», и ушелъ въ кабинетъ.

Я остался одинъ. Видѣлъ себя въ положеніи очень трудномъ, не хотѣлъ скрывать принадлежности моей къ Тайному Обществу, что и не привело бы ни къ чему доброму, потому что ясно было изъ прочтеннаго мнѣ и многихъ исписанныхъ, разными почерками листовъ, что болѣе извѣстно, нежели бы я желалъ. Но между тѣмъ я не хотѣлъ имѣть возможность упрекать себя, что я, кого бы то нибыло назвалъ. И потому я въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному Обществу, которое имѣло цѣлію улучшеніе правительства, что обстоятельства послѣдовавшія за смертію Государя, казались Обществу благопріятными къ исполненію намѣреній его; и что оно, предпринявъ дѣйствія, избрало меня диктаторомъ, но что я, наконецъ, увидя, что болѣе нужно мое имя, нежели лицо и распоряженія, удалился отъ участія. Этой уверткой я надѣялся отстранить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ приготовленъ. Пока я писалъ, вышелъ

Михаилъ Павловичъ и подошелъ ко мнѣ; постоялъ противъ меня и я противъ него не болѣе минуты и вышелъ. Между тѣмъ приходили другія лица, которыхъ разспрашивалъ Толь и которыхъ потомъ выводили. Входилъ и Императоръ для допросовъ и уходилъ обратно. Когда я окончилъ писать, подалъ листъ вошедшему Толю; онъ унесъ его къ Императору. Нѣсколько погодя Толь, позвалъ меня въ другой кабинетъ. Я едва переступилъ за дверь, Императоръ на встрѣчу въ сильномъ гнѣвѣ: «Экъ! что на себя нагородили, а того, что надобно не сказали» и скорыми шагами отойдя къ столу взялъ на немъ четвертку листа, поспѣшно подошелъ ко мнѣ и показавъ: «Это что? Это ваша рука»?

Я. Моя.

Императоръ. (крича). Вы знаете, что могу васъ сейчасъ разстрѣлять!

Я. (Сложивъ руки и также громко). Разстрѣляйте Государь! Вы имѣете право.

Императоръ. (Также громко). Не хочу. Я хочу, чтобъ судьба ваша была ужасная!

Выпихнувъ меня своимъ подходомъ въ передній кабинетъ, повторялъ тоже нѣсколько разъ, понижая голосъ. Отдалъ Толю бумаги и велѣлъ приложить къ дѣлу, а мнѣ опять началъ говорить о моемъ родѣ, о достоинствахъ моей жены и ужасной судьбѣ, которая меня ожидаетъ и уже все это жалобнымъ голосомъ. Наконецъ, подведя меня къ тому столу, на которомъ я писалъ и, подавъ мнѣ лоскутъ бумаги сказалъ: «пишите къ вашей женѣ». Я сѣлъ, онъ стоялъ. Я началъ писать: другъ мой, будь спокойна и молись Богу!.. Императоръ прервалъ: «что тутъ много писать! напишите только: «я буду живъ и здоровъ». Я написалъ: «Государь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и здоровъ! Я подалъ ему. Онъ прочелъ и сказалъ: «Я живъ и здоровъ буду, припи-

шите, буду, вверху». Я исполнилъ. Онъ взялъ и велѣлъ идти мнѣ за Толемъ. Толь, выведя меня, передалъ тому же князю Голицыну, который меня привезъ и который теперь взялъ конвой кавалергардовъ, отвезъ меня въ Петропавловскую крѣпость и передалъ коменданту Сукину. Шубу мою во дворцѣ украли и мнѣ саперный полковникъ далъ свою шинель на ватѣ доѣхать до крѣпости.

Здѣсь я нѣсколько часовъ дожидался сначала въ залѣ, потомъ въ домовой церкви до тѣхъ поръ, какъ отвели меня въ номеръ 7-й Алексѣевскаго равелина. Въ церкви я горячо помолился, особенно при мысли, что можетъ быть я болѣе никогда уже не буду въ храмѣ Божіемъ. Когда меня привели въ назначенный номеръ равелина, велѣли раздѣться и, оставя на мнѣ только рубашку, портки и чулки, подали халатъ и короткія туфли, которыя черезъ нѣсколько дней перемѣнили на большія изорванныя. Окно мое не было замазано подобно другимъ окнамъ; причины тому я никогда не могъ узнать. Окошко въ дверяхъ, завѣшанное снаружи, давало возможность видѣть меня во всякое время, а мнѣ воспрещено видѣть, что дѣлается въ корридорѣ. На ночь горѣла на окнѣ лампада, которую зажигали, какъ скоро погасала. Мебель состояла изъ жесткой очень постели, маленькаго столика, стула и судна. Вечеромъ подавали свѣчу и щипцы съ обломаннымъ кончикомъ. Ножей и вилокъ не давали, посуда была оловянная. Чрезъ нѣсколько дней жена моя прислала мнѣ бѣлья и мнѣ давали его въ перемѣну. Осматривали пристально чтобъ не было ничего остроконечнаго, даже булавки. Пищу давали по утру, чай съ бѣлой булкой; обѣдать супъ или щи, говядину и кашу, или картофель; вечеромъ чай и ужинъ. Въ теченіи первыхъ не менѣе какъ шести недѣль, по ночамъ будили насъ громкимъ стукомъ въ корридорѣ, на вопросы о стукѣ не давали отвѣта и, вообще, всѣ

вопросы оставались безъ отвѣта, или отвѣтъ былъ: не знаю, не слыхалъ и т. п. Въ теченіи дня и вечеромъ прислужники подкрадывались тихонько въ валенкахъ или въ чемъ подобнымъ, чтобы не было слышно ихъ шаговъ и, украдкой, подсматривали въ дверное окно. Случалось спачала довольно часто слышать и деревяшку коменданта, сопровождавшую ноги, обутыя въ сапоги, и шпоры и голоса, между которыми многіе полагали похожій на голосъ Императора. Однажды я довольно внятно слышалъ, какъ Сукинъ съ уваженіемъ отвѣчалъ на вопросы и называлъ номера и сидящихъ въ нихъ.

17-го вечеромъ пришелъ за мной плацъ-адъютантъ и принесли мнѣ мой мундиръ. Я одѣлся и меня отвели въ домъ коменданта, гдѣ я нашелъ генерала Левашева. Дорогой, я, будучи въ одномъ мундирѣ, жестоко озябъ и, кажется, Левашевъ принялъ дрожь мою за трусость, потому что онъ спросилъ меня: отчего я дрожу? Сказавъ мнѣ по французски, что онъ присланъ отъ Императора разспросить меня, онъ прибавилъ: «Ah! mon Prince, vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans»!

Потомъ онъ сталъ спрашивать меня о составѣ и образованіи Южнаго Общества. На отвѣтъ мой, что я не могу ему дать никакихъ о томъ свѣдѣній, потому что самъ ихъ не имѣю, онъ мнѣ прочелъ многія подробности, изъ которыхъ я увидѣлъ, что извѣстенъ весь составъ и всѣ лица. Я не зналъ, что Майборода сдѣлалъ свой доносъ.

«Вы генералъ, гораздо больше знаете, чѣмъ я, почти все, что вы мнѣ читали, для меня ново».

Онъ. Это не можетъ быть, вы только не хотите сказать.

Я. Если бы я желалъ, то ничего не могу вамъ сказать, потому что ничего этого не знаю.

Онъ. Вы были на югѣ и вы видѣлись съ Пестелемъ?

Я. Нѣтъ, я Пестеля не видалъ уже нѣсколько лѣтъ. Могу ли я объ немъ теперь спросить?

Онъ. Онъ арестованъ. Если не хотите мнѣ отвѣчать, то вы можете писать прямо къ Государю.

Спросивъ меня принадлежитъ ли къ Обществу полковникъ И. М. Бибиковъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, генералъ Левашевъ меня отпустилъ. Мнѣ показалось, что генералъ Левашевъ не очень повѣрилъ утвержденію моему о непринадлежности Бибикова къ Тайному Обществу, и потому возвратившись въ номеръ, я спросилъ листъ почтовой бумаги, перо и чернильницу и написалъ къ Левашеву письмо, въ которомъ положительно утверждалъ, что Бибиковъ не принадлежитъ къ Тайному Обществу и ничего не зналъ ни осуществованіи его, ни о 14-мъ числѣ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней пришелъ ко мнѣ смотритель равелина съ большимъ конвертомъ въ рукѣ, и спросилъ меня, писалъ ли я къ Государю? На отрицательный мой отвѣтъ сказалъ, что кто-то писалъ изъ равелина и что, вѣроятно, онъ ошибся номеромъ и вышелъ.

23-го приходитъ за мной плацъ-адъютантъ. Я одѣлся, меня позвали въ домъ коменданта. Войдя въ комнату, я нашелъ сидящихъ за столомъ: въ головѣ военнаго Министра Татищева; по правую руку, великаго князя Михаила Павловича, по лѣвую—князя Ал. Ник. Голицына; возлѣ нихъ генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашева, флигель-адъютанта полковника Адлерберга и 5-го класса Боровкова. Начались вопросы о 14-мъ числѣ, о цѣляхъ его и средствахъ достиженія цѣли. Я отвѣчалъ, что цѣль была доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами небывалыми въ Россіи; что мы увѣрены были, что войска не повѣрятъ манифесту, который не будетъ изданъ отъ лица

Государя, которому присягнули, и, упорство войска принести присягу хотѣли обратить къ произведенію въ законоположеніе, тѣхъ перемѣнъ, которыя избавили бы отечество наше на будущее время, отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи; что когда бы сопротивленіе оказалось бы довольно сильно, то вѣроятно, власть вступила бы съ нами въ переговоры и, тогда мы могли бы отечеству своему доставить то, чего желали.

Великій князь. Кто вступилъ бы съ вами въ переговоры?

Я. Государь.

Великій князь (съ гнѣвомъ). Съ вами? Съ бунтовщиками? Это дѣло иностранное. На площади былъ князь Шварценбергъ отъ Австрійскаго посольства.

Я. Мы не допустили бы никакого иностраннаго вмѣшательства въ наше дѣло. Оно должно быть совершенно русское.

Великій князь. Какъ зовутъ секретаря графа Лебцельтерна?

Я. Ихъ нѣсколько.

Великій князь. Son secretaire particulier?

Я. Я не знаю его имя.

Великій князь. Какъ вы не знаете! Slumlauer.

Я. Онъ не частный секретарь, онъ секретарь посольства.

Великій князь. Все равно.

Продержавъ меня довольно долго отпустили. Выходя въ другую комнату, я увидѣлъ, что поспѣшно накрыли кому то небольшого роста голову мѣшкомъ, чтобъ я не узналъ. 24-го вечеромъ, опять требовали меня и я нашелъ собраніе. Сегодня вопросы были многочисленнѣе: два, три человѣка спрашивали разныя вещи въ одно время съ насмѣшками, колкостями, почти ругательствомъ, одинъ противъ другого на перерывъ. Между прочимъ послѣ разныхъ

вопросовъ о разговорахъ и совѣщаніяхъ между членами до 14-го числа, Бенкендорфъ, спросилъ: «когда все было положено между вами, вы, возвратившись, все повѣрили княгинѣ вашей женѣ?»

Я. Нѣтъ, генералъ, я женѣ моей ничего не повѣрялъ, она не болѣе знала какъ и вы.

Бенкендорфъ. Почему же не довѣрить, это очень натурально. Когда любишь жену, то очень натурально повѣрить ей свои тайны.

Я. Я не понимаю какое вы имѣете понятіе о супружеской любви, когда полагаете, что можно повѣрить женѣ такую тайну, которой познаніе можетъ подвергнуть ее опасности.

Бенкендорфъ. Да, что же тутъ удивительнаго? C'est très naturel, que vous ayez confié à vorte femme les projets, qui vous occupaient, et il n'y a rien là qui doive étonner. C'est fort simple, si vous n'avez pas tout dit à la princesse, vous deviez necessairement lui confier, au moins, quelque chose.

При каждомъ вопросѣ Бенкендорфа, мое негодованіе возростало и теперь возросло до высочайшей степени: «Je ne sais pas, Général, comment vous aimez votre femme, mais ce que je sais moi, c'est que si jamais j'avais confié, à ma femme un secret, dont la connaissance aurait pu seulement la compromettre je me serais considéré comme un infâme».

Левашевъ, который сидѣлъ послѣдній ко мнѣ и возлѣ Бенкендорфа, поспѣшилъ теперь прервать разговоръ и, обратясь къ нему, сказалъ: «Ecoutez Benkendorff, c'est très-probable, que le prince n'a voulu rien confier à sa femme et qu'elle n'a rien sû».

Я наконецъ сказалъ; «Господа, я не могу отвѣчать всѣмъ вмѣстѣ; каждый спрашиваетъ разное, — извольте спрашивать меня по порядку и тогда я буду отвѣчать».

Генералъ-Адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ. (Съ громкимъ хохотомъ). Нѣтъ, этакъ лучше, скорѣй собьется.

Я. Надѣюсь, что Вашему Превосходительству, не доставлю этого удовольствія. Я повторяю, что не могу отвѣчать, когда меня такъ спрашиваютъ какъ теперь. Всѣ говорятъ вмѣстѣ на перерывъ. Напали на меня какъ на бѣшеную собаку. Вы требуете отвѣта о бывшемъ за нѣсколько тому лѣтъ, можно ли все припомнить въ одну минуту? Если вамъ угодно имѣть отъ меня отвѣты, задайте мнѣ писанные вопросы и тогда я буду отвѣчать.

Почти всѣ. Вотъ еще. Отвѣчайте словесно.

Я. Я не могу отвѣчать.

Великій князь. Требованіе князя Трубецкого справедливо. Задайте ему письменные вопросы и пошлите ихъ къ нему, чтобъ онъ письменно отвѣчалъ.

Члены согласились. Всѣ встали. Князь Голицынъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Государь вами очень недоволенъ. Вы не хотите отвѣчать ничего. Государю ваши отвѣты не нужны для узнанія дѣла, все уже извѣстно. Онъ желаетъ видѣть только вашу откровенность и, что вы чувствуете милости его; не заставьте принять съ вами непріятныхъ для васъ мѣръ».

Я. Я уже сказалъ Государю въ первый день, все что касается моего участія и, готовъ пополнить все что угодно будетъ еще спросить,—но согласитесь, Ваше Сіятельство, что я не могу быть доносчикомъ.

Подошелъ военный министръ и плачущимъ тономъ сталъ уговаривать меня, чтобы я все открылъ. Наконецъ меня отпустили, продержавъ очень долго. Я пришелъ въ свой нумеръ въ совершенномъ изнеможеніи и сталъ харкать кровью. На другой день Рождества Христова я былъ боленъ. Прислали вопросные пункты, на которые отвѣчалъ. Не помню въ какой день получилъ запросы о письмѣ,

посланномъ чрезъ Свистунова въ Москву къ Степ. Мих. Семенову. Отвѣчалъ, что увѣдомлялъ его о происшествіяхъ бывшихъ въ Петербургѣ. Потомъ получилъ запросъ, кѣмъ Семеновъ принятъ въ Общество? Отвѣчалъ, что не знаю. Вечеромъ требуютъ меня въ комитетъ. Послѣ разныхъ вопросовъ о знакомствѣ моемъ съ Семеновымъ и о принадлежности его къ Обществу, на которые вопросы я отвѣчалъ, что полагалъ его членомъ, но утвердительно сказать не могу, чтобы онъ былъ имъ,—говорятъ, мнѣ чтобы я обернулся и спрашиваютъ, узнаю ли я Семенова? Я обернулся и увидѣлъ его за собою. Повторяютъ вопросъ, этотъ ли Семеновъ принадлежалъ къ Обществу? На повторенный отвѣтъ мой, что утвердительно сказать не могу принадлежитъ ли онъ къ Обществу, Семеновъ возразилъ: «какъ же князь, вы знаете, что я не принадлежалъ къ Обществу, вы меня въ Тайное Общество не принимали, и съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Петербурга, вы знаете, гдѣ я былъ, и что я тамъ не могъ быть принятъ никѣмъ».

Я. Г. Семеновъ говоритъ правду, я его не принималъ и, не знаю, чтобы кто либо другой его принялъ.

Вопросъ. Вы писали къ г. Семенову чрезъ Свистунова; вы писали къ нему, какъ къ члену Тайнаго Общества?

Я. Что я писалъ къ г. Семенову, я могъ писать и ко всякому другому знакомому, хотя бы онъ и не былъ членомъ Тайнаго Общества.

Вопросъ. По вѣдь, вы полагали, г. Семенова членомъ Тайнаго Общества и писали къ нему чрезъ Свистунова въ Москву и, даже прежде съ нимъ переписывались?

Я. Наша переписка касалась единственно, личныхъ дѣлъ г. Семенова.

Семеновъ. Князь Трубецкой знаетъ, что когда мы

видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ, я не былъ членомъ Тайнаго Общества, это онъ можетъ подтвердить; съ тѣхъ поръ я жилъ три года вдали отъ всѣхъ знакомыхъ.

Генералъ Левашевъ (обращаясь къ Комитету). Князь Трубецкой не хочетъ доказать, что г. Семеновъ принадлежитъ къ Тайному Обществу и я знаю почему. Г. Семеновъ принялъ его брата, а князь Трубецкой боится, чтобы г. Семеновъ этого не объявилъ, когда онъ докажетъ ему, что онъ членъ Тайнаго Общества.

Я. Предположеніе Генерала Левашова несправедливо, ни одинъ изъ моихъ братьевъ не принадлежитъ къ Обществу.

Левашевъ. Вашъ братъ, который служитъ въ кавалергадскомъ полку, членъ Тайнаго Общества.

Я. Неправда.

Левашевъ (къ Комитету). Г. Семеновъ воспитывалъ меньшого брата князя Трубецкого и принялъ его въ Тайное Общество.

Я. Неправда. Братъ мой, о которомъ теперь говоритъ генералъ Левашевъ, не принадлежитъ къ Тайному Обществу и ни одинъ изъ моихъ братьевъ не зналъ о существованіи Тайнаго Общества. Г. Семеновъ пріѣзжалъ изъ Москвы съ моею мачихою и жилъ съ полгода у нея въ домѣ, занимаясь съ меньшимъ моимъ братомъ; еслибы былъ тогда г. Семеновъ членомъ Общества, то не могъ бы принять моего брата, которому было не болѣе 15-ти лѣтъ. Тогда г. Семеновъ не былъ членомъ Общества, а послѣ того, онъ брата моего не видалъ.

Послѣ этого, Семеновъ продолжалъ доказывать, что не могъ принадлежать къ Тайному Обществу, опираясь болѣе на томъ, что онъ былъ въ разлукѣ съ членами его и на томъ, что изъ всѣхъ онъ былъ болѣе знакомъ со мною и что кромѣ меня никто по этой причинѣ не могъ бы его

принять, а что я его не принималъ въ этомъ онъ ссылается на меня, и, вообще, всѣ свои ссылки на меня дѣлалъ такъ ловко, что я долженъ былъ по справедливости, все подтвердить. Наконецъ меня отпустили, оставивъ Семенова. Въ другой разъ призвали меня также вечеромъ въ Комитетъ, который я нашелъ на этотъ разъ полнѣе прежняго.

Тутъ сидѣли кромѣ прежнихъ видѣнныхъ мною лицъ, генералы Дибичъ и Потаповъ. Во все время говорилъ и допрашивалъ Дибичъ одинъ. Предъ Комитетомъ стоялъ Батенковъ. Требовали, чтобы я доказалъ, что Батенковъ принадлежитъ къ Тайному Обществу и говорили, что 19-ть есть на то показаній. Я отозвался, что доказать о принадлежности Батенкова, не могу, потому что не знаю, чтобы кто его когда принялъ и самъ никогда не говорилъ съ нимъ объ Обществѣ. Что я съ нимъ очень мало былъ знакомъ, что разъ я разговарилъ съ нимъ, передъ 14-мъ числомъ, о странныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ было тогда наше отечество и этотъ разговоръ оправдывался бывшими тогда обстоятельствами и не нужно было принадлежать къ Тайному Обществу, чтобъ разговаривать о такомъ предметѣ, который такъ много всѣхъ занималъ.

Сидя въ своемъ номерѣ равелина, я дивился, что не имѣю никакихъ вопросовъ о членахъ Общества на югѣ. Разъ только получилъ я бумагу, въ которой было сказано, что полковникъ Пестель показываетъ одно обстоятельство, на которое требовали моего объясненія, и болѣе никогда не упоминали ни о комъ изъ южныхъ членовъ. Я не зналъ ни доносовъ Майбороды, Шервуда и Витта, ни возстанія Черниговскаго полка, и не могъ разгадать такого молчанія. Долженъ былъ, однакоже заключить, что Комитетъ имѣетъ свѣдѣнія важнѣе тѣхъ, которыя бы могъ ожидать отъ меня. До масляницы я не получалъ ника-

кихъ почти вопросовъ, исключая о принадлежности нѣкорыхъ членовъ и о томъ, кѣмъ и когда они были приняты. На эти вопросы отзывался незнаніемъ. Наконецъ въ началѣ поста, на второй недѣлѣ, пришелъ за мною плацъ-адъютантъ, и въ комнатѣ, въ которой собирался Комитетъ, я нашелъ генерала Чернышева и полковника Адлерберга. Первый держалъ въ рукахъ тетрадь въ нѣсколько листовъ, по которой предлагалъ мнѣ различные вопросы, большею частію нелѣпые, по показанію будто-бы многихъ членовъ Общества,—о пребываніи моемъ за границей, дѣйствіи тамъ и знакомствѣ. Адлербергъ въ это время рисовалъ на бумагѣ предъ нимъ лежащей и, какъ мнѣ многіе сказывали, это было вообще его занятіе во время допросовъ. Чернышевъ допрашивалъ съ какою то насмѣшливостью. Продержавъ довольно долго отпустили. На другой день я получилъ огромную тетрадь, въ которой спрашивались различныя подробности о дѣйствіи предъ 14-мъ числомъ и о предположенномъ дѣйствіи этого числа. Большею частію допросные пункты были нелѣпы, между ними былъ: «кто вызвался нанести ударъ, по моему предложенію, царствующему Императору?» На этотъ вопросъ должно бы было просто отвѣчать, что этого никогда не было и что никто не вызывался, что было истинно. Но я прежде нежели отвѣчать на него, вздумалъ намекнуть объ немъ въ письмѣ къ женѣ моей. Я каждый вечеръ посылалъ къ ней письма чрезъ плацъ-адъютанта. На другой день, по утру, плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ письмо назадъ сказавъ, что велѣно мнѣ сказать, что ненужно подобныхъ вещей писать, что онѣ могутъ огорчить жену мою. Тогда я въ отвѣтѣ на допросъ написалъ: «что такого ужаснаго допроса комитетъ вѣроятно не сдѣлалъ бы мнѣ, еслибы кто либо того не показалъ, а потому могутъ показателя спросить, чтобы онъ назвалъ того, кто вызвался, а я самъ никого не знаю».

Разсужденіе, которому я слѣдовалъ, сдѣлавъ такой отвѣтъ, было ложно; оно основывалось на увѣренности, что Комитетъ и всѣ дѣйствія его ничто болѣе, какъ комедія, что участь моя и всѣхъ прочихъ со мной содержащихся, давно уже рѣшена въ умѣ Императора и, что какъ бы дѣло не пошло мнѣ суждено сгнить въ крѣпостномъ заключеніи, и потому если Императоръ будетъ по моимъ отвѣтамъ заключать, что я упорствую въ запирательствѣ, то заключеніе мое будетъ строже. Оттого я вздумалъ, не отвергая рѣшительно показанія, заставить обратиться къ показателю, который не въ состояніи будетъ поддержать своего показанія, назвавъ небывалое лицо. Я, кажется, въ предположеніи своемъ кругомъ ошибся. На прочіе вопросы я отвѣчалъ подробно, когда касалось это собственныхъ моихъ предположеній или дѣйствій, стараясь избѣгать утвержденія показаній на другія лица. При всемъ томъ вырвались у меня неосторожныя слова на лейтенанта Морского Гвардейскаго Экипажа Арбузова. Ихъ нельзя уже было вымарать, ни изорвать, потому что листы, которые давались на отвѣты были занумерованы, но къ счастію, онъ заперся въ томъ, что я на него показалъ и, когда спросили вновь моего подтвержденія, я имѣлъ возможность поправить свою ошибку и отпереться отъ словъ моихъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего пришелъ ко мнѣ священникъ. Онъ уже разъ былъ у меня и, какъ мнѣ казалось, ко мнѣ хотѣлъ подладиться, но недовольно ловко и я остался въ сомнѣніи относительно его мыслей и намѣреній. Теперь казалось мнѣ представился случай узнать и тѣ и другія и то прямо ли онъ дѣйствуетъ, или хитритъ. Для этого я ему разсказалъ о вопросѣ касательно лица Императора и о моемъ на него отвѣтѣ. По впечатлѣнію, которое это на него сдѣлало, я заключилъ, что

онъ человѣкъ съ хорошими чувствами. Онъ просилъ меня, чтобъ я всякую ложь отвергалъ рѣшительно, потомъ спросилъ меня не хочу ли я принять исповѣди и, на согласіе мое сказалъ, что будетъ ко мнѣ для принятія ея. Я однакоже ожидалъ его нѣсколько недѣль и онъ пришелъ тогда, когда я пересталъ его ожидать. Съ искреннимъ чувствомъ моего недостоинства приступилъ я къ причащенію крови и тѣла Христова и чистая радость овладѣла въ эту минуту душею моею и упованіе на милость Божію твердо вкоренилось въ сердцѣ моемъ. Исповѣдь моя, кажется, привязала ко мнѣ священника; онъ меня полюбилъ и, съ этой поры, довольно часто меня навѣщалъ. Онъ убѣдился, что все то что онъ слышалъ про меня была ложь и что я могъ ошибаться на пути добра, но зла никогда на умѣ не имѣлъ и что находили нужнымъ приписать мнѣ злые умыслы для того, чтобы оправдать ту степень приговора, которому намѣрены были меня подвергнуть

Въ теченіи этого времени, я не получалъ никакихъ запросовъ и меня ничѣмъ Комитетъ не тревожилъ. По 28 числа марта, послѣ обѣда, отворяютъ дверь моего номера и входитъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, высылаетъ офицера и послѣ незначущихъ замѣчаній о сырости моего жилища, садится на стулъ и проситъ меня сѣсть. Я сѣлъ на кровать.

Онъ [1]. Je suis venu chez vous de la part de sa Majesté l'Empereur, vous devez considérer comme, si Vous parliez avec l'Empereur lui même. Je ne suis qu'un intermediaire nécessaire. L'Empereur comme de raison ne peut pas venir vous voir lui-même; il ne peut pas venir ici, il serait inconvenable, qu'il vous fasse appeler chez lui; il faut donc qu'il

[1]) Онъ (Бенкендорфъ): Я пришелъ къ вамъ отъ имени Его Величества. Вы должны представить себѣ, что говорите съ самимъ Императоромъ. Въ этомъ случаѣ я только необходимый посредникъ. Очень естественно, что Импе-

y ait un intermediaire entre lui et vous. La conversation, qui aura lieu entre vous et moi, doit donc être un secret pour tout le monde, comme si elle avait lieu entre l'Empereur et vous. Sa Majesté a de grandes bontés pour vous et elle attend un témoignage de votre reconnaissance.

Я. Général, je suis très reconnaissant à sa Majesté pour toutes ses bontés dont voici le témoignage (показывая на книгу писемъ женщныхъ, лежавшую у меня на столѣ, и которыя я получалъ ежедневно).

Онъ. Qu'est-ce que c'est que cela! Il ne s'agit pas de cela. Rappelez vous, que vous êtes entre la vie et la mort...

Я. Je le sais très bien, Gènèral, que je suis plus près de la dernière.

Онъ. Hé bien! Vous ne savez pas, ce que l'Empereur fait pour vous. On peut, être bon, on peut être clément mais il y a une mesure à tout. La loi donne un pouvoir absolu a l'Empereur, cependant il y a des choses qu'il ne devrait pas faire, et je ne crains pas de dire, qu'Il outrepasse même son droit de faire grâce en votre faveur. Mais il faut aussi, que de votre côté, vous lui donniez une preuve de votre reconnaissance. Je vous répète de nouveau, que tout, ce que vous me direz ne sera connu, que de la personne de l'Empereur et, que je ne suis que le canal, par lequel vos paroles devront passer.

Я. Je vous ai deja dit, Génèral, que je suis très reconnaissant à sa Majesté pour la bontè, qu'elle a eû de me permettre de correspondre avec ma femme, et je voudrais savoir, comment je puis lui en témoigner ma reconnaissance.

Онъ. L'Empereur voudrait savoir quelles sont les relations, que vous avez eues avec M-r Speransky?

раторъ самъ не можетъ придти сюда; васъ позвать къ себѣ для него было-бы неприлично; слѣдовательно между вами и имъ необходимъ посредникъ. Разговоръ нашъ останется тайной для всего свѣта, какъ будто-бы онъ происхо-

Я. Je n'ai eu aucune relation particulière avec M-r Speransky.

Онъ. Permettéz, je dois vous dire de la part de sa Majesté l'Empereur, qu'il vous certifie, par ma bouche, que tout ce que vous me direz sur M-r Speransky, restera un secret entre lui et vous; qu'il n'en arrivera rien à M-r Speransky, il est audessus de cela. On a besoin de lui, mais l'Empereur veut seulement savoir, quel degré de confiance il doit lu accorder?

Я. Général, je ne puis rien vous citer de mes relations avec M-r Speransky, excepté les relations, qu'on a ordinairement en société.

Онъ. Mais vous avez raconté à quelqu'un une conversation, que vous avez eue avec M-r Speransky; vous l'avez même consulté sur la constitution à donner a la Russie?

Я. C'est faux, Général, on a induit sa Majesté en erreur.

Онъ. Je dois vous répéter de nouveau, que vous n'avez rien à craindre pour M-r Speransky, c'est l'Empereur, qui vous le dit lui même et vous devez une profonde reconnaissance à sa Majesté, parce que Vous ne pouvez même

---

дилъ между вами и самимъ Государемъ. Его Величество очень снисходителенъ къ вамъ и ожидаетъ отъ васъ доказательства вашей благодарности.

Я. Генералъ, я очень благодаренъ Его Величеству за его снисходительность, и вотъ доказательство ея.

Онъ. Да что это!.. дѣло не въ томъ,—помните, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Я знаю, что нахожусь ближе къ послѣдней.

Онъ. Хорошо! Вы не знаете, что Государь дѣлаетъ для васъ. Можно быть добрымъ, можно быть милосерднымъ, но всему есть границы. Законъ предоставляетъ Императору неограниченную власть, однако есть вещи, которыхъ ему не слѣдовало-бы дѣлать, и я осмѣливаюсь сказать, что онъ превышаетъ свое право, милуя васъ. Но нужно, чтобъ и съ своей стороны вы ему доказали свою благодарность. Опять повторяю вамъ, что все сообщенное вами будетъ извѣстно одному только Государю; я только посредникъ, черезъ котораго ваши слова передадутся ему.

Я. Я уже сказалъ вамъ, что очень благодаренъ Государю за позволеніе переписываться съ моей женой. Мнѣ бы очень хотѣлось знать какимъ образомъ я могу показать свою признательность.

Онъ. Государь хочетъ знать въ чемъ состояли ваши сношенія съ Сперанскимъ.

pas vous représenter ce qu'il fait pour vous. Je vous dis encore une fois, qu'il outrepasse toutes les lois divines et humaines en votre faveur. l'Empereur ne désire autre chose, que vous lui prouviez Lotre reconnaissance par votre sincérité.

Я. Je voudrais bien prouver ma reconnaissance par tout ce qui est en mon pouvoir, mais, je ne puis calomnier personne. Je ne puis pas dire, ce qui n'a jamais été. l'Empereur ne peut pas attendre de moi, que j'invente une conversation, qui n'a pas en lien. Et même, si je pouvais avoir cette faiblesse, faudrait-il encore, que je prouve, que j'ai eu cette conversation.

Онъ. L'Empereur sait, que vous l'avez racontée a une personne et c'est de cette même personne, que l'Empereur le tient?

Я. Je puis vous assurer, Général que cette personne en a menti à l'Empereur!

Онъ. Prenez garde, prince Troubetzkoy, vous savez, que vous êtes entre la vie et la mort!

Я. He! Général, je le sais bien, mais je ne puis dire un mensonge et je dis, que la personne, qui a eû l'effronterie

---

Я. У меня не было съ нимъ особенныхъ сношеній.

Онъ. Позвольте, я долженъ вамъ сказать отъ имени Его Величества, что все сообщенное вами о Сперанскомъ останется тайной между имъ и вами. Ваше показаніе не повредить Сперанскому, онъ выше этого. Онъ необходимъ но Государь хочетъ только знать до какой степени онъ можетъ довѣрять Сперанскому.

Я. Генералъ, я ничего не могу вамъ сообщить особеннаго о моихъ отношеніяхъ къ Сперанскому, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ отношеній.

Онъ. Но вы разсказывали кому то о вашемъ разговорѣ съ Сперанскимъ. Вы даже совѣтовались съ нимъ о будущей конституціи Россіи.

Я. Это несправедливо генералъ, Его Величество ввели въ заблужденіе.

Онъ. Я опять долженъ вамъ напомнить, что вамъ нечего бояться за Сперанскаго. Самъ Государь увѣряетъ васъ въ этомъ, а вы обязаны ему большою благодарностью, вы не можете себѣ представить, что онъ дѣлаетъ для васъ. Опять говорю вамъ, что онъ преступаетъ, относительно васъ, все божескіе и человѣческіе законы. Государь хочетъ, чтобъ вы вашей откровенностью доказали ему свою признательность.

Я. Мнѣ бы очень хотѣлось доказать мою признательность всѣмъ что только находится въ моей власти; но не могу же я клеветать, на кого бы то

de dire a l'Empereur, que je lui ai parlé d'une prétendue conversation avec M-r Speransky, en a menti, et je le prouverai en face à cette personne. Que l'Empereur veuille bien me faire donner une coufrontation avec cette personne, et je lui prouverai qu'elle en a menti.

Онъ. C'est impossible. On ne peut pas vous donner une coufrontation avec elle.

Я. Gi vous voulez me la nommer, Général, je vous prouverai, qu'elle en a menti.

Онъ. Je ne puis vous nommer personne,—tâchez de vous en rappeler vous même.

Я. Il est impossible, Gènéral, que je me rappelle avoir dit à quelqu'un quelque chose, que je n'ai jamais dit!

Въ этомъ родѣ разговоръ продолжался еще долгое время, сначала по французски, потомъ по русски: генералъ Бенкендорфъ стараясь меня уговорить разсказать мой разговоръ съ Сперанскимъ, а я требуя очной ставки съ доносчикомъ. Наконецъ, онъ ушелъ, потребовавъ отъ меня, чтобы я написалъ сей же часъ къ нему все что я знаю о Сперанскомъ и сказалъ мнѣ, что онъ будетъ ожи-

---

ни было; не могу же я говорить то, чего никогда не случалось. Государь не можетъ надѣяться, чтобъ я выдумалъ разговоръ, котораго вовсе не происходило. Да если-бы я и былъ достаточно слабъ для этого, надо еще доказать что я имѣлъ этотъ разговоръ.

Онъ. Да вы разсказали кому-то объ немъ.

Я. Нѣтъ генералъ, я не могъ разсказывать разговоръ, котораго не было.

Онъ. Государь знаетъ, что вы разсказали его одному лицу, и онъ узналъ объ немъ именно отъ этого лица.

Я. Могу васъ увѣрить, генералъ, что это лицо солгало Государю.

Онъ. Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Знаю, но не могу же я сказать ложь и я долженъ повторить вамъ, что лицо, имѣвшее дерзость сообщить Государю о какомъ то разговорѣ моемъ съ Сперанскимъ, солгало, и я докажу, это на очной ставкѣ. Пусть Государь сведетъ меня съ этимъ лицомъ и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Это невозможно, вамъ нельзя дать очную ставку съ этимъ лицомъ.

Я. Назовите мнѣ его и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Я не могу никого называть; вспомните сами.

Я. Совершенно невозможно, генералъ, вспомнить о разговорѣ, котораго никогда не было.

дать моего письма въ крѣпости. По уходѣ его отъ меня, я думалъ, что напишу; наконецъ рѣшился написать разговоръ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Барановѣ, который былъ у меня съ Батенковымъ и Рылѣевымъ и, запечатавъ, отправилъ тутъ же въ собственныя руки Бенкендорфа.

Этотъ разговоръ я разсказалъ послѣ исповѣди священнику, который въ свою очередь разсказалъ мнѣ, что 29 или 30 числа марта возили полковника Батенкова во дворецъ. Долго думавъ о томъ, кто бы могъ сказать такую вещь Императору, онъ наконецъ увѣрялъ меня, что это не изъ крѣпости вынесено, но что навѣрно, кто сказалъ, тотъ внѣ крѣпости. Тогда я подумалъ, что это должно быть генералъ Сергѣй Шиповъ, къ которому теперь долженъ обратиться.

По смерти Императора Александра, я поѣхалъ къ Шипову и мы вдвоемъ разговаривали о тогдашнихъ обстоятельствахъ. Онъ сожалѣлъ, что брата его не было въ городѣ, который со 2-мъ Преображенскимъ баталіономъ стоялъ внѣ города, какъ и всѣ 2-ые баталіоны гвардейскихъ полковъ. Сергѣй Шиповъ говорилъ, что желаетъ устроить такъ, чтобы можно было намъ втроемъ поговорить. Черезъ нѣсколько дней я поѣхалъ къ нему опять. Мнѣ казалось, что онъ хочетъ избѣжать разговора, потому что онъ просилъ меня прослушать его проектъ о фурштатскихъ баталіонахъ. Я скоро прекратилъ чтеніе огромной тетради, сказавъ ему, что можемъ заняться важнѣйшимъ и поговорить о предметахъ, которые теперь ближе касаются насъ. Онъ положилъ свою тетрадь и мы снова стали говорить о тогдашнихъ обстоятельствахъ и дѣлать различныя предположенія о будущемъ Императорѣ. Наконецъ онъ сказалъ: «большое несчастіе будетъ, если Константинъ будетъ Императоромъ».

Я. Почему ты такъ судишь?

Онъ. Онъ варваръ.

Я. Но Николай человѣкъ жестокій.

Онъ. Какая разница. Этотъ человѣкъ просвѣщенный, а тотъ варваръ.

Я. Константинъ теперь не молодъ. Съ тѣхъ, какъ онъ въ Варшавѣ, онъ ведетъ себя совсѣмъ иначе, нежели велъ себя въ Петербургѣ. Говорятъ жена его очень смягчила его нравъ и, почти совсѣмъ его перемѣнила.

Онъ. Нѣтъ, какъ можно сравнить его съ Николаемъ. Этотъ человѣкъ просвѣщенный, европейскій, а тотъ злой варваръ.

Я. Ты, можетъ быть, ближе знаешь Николая, нежели я и можешь лучше о немъ судить. Я вижу, что Константину солдаты присягнули съ готовностью, можетъ быть отъ того, что они его не знаютъ. Десять лѣтъ онъ въ отсутствіи, а меньшихъ братьевъ они ненавидятъ и очень худо объ нихъ относятся. Если Константинъ откажется отъ престола, то трудно будетъ заставить солдатъ присягнуть Николаю. Ты можешь самъ судить по тому, что было во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. У насъ это новое, чтобъ Императоръ, которому присягнули, отказался отъ престола. Какимъ образомъ заставить повѣрить солдатъ такому небывалому примѣру? Особенно, если Константинъ не пріѣдетъ и лично не объявитъ солдатамъ, что онъ передаетъ престолъ меньшому брату, то я не знаю, что изъ этого будетъ?

Онъ. Я отвѣчаю за свой полкъ, я могу заставить своихъ солдатъ присягнуть кому хочу.

Я. Изъ всѣхъ полковыхъ командировъ, ты вѣрно одинъ можешь это сказать; къ прочимъ, кажется, люди не имѣютъ такой довѣренности.

Онъ. Меня солдаты послушаютъ. Я первый узнаю,

если Константинъ откажется, мнѣ тотчасъ пришлютъ сказать изъ Аничковскаго дворца. Я тотчасъ приведу свой полкъ къ присягѣ; я отвѣчалъ за него, я далъ слово.

Я. Но можешь ли ты знать, что тебѣ скажутъ истину. Кажется, что очень желаютъ царствовать и, въ такомъ случаѣ развѣ не могутъ прислать тебѣ сказать, что Константинъ отказался, и обмануть тебя. Ты приведешь полкъ къ присягѣ, а окажется, что Константинъ не отказался. Что ты будешь тогда дѣлать? Ты несешь свою голову на плаху. Эти слова поразили Шипова. Онъ отскочилъ отъ меня, потомъ спросилъ: «Трубецкой. Что же дѣлать?

Я продолжалъ: «Если даже Константинъ и откажется, то можемъ ли мы полагать, что все спокойно кончится? Ненависть солдатъ, дурное мнѣніе, которое вообще всѣ имѣютъ о Николаѣ, развѣ не можетъ возродить сопротивленія и не отъ однихъ солдатъ?

Онъ. А развѣ есть что? Развѣ говорятъ о чемъ?

Я. Я не знаю, но все можетъ быть.

Онъ. Трубецкой, у тебя много знакомыхъ. Ты многихъ знаешь въ Совѣтѣ и въ Сенатѣ; если есть что, если о чемъ поговариваютъ въ Совѣтѣ, то пожалуйста увѣдомляй меня.

Изъ продолжавшагося разговора я видѣлъ, что Шиповъ передавался совсѣмъ на сторону Николая и не съ тѣмъ требуетъ свѣдѣній, чтобы дѣйствовать на нашихъ видахъ. Это для насъ была большая потеря, потому, что Шиповъ былъ всегда членомъ, на котораго полагались и очень друженъ съ Пестелемъ. Онъ былъ полковой командиръ и не только, по словамъ его, но и по слухамъ, былъ любимъ въ полку. И хотя, быть можетъ, слишкомъ много приписывалъ себѣ власти на своихъ подчиненныхъ, но безъ сомнѣнія, могъ имѣть довольно вліянія на умы ихъ и, слѣдовательно сдѣлать большой перевѣсъ на ту сторону, которую приметъ.

Долго я думалъ о разговорѣ съ Бенкендорфомъ. Необычайная милость, объявленная имъ мнѣ отъ Императора, приводила меня въ недоумѣніе. Неужели я такъ ошибся въ его правѣ, говорилъ я самъ себѣ, полагая его человѣкомъ жестокимъ, не имѣющимъ ни доброты сердечной, ни великодушія, желающимъ власти, единственно для удовлетворенія своему властолюбію нисколько не для того чтобы имѣть возможность устроить благо подданныхъ и владѣть сердцами ихъ посредствомъ кротости и милосердія. Грубо, очень грубо ошибся я въ немъ, даже и тогда, если милосердіе, которое онъ оказать хочетъ намъ, проистекаетъ болѣе изъ ума нежели изъ сердца. Что долженъ я заключить для себя изъ сказаннаго Бенкендорфомъ? Что меня и всѣхъ задержанныхъ выпустятъ по окончаніи слѣдствія, всѣхъ возстановятъ въ прежнихъ званіяхъ и достоинствахъ? А я думалъ, что меня запрутъ и я никогда не вырвусь изъ Алексѣевскаго равелина. Когда меня водили въ комитетъ къ коменданту, или въ баню, я всегда разсматривалъ и изыскивалъ средства уйти, если опредѣлено будетъ мнѣ вѣчное здѣсь заключеніе. Тяжела мысль быть вѣчно обязаннымъ благодарностью человѣку, о которомъ я имѣлъ такое худое мнѣніе. А если онъ будетъ въ разсужденіи меня такъ великодушенъ, каковымъ представлялъ его Бенкендорфъ, то я обязанъ буду посвятить ему всѣ остальные дни моей жизни. Эта мысль бродила нѣкоторое время въ головѣ моей и тревожила меня; наконецъ я успокоился, убѣдивъ себя, что дѣло не сбыточное, чтобъ все такъ легко могло кончится, какъ казалось изъ рѣчей Бенкендорфа.

На 6-й недѣлѣ поста, не помню въ какой день, а, кажется въ четвергъ, приходитъ за мной плацъ-адъютантъ въ необычайное время, скоро послѣ обѣда и приноситъ мой мундиръ, приглашаетъ меня одѣться съ видомъ ка-

кимъ то пріятнымъ [1]), какъ бы для предваренія моего, что выходъ мой не принесетъ мнѣ ничего кромѣ удовольствія, и ведетъ меня въ домъ коменданта. Вхожу въ комнату и въ объятія мои бросается сестра. Она нѣсколько дней уже имѣла позволеніе видѣть меня, но ледъ на Невѣ препятствовалъ переѣхать въ крѣпость. Нынѣ это было возможно и она воспользовалась позволеніемъ, выпрошеннымъ ею лично, когда откланивалась Императрицѣ, намѣреваясь отъѣхать въ Москву. Сестра рада была меня видѣть, между тѣмъ была грустна, хотя старалась скрывать грусть свою подъ улыбкою. Разговоръ нашъ не могъ быть свободенъ, потому что комендантъ, генералъ Сукинъ, во все время сидѣлъ возлѣ насъ за столомъ, на которомъ угощалъ насъ чаемъ. Нѣсколько разъ за нимъ приходили, но онъ отлучаться не хотѣлъ. Наконецъ доложили ему, что пріѣхалъ отъ Государя генералъ-адъютантъ, кажется Левашевъ, онъ и тогда сказалъ, что ему не время. Пріѣхавшій генералъ пошелъ ходить по крѣпости, потомъ возвратился и опять требовалъ свиданія. Сукинъ велѣлъ его позвать и, самъ дойдя до дверей комнаты, сказалъ ему одно слово, поспѣшилъ на своей деревяшкѣ возвратиться къ занимаемому имъ мѣсту. Сестра только успѣла въ это время спросить меня замѣшанъ ли я въ покушеніи на жизнь Императора? Я отвѣчалъ, что нѣтъ, но, что кажется есть намѣреніе меня замѣшать. Она отерла слезу, но сказать болѣе ничего не могла, потому что комендантъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ, прежде нежели я договорилъ отвѣтъ.

Я послѣ узналъ отъ жены моей, что ему велѣно было

---

[1]) За нѣсколько дней до того, этотъ же плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ кусочекъ просфорки отъ имени моей сестры. Когда я развернулъ, со онъ наклонился и съ большимъ вниманіемъ искалъ долго па полу. Съ удивленіемъ я увидѣлъ, что онъ такъ старательно отыскивалъ булавку, которой была заколота бумажка.

записать и представить весь нашъ разговоръ. Сестра это знала и потому не смѣла говорить того, что-бы хотѣла. Пришло время разстаться намъ и со стороны сестры не обошлось безъ слезъ; мнѣ также было грустно. Мы не надѣялись больше видѣться,—она черезъ нѣсколько дней уѣхала въ Москву. Я тогда не зналъ, что добрая сестра моя выпросила еще обѣщаніе свиданія со мною женѣ моей.

Нѣсколько дней я провелъ довольно спокойно въ казематѣ, вспоминая свиданіе съ сестрою. На страстной недѣлѣ, въ два различные дня, я имѣлъ еще удовольствіе получить вопросные пункты такого рода, отвѣты на кои должны были служить къ облегченію судьбы тѣхъ лицъ, кого они касались. Такой случай представлялся въ первый разъ, и слѣдовательно былъ для меня очень отраденъ. Въ одномъ вопросѣ спрашивали, почему я просилъ Рылѣева, чтобы не сообщалъ онъ полковнику Глинкѣ о нашихъ намѣреніяхъ? Въ другомъ, что князь Оболенскій ссылается на меня, что когда въ 1823 году пріѣзжалъ Пестель въ Петербургъ и своими разсужденіями увлекъ его къ признанію необходимости республиканскаго правленія въ Россіи, то я отвратилъ его отъ этихъ мыслей, доказавъ ему, что республику, не иначе, можно учредить, какъ истребленіемъ Императорскаго дома, чрезъ какое дѣйствіе общество немииуемо поселило бы къ себѣ омерзеніе и привело бы въ ужасъ весь народъ.

Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, я имѣлъ неожиданное счастье обнять мою жену. Я не зналъ, что сестрѣ моей было обѣщано позволеніе женѣ увидѣться со мною. Не легко изобразить чувства наши при этомъ свиданіи. Казалось всѣ несчастія были забыты, всѣ лишенія, всѣ страданія, всѣ безпокойства исчезли. Добрый, вѣрный другъ мой она ожидала съ твердостью всего худшаго для меня,

но давно уже рѣшилась, если только я останусь живъ, раздѣлить участь мою со мной и не показала ни малѣйшей слабости. Она молилась, чтобы Богъ сохранилъ мою жизнь и далъ мнѣ силы перенести съ твердостью теперешнее и будущее положеніе мое. Наше свиданіе было подобно свиданію моему съ сестрой, въ присутствіи коменданта, который какъ будто бы для того, чтобы дать намъ болѣе свободы, притворился спящимъ въ своихъ креслахъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакой надежды увидѣть когда-нибудь жену мою, но это свиданіе заставило меня надѣяться, что мы опять будемъ когда нибудь вмѣстѣ и потому можетъ быть часъ разлуки не такъ показался мнѣ тягостенъ, какъ должно было ожидать. Воспоминаніе о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ сладостно занимало меня многіе дни. Я благодарилъ Бога отъ глубины души за то, что Онъ, милостью Своею, такъ поддержалъ ее и въ чувствахъ внутреннихъ и въ наружномъ видѣ. Ничего отчаяннаго, убитаго не было ни въ лицѣ, ни въ одеждѣ, во всемъ соблюдено пристойное достоинство. Видъ ея и разговоръ съ нею укрѣпилъ во мнѣ упованіе въ Бога и я, съ тѣхъ поръ совершенно покорился волѣ провидѣнія, предавшись всѣми моими чувствами съ полною покорностью всему, что Ему угодно будетъ мнѣ послать въ будущности. Спокойствіе мое было прервано; 8-го мая призывали меня по утру къ допросу. Я нашелъ одного Чернышева и Адлерберга, который по обыкновенію рисовалъ и чертилъ на листѣ, предъ нимъ лежащемъ. Чернышевъ съ язвительною, показалось мнѣ, улыбкою, объявилъ мнѣ, что отвѣты мои на большой допросъ, посланный мнѣ въ февралѣ, казавшіеся подробными и удовлетворительными, оказались пустыми, (т. е. комитетъ былъ ими недоволенъ, потому что они никого не запутывали). Онъ мнѣ сдѣлалъ много вопросовъ, по большей части вздорныхъ. Если это было

съ показаній нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, то должно быть такихъ, которые не имѣли со мной никакого знакомства и знали меня только по дальнимъ слухамъ; такъ оно дѣйствительно и было. Нѣкоторые слухи, которые были обо мнѣ въ обществѣ славянъ, вовсе не бывшемъ мнѣ извѣстнымъ, и о существованіи котораго я не имѣлъ никакого свѣдѣнія, были предложены мнѣ, какъ показанія членовъ, и ни въ чемъ не было не только истины, но и тѣни справедливости. Несмотря на то, отъ меня потребовали письменныхъ отвѣтовъ, которые я и далъ, получивъ на другой день письменные вопросы, изъ которыхъ однакоже многіе, сдѣланные мнѣ словесно, были исключены. Напирали однакоже на намѣреніе цареубійства. Въ этомъ случаѣ я сослался на записку мою, которую въ ночь съ 14-го на 15-е, я видѣлъ въ рукахъ Императора и изъ которой ясно было видно какія были мои намѣренія. Въ ней ничего похожаго на такой умыселъ не было, напротивъ опредѣлено было вступить въ переговоры съ Николаемъ Павловичемъ и вступленіе на престолъ подвергнуть рѣшенію общаго собранія довѣренныхъ людей всѣхъ сословій государства, собранныхъ призывомъ Сената. Слѣдовательно, мы не принимали на себя никакой власти.

До сихъ поръ я не имѣлъ ни съ кѣмъ очныхъ ставокъ. Наконецъ меня позвали и я увидѣлъ себя предъ Бригеномъ, котораго полагалъ за границей. Меня спрашивали до того, отъ кого я слышалъ о ненависти къ покойному Государю Якубовича и о намѣреніи его принести жизнь его въ жертву этому чувству, основанному на личномъ мщеніи. Я имѣлъ неосторожность отвѣчать, что отъ полковника Бригена. Меня заставили это при немъ повторить и вѣроятно это было причиною осужденія его на одинъ годъ каторжной работы. Изъ словъ Бригена я увидѣлъ, что ему ставятъ въ вину познаніе этого обстоя-

тельства, но мнѣ уже нельзя было отпереться, потому что не мнѣ одному было извѣстно, что Бригенъ это разсказывалъ. Съ лейтенантомъ Арбузовымъ я былъ счастливѣе. Въ допросѣ о немъ, вырвались у меня его слова: «если будутъ въ насъ стрѣлять, то мы пушки отобьемъ». Наученный примѣромъ бывшаго съ Бригеномъ, я отказался отъ этого показанія, объявивъ, что если я показалъ это на Арбузова, то это неправда. Арбузовъ говорилъ мнѣ послѣ, что слышалъ мои слова, потому что ожидалъ возлѣ въ комнатѣ очной ставки со мною.

Въ день Преполовенія меня повели по утру дорогою очень кружной въ нижнюю комнату комендантскаго дома, гдѣ я просидѣлъ до вечера въ ожиданіи, но отпустили, не давъ ни съ кѣмъ очной ставки. Съ этого дня пошло въ комитетѣ очищеніе очными ставками всѣхъ сомнительныхъ пунктовъ и я имѣлъ очную ставку съ Рылѣевымъ, по многимъ пунктамъ, по которымъ показанія наши были не сходны. Между прочимъ были такія, въ которыхъ дѣло шло объ общемъ дѣйствіи и, когда я не признавалъ разсказъ Рылѣева справедливымъ, то онъ далъ мнѣ почувствовать, что я выгораживая себя, сваливаю на него. Разумѣется, мой отвѣтъ былъ, что я, не только ничего своего не хочу свалить на него, но, что я соглашаюсь заранѣе, со всѣмъ тѣмъ, что онъ скажетъ о моемъ дѣйствіи и что я, на свой счетъ ничего не скрылъ и болѣе сказалъ, нежели онъ можетъ сказать. Видъ Рылѣева сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе, онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ, вѣроятно мой видъ сдѣлалъ на него подобное же впечатлѣніе. Но его видъ, такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего бы не долженъ былъ, а именно: я, по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него

не слыхалъ, какъ и теперь въ томъ увѣренъ и что, можетъ быть, подвергло строжайшему осужденію эти лица. По соглашеніи предмета, по которому была у насъ очная ставка, князь А. Н. Голицынъ вступилъ съ Рылѣевымъ и со мною въ частный разговоръ и продолжалъ его нѣкоторое время въ такомъ тонѣ, какъ будто бы мы были въ гостинной, даже съ пріятнымъ видомъ и улыбкой такъ что, вопреки всѣмъ дотолѣ бывшимъ убѣжденіямъ, пришла мнѣ мысль, что вѣроятно князю Голицыну извѣстно, что дѣло наше не такъ худо кончится, что религіозный человѣкъ, какимъ онъ издавна почитался, не могъ бы такъ весело разговаривать и почти шутить съ людьми, обреченными на смерть. Разговоръ же князя Голицына касался различныхъ предположеній Рылѣева, Пестеля, моихъ относительно временнаго правленія въ случаѣ, если бы попытка наша удалась. Онъ разбиралъ эти различныя предположенія, говорилъ о Сперанскомъ, Мордвиновѣ, Ермоловѣ, какъ о лицахъ, которыхъ мы предполагали облечь временною верховною властью. Разсуждалъ о составѣ Пестелевой директоріи, шутилъ, что Пестель находя, что образъ моихъ мыслей не сходенъ съ его, не хотѣлъ имѣть меня членомъ своей директоріи и оттого назначилъ мнѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, а Сергѣю Шипову министерство военныхъ силъ, и разспрашивая насъ по этимъ предметамъ разсуждалъ о лучшемъ, по его мнѣнію, составѣ временной верховной власти, о различныхъ мѣрахъ, которыми могла быть установлена конституція и развивалъ сужденія свои объ этихъ предметахъ,—словомъ, онъ меня удивилъ несказанно. Я долго разсуждалъ о необъяснимомъ для меня поведеніи князя Голицына и старался объяснить его себѣ. Между тѣмъ Рылѣевъ имѣлъ свиданіе съ женою и послѣ того, имѣлъ случай увѣдомить меня о томъ запиской и сообщить мнѣ, что жена его сама лично

выпросила у Императора свиданіе съ мужемъ и просила ему помилованіе, получила соизволеніе на первую просьбу, а на вторую была успокоена словами: «никто не будетъ обиженъ». Потомъ опять чрезъ нѣсколько дней, Рылѣевъ сообщилъ мнѣ, что многія лица, особенно изъ сенаторовъ, требуютъ нашего осужденія, но что Сперанскій и Кочубей настаиваютъ у Императора на милости, къ которой онъ очень склоненъ. Я не очень всѣмъ надеждамъ, которыя казалось, Рылѣевъ имѣетъ, довѣрялъ; но стали вкрадываться опять сомнѣнія во мнѣ, что я можетъ быть очень несправедливъ противъ Николая Павловича, полагая его человѣкомъ жестокимъ.

Послѣдній запросъ, который былъ мнѣ принесенъ изъ Комитета былъ слѣдующій: въ 1820 году когда Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, то многія собранія были у полковника Сергѣя Шипова и полковника Глинки и на нихъ разсуждали объ образѣ правленія, который предполагается учредить въ Россіи, — всѣ единогласно исключая полковника Глинки, согласились въ томъ, что правленію слѣдуетъ быть республиканскому, при чемъ Н. Тургеневъ сказалъ: «un président sans phrases». Меня спрашивали точно ли сказалъ это Тургеневъ? Мнѣ легко было отвѣтить, что я былъ заграницей и не могъ знать происходившаго въ то время. Вѣроятно отвѣты мои, каковы бы не были, ни въ какомъ случаѣ не измѣнили бы моего приговора. Я всегда былъ увѣренъ, что онъ изреченъ заранѣе и, кажется въ томъ не ошибся. Слова сказанные мнѣ самимъ Императоромъ въ томъ меня убѣдили. Но я думаю, что я не долженъ былъ допустить этой мысли овладѣть столько мною, чтобы заставить меня съ нѣкоторою безпечностью отвѣчать на несправедливыя обвиненія. Въ послѣднюю половину моего заключенія въ равелинѣ я совершенно покорился волѣ Провидѣнія и, въ твердомъ

упованіи на Бога разсуждалъ, что я себя своею защитою не спасу и чѣмъ будетъ она слабѣе, тѣмъ милость Господня въ случаѣ моего спасенія, явится яснѣе. Эта мысль почти всегда владѣла мною, когда я долженъ былъ писать отвѣты. Подъ вліяніемъ ея, я теперь отвѣчалъ только на сдѣланный мнѣ вопросъ касательно другого лица и не хотѣлъ опровергать несправедливости, которая была уже какъ было видно изъ смысла бумаги принята какъ дѣло рѣшенное, но на счетъ котораго отъ меня не требовалось и прежде никакого свѣдѣнія, такъ что я удивился увидѣвъ, что я признанъ въ томъ виновнымъ. Рылѣевъ узнавъ, что я получалъ запросъ, прислалъ меня спросить, о чемъ дѣло? Я его увѣдомилъ и онъ отвѣчалъ, что оно ему извѣстно.

Наконецъ началъ проникать ко мнѣ въ тюрьму слухъ, что дѣло наше не кончится комитетомъ, но что насъ будутъ судить въ Сенатѣ. Солдаты между тѣмъ, стерегшіе насъ, увѣряли, что все хорошо для насъ кончится, что въ бывшемъ 14 декабря происшествіи самъ Императоръ съ главными лицами виноватъ, и ему нельзя насъ наказать.

5-го іюля подали мнѣ мой мундиръ и повели въ комендантскій домъ. Въ комнатѣ, въ которую ввели меня я нашелъ новыя лица, сидѣвшія за круглымъ столомъ. Посрединѣ графъ Головкинъ, по правую его руку князь С. Н. Салтыковъ, а передъ нимъ лежала толстая связка бумагъ, по лѣвую руку графа сенаторъ Барановъ и Бенкендорфъ немного отъ всѣхъ поодаль. Сенаторъ Барановъ спросилъ меня: «отвѣты писанные вами въ Комитетъ всѣ ли писаны собственною вашею рукою»? Князь Салтыковъ молча показалъ на кипу предъ нимъ лежавшую. Я отвѣчалъ, что я свои отвѣты, всѣ писалъ самъ своею рукою.

Барановъ. Итакъ, не угодно ли вамъ будетъ это подписать.

Написали записочку, которую подалъ мнѣ Бенкендорфъ, съ особенною учтивостью, всталъ и принесъ мнѣ стулъ. Я сѣлъ и подписалъ поданную записку, которая заключала сказанный мною отвѣтъ и меня тотчасъ отпустили. Нѣкоторыя лица изъ подсудимыхъ объявили, что отвѣты ихъ были вынуждены насильственными мѣрами, голодомъ, заковываніемъ въ желѣзо и т. п. Посланъ былъ къ нимъ священникъ упрашивать ихъ, чтобъ они взяли назадъ это показаніе и онъ успѣлъ въ этомъ.

Послѣ этого дня я оставался въ ожиданіи суда, какъ вдругъ 10-го числа пришли за мной рано по утру и повели меня въ комендантскій домъ. Я нашелъ его наполненнымъ часовыми, а въ комнатѣ, въ которую меня ввели, Артамона Муравьева и князя Барятинскаго. Я удивился увидя себя въ ихъ обществѣ ибо полагалъ, что ничего не имѣю съ ними общаго, за мной вслѣдъ вошли два брата Борисовыхъ, которыхъ я ни лицъ, ни именъ, ни участія не зналъ. Удивленіе мое возросло. Муравьевъ, какъ скоро увидѣлъ меня сказалъ мнѣ: «какъ я счастливъ, что я съ тобою».

Я. А я нисколько не радуюсь твоему счастію.

Муравьевъ. Это значитъ, что моя судьба лучше, нежели я ожидалъ.

Я, А я думаю, что ты жестоко ошибаешься.

Муравьевъ. Нѣтъ, и я тебѣ скажу почему. Государь писалъ къ твоей женѣ, что онъ участь твою облегчитъ. Я знаю отъ жены, которая получила, еще будучи въ Ахтыркѣ, письмо отъ графини Самойловой, которая ей это писала.

Я. Я не вѣрю, чтобъ это была правда.

Муравьевъ. Я тебя увѣряю, что это точно было.

Тутъ я спросилъ Муравьева, кто были тѣ лица, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Онъ отвѣчалъ, что

не знаетъ. Барятинскій сказалъ мнѣ послѣ, что Борисовы, но это мнѣ ничего не разъяснило. Я дивился, что я не вижу никого изъ тѣхъ, съ которыми ожидалъ быть. Наконецъ пришелъ князь Оболенскій и я увидѣлъ, что комната возлѣ насъ наполнилась разными мундирами. Между тѣмъ въ нашу вошли еще лица мнѣ не извѣстные, но ни Рылѣева, ни Пестеля не было.

Вдругъ входитъ священникъ, я къ нему подошелъ, онъ меня отвелъ къ окошку. Я его спросилъ, что все это значитъ? Онъ отвѣчалъ, что намъ будутъ читать приговоръ и что мы осуждены на работу. Я изъявилъ ему удивленіе, что не вижу Рылѣева, Пестеля и другихъ, кромѣ Оболенскаго. Онъ сказалъ: «не пугайтесь того, что я вамъ скажу. Они будутъ приговорены къ смертной казни и даже ихъ поведутъ, но они будутъ помилованы. Я хотѣлъ васъ предупредить».

Меня обступили хотѣли знать, что сказалъ ушедшій священникъ. Между тѣмъ, всѣ назначенные въ эту комнату собрались. Это были кромѣ меня и пятерыхъ вышепоименованныхъ, еще маіоръ Спиридовъ, Бечасный, Якушкинъ, Якубовичъ и Вадковскій. Спустя нѣкоторое время насъ повели и я, къ удивленію своему увидѣлъ себя поставленнымъ предъ многочисленнымъ собраніемъ важнѣйшихъ государственныхъ чиновъ. Въ большомъ залѣ комендантскаго дома былъ поставленъ покоемъ огромный столъ. За нимъ сидѣли члены совѣта, сенаторы, митрополиты и разные первыхъ чиновъ люди, непринадлежавшіе къ симъ государственнымъ мѣстамъ. Всѣмъ не достало мѣста за столомъ, многіе были сзади въ глубинѣ комнаты. Торжественно прочли каждому изъ насъ, начиная съ меня сентенцію Верховнаго Уголовнаго Суда, (такъ названнаго). Всѣ мы были приговорены имъ къ отсѣченію головы, которая казнь, Императоромъ уменьшена и замѣнена

осужденіемъ вѣчно на каторжную работу. Мнѣ суждено было переходить отъ удивленія къ удивленію. Я не зналъ, что есть судъ надо мною, теперь узналъ, что онъ уже осудилъ меня. Я думалъ, что если будутъ судить меня то или особой коммиссіей, или въ сенатѣ, теперь узналъ, что установленъ для этого Верховный Уголовный Судъ изъ синода, совѣта, сената и присоединенныхъ къ нимъ различныхъ особъ. Я думалъ, что меня осудятъ за участіе въ бунтѣ, меня осудили за цареубійство. Я готовъ былъ спросить какого царя я убилъ, или хотѣлъ убить?

Насъ отвели уже не въ тѣ казематы, гдѣ мы прежде сидѣли, но въ Кронверкскую куртину. Мнѣ достался номеръ 23-й, пять шаговъ въ длину и три въ ширину. Во всю длину проходила сквозь окно надъ головами, желѣзная труба изъ печи, стоявшей въ глубинѣ каземата, отъ котораго былъ отгороженъ мой номеръ. Скоро услышалъ я вокругъ себя человѣческіе голоса и нѣкоторые знакомые, потомъ изъ за перегородки возлѣ меня вопросы сосѣда, желавшаго знать, кто въ его сосѣдствѣ? Я не могу выразить какое чувство радости овладѣло мною, при этомъ слухѣ и отъ того, что я наконецъ могу разговаривать съ подобными себѣ. Я узналъ, что сосѣдъ мой Веденяпинъ, приговоренный на поселеніе въ Сибирь. Мы разговаривали до глубокой ночи. Надобно однакоже было лечь спать, но я не могъ имѣть отдыха: крупныя блохи заѣли меня и только въ 4-мъ часу, отъ сильной усталости, я могъ заснуть ненадолго. Насъ разбудили, велѣли одѣваться. Мы услышали шумъ у нашихъ оконъ, звукъ цѣпей, людей проходящихъ. Послѣ узнали, что это были пять нашихъ товарищей, осужденныхъ на смерть, которыхъ заранѣе вывели къ приготовлявшейся для нихъ вѣсилицѣ. Сосѣдъ мой предостерегалъ меня, чтобы я не надѣвалъ орденовъ и не застегивалъ мундирнаго воротника на крючки, по-

тому что онъ узналъ отъ служителя, что ихъ будутъ съ насъ срывать. Я не хотѣлъ послѣдовать его совѣту. Когда разсвѣло насъ вывели и поставили посреди солдатъ Павловскаго полка, которые окружили со всѣхъ сторонъ. Здѣсь я увидѣлъ многихъ кого не ожидалъ: Александра Николаевича Муравьева, Лунина, фонъ-Визина, Краснокутскаго и другихъ. Послѣдній сказалъ мнѣ: «вѣроятно тебя много спрашивали обо мнѣ, потому что я во всемъ на тебя ссылался»? Ни въ одной бумагѣ, ниже словесно меня объ немъ никто не спрашивалъ; и я полагалъ, что онъ даже не арестованъ; помина объ немъ не было, равно какъ и о другихъ вышеименованныхъ. Когда свели насъ всѣхъ вмѣстѣ, то начали выкликать для раздѣленія по роду службы. Я былъ поставленъ самъ семь и мы семеро были проведены предъ знамена Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Послѣ барабаннаго боя, намъ прочли вновь сентенцію и профосъ началъ ломать надъ моею головою шпагу (мнѣ прежде велѣно было встать на колѣни). Во весь опоръ прискакалъ генералъ и кричалъ: «что дѣлаете»? Съ меня забыли сорвать мундиръ. Подскакавшій былъ Шиповъ. Я обратился къ нему и видъ мой произвелъ на него дѣйствіе Медузиной головы. Онъ замолчалъ и стремглавъ ускакалъ. Видъ знаменъ того полка, въ которомъ я нѣкогда служилъ, возбудилъ во мнѣ воспоминанія моей службы въ немъ, Кульма, за который даны были знамена; я ихъ видѣлъ въ рукахъ людей, неимѣвшихъ на нихъ права, тогда какъ заслужившіе были въ гоненіи и разсѣяны по всей арміи. Эта мысль возбудила во мнѣ сильное чувство негодованія. Довольно труда стоило профосу сорвать съ меня мундиръ, онъ такъ хорошо былъ застегнутъ; должно было изорвать въ клочки. Шпагу также не подпилили и ломая ее, довольно больно ушибли мнѣ голову. Всѣ наши доспѣхи сложены были въ костры, и зажжены, а насъ

одѣли въ полосатые халаты и отвели обратно въ казематы. Мы замѣтили столбы на валу одного бастіона кронверка, это была вѣселица, но которая еще не имѣла перекладины и въ нашемъ отдѣленіи казни товарищей мы видѣть не могли, ибо прежде вошли въ крѣпость. Народу было немного. Уже въ своемъ номерѣ, я узналъ отъ сосѣда своего, что нашихъ товарищей повѣсили, о чемъ онъ узналъ отъ прислуживавшаго унтеръ-офицера. Я вѣрить не хотѣлъ, но пришедшій священникъ подтвердилъ эту вѣсть. Разсказывалъ о ихъ смерти, которая его тронула до глубины души. Онъ теперь и послѣ не могъ говорить о нихъ безъ глубокаго умиленія. Особенно о Рылѣевѣ, Муравьевѣ и Пестелѣ, послѣдній просилъ его благословенія, хотя и былъ другого исповѣданія. У двухъ первыхъ оборвались веревки и Чернышевъ закричалъ, чтобъ скорѣе повторили надъ ними казнь. Священникъ сказывалъ мнѣ, что онъ ежеминутно ожидалъ гонца о помилованіи, и къ крайнему своему удивленію тщетно. Мысль о казни товарищей заставила меня забыть свое положеніе, и я ни о чемъ иномъ не могъ думать. Принесли мнѣ письмо отъ жены, которая увѣдомляла меня, что она вслѣдъ за мной, ѣдетъ въ Сибирь. Тогда я понялъ многое, что мнѣ темно было въ ея письмахъ. Она давно къ тому готовилась, но страшилась чтобъ я не былъ осужденъ на смерть. Она знала, что многіе требовали моей казни и нѣсколькихъ другихъ за мною слѣдовавшихъ. Говорятъ, что Николай Павловичъ не согласился на нее; можетъ быть онъ хотѣлъ сдержать то, что заставилъ меня именемъ своимъ написать къ женѣ моей: «что я буду живъ» [1]). На слѣдующій день, т. е. въ четвергъ, духовникъ пришелъ причастить Св. Тайнъ. Въ пятницу 12-го, я видѣлся съ женою моею у комен-

[1]) 15 генераловъ, въ числѣ которыхъ были Головинъ и Башуцкій, ѣздили просить Государя, чтобы большее число было осуждено на смерть.

данта. Съ нею пріѣхала моя теща, оба мои брата. Этого свиданія описать нельзя. Жена впилась въ меня, братья бросились въ ноги и обнимали колѣна и теперь при воспоминаніи ихъ любви слезы навертываются на глаза. Теща была также очень нѣжна и много плакала.

Я возвратился въ свою тюрьму въ большомъ волненіи; часть ночи не спалъ—писалъ письмо, которое хотѣлъ отдать женѣ при первомъ свиданіи, другую часть отъ блохъ; наконецъ изнеможеніе навело сонъ. По утру всталъ, сталъ разговаривать съ сосѣдомъ, какъ вдругъ кровь хлынула горломъ и пошла какъ изъ кувшина. Поспѣшно прибѣжалъ лекарь, далъ мнѣ всю нужную помощь. Кровь остановилась, волненіе продолжалось но не столь сильное; слабость овладѣла всѣмъ тѣломъ. Въ понедѣльникъ меня перевели въ № 3-й Невской куртины; мнѣ жаль было разстаться съ сосѣдомъ и голосами знакомыми вокругъ меня, но я былъ слишкомъ слабъ и самъ не могъ принимать участія въ разговорахъ. Въ четвергъ всталъ я съ постели и могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ довольно большой. Въ пятницу старались укрѣпить мои силы пищею и лекарствомъ, которымъ лекарь снабдилъ меня въ запасъ. Вечеромъ велѣли изготовиться къ отъѣзду и уложить присланное платье, бѣлье и пр. и ночью повели въ домъ коменданта. Я здѣсь встрѣтился съ Волконскимъ и Борисовыми, съ которыми долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать. Камердинеръ Сукина, провелъ меня въ кабинетъ своего господина, который сказалъ мнѣ, что хочетъ проститься со мною; отдалъ мнѣ поклонъ отъ Маврина и сказалъ мнѣ, что я найду въ Пеллѣ жену мою, которая туда же отправилась; что въ крѣпости онъ не могъ мнѣ дать съ нею другого свиданія. Потомъ вышедъ къ намъ объявилъ, что Императоръ приказалъ отвезти насъ въ Сибирь въ каторжную работу закованными. Намъ надѣли кандалы

и посадили въ телѣги съ жандармами. Въ Пеллѣ я нашелъ жену мою и брата Александра, княгиню М. Н. Волконскую съ сыномъ. Жена сказала мнѣ, что она завтра же за мной выѣзжаетъ; мы пробыли вмѣстѣ часа два и разстались. Свѣжій воздухъ укрѣпилъ меня и не взирая на скорую ѣзду и тряску кибитки, я пріѣхалъ въ Иркутскъ совершенно здоровый.

Прибавленія къ запискамъ Кн. С. П. Т.

Россія стояла на высочайшей степени славы. Послѣдняя война породнила ея съ Европою. Успѣхи образованія, въ этой части свѣта имѣли болѣе нежели отголосокъ въ Россіи. Тѣсная связь, соединявшая Европейскія государства и укрѣпленная священнымъ союзомъ, заключеннымъ сильнѣйшими государствами, обѣщавшими всѣмъ народамъ усовершенствованіе государственныхъ постановленій, сообразно степени того просвѣщенія, которое въ послѣдніе годы, развилось въ Европѣ, признаніе ими представительнаго правленія за необходимость вѣка, введеніе его во Франціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ царствѣ Польскомъ доказывавшіе, что оно не есть принадлежность одной Англіи, все это заставляло полагать, что и обширнѣйшая Россійская Имперія не всегда будетъ управляема на существовавшихъ тогда началахъ. Императоръ Александръ не разъ выражалъ убѣжденіе свое въ превосходствѣ представительнаго правленія надъ самодержавнымъ. Онъ ввелъ его въ царствѣ Польскомъ, обѣщавъ распространить его и на польскія губерніи, прежде къ имперіи присоединенныя, еще ранѣе оставивъ въ Финляндіи прежній образъ ея правленія. Наконецъ далъ свободу крестьянамъ губерній: Выборгской, Эстляндской, Лифляндской и

Курляндской. Россіяне имѣли право надѣяться, что не однимъ завоеваннымъ ими народамъ суждено пользоваться правами свободы, недоступной для однихъ русскихъ. Государь въ рѣчи своей Сейму царства Польскаго, не помянулъ о Россіи, вѣроятно, полагая ее еще не созрѣвшею къ принятію представительнаго правленія, слѣдовательно требовалось приготовить къ тому, собственно русскихъ, сдѣлать ихъ способными къ принятію его и къ понятію истины, что всѣ граждане, какого бы сословія они не были, имѣютъ равное право на одинаковое покровительство законовъ, что законъ долженъ быть не изъявленіемъ воли одного лица,- или даже и многихъ лицъ, но выраженіемъ потребности для сохраненія общественнаго порядка въ лучшемъ его видѣ. Тридцать лѣтъ протекло отъ начала Французской революціи. Ужасы ея, причины ихъ, послѣдствія, деспотизмъ Наполеона, порабощеніе народовъ были предметомъ вниманія мыслящихъ людей. Подобныя событія, при сходныхъ обстоятельствахъ, могли повториться во всякой другой странѣ. Язва крѣпостнаго состоянія крестьянъ располагаетъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ, въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ, какъ былъ тому примѣръ во время Пугачева, нежели всякое другое Европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ, должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея. Поставить Россію на ту степень просвѣщенія, на которую она имѣла право по политическому своему положенію въ Европейскомъ мірѣ, и охранить ее отъ бѣдствій, могущихъ ее постигнуть при крутомъ переворотѣ, котораго никакое правительство ни

предвидѣть, ни остановить не въ состояніи, и которое можетъ быть послѣдствіемъ одного только несовершенства финансовой системы, въ то время, когда потребности государства увеличились, — вотъ цѣль, которая представлялась обществу, и къ ней должны были стремиться его усилія. Для выполненія нужно было изслѣдовать въ чемъ состояли недостатки ея правленія и откуда они происходили. Выполнить ее казалось возможнымъ не инымъ путемъ, какъ воспитаніемъ, такъ сказать, народа. Россія представляла обширное государство, составленное изъ частей разнородныхъ. Разныя части, разныя поколѣнія ее обитающія, имѣли различныя права, различные законы, различную вѣру. Состояніе высшаго класса т. е. дворянства, почти во всѣхъ частяхъ одинаково, но состояніе низшаго, простого народа весьма различное. Въ Финляндіи свобода; въ народахъ магометанской вѣры и идолопоклонническихъ также; въ прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникла; въ царствѣ польскомъ существовала въ законахъ, но не на самомъ дѣлѣ; одни только христіане, и то большею частію, православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные, велико-россійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также не ровное: одни оброчные, другіе пахотные, третьи фабричные, четвертые и то, и другое и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинности. Помѣщикъ налагаетъ ее по произволу. Изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній, и даже многихъ помѣщиковъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украйнѣ, живутъ почти круглый годъ

мѣсячной дачею, не имѣя ничего собственнаго. Пьянство одна отрада ихъ, и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы основаны на безнравственности народа; правосудіе продажное: взятки должный доходъ чиновника.

Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и чрезъ его только истребленіе, можно было надѣяться водворить въ отечествѣ благосостояніе. Этотъ подвигъ общество поставило себѣ обязанностію и уставъ долженствовалъ быть составленъ такъ, чтобы велъ къ выполненію его. Достигло ли того общество сочиненіемъ его, есть вопросъ, который я рѣшить не берусь, но думаю, что если вполнѣ не достигло, то, по крайней мѣрѣ, не удалилось отъ предмета своей цѣли. Вас. Андр. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, если бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованіе, но что къ несчастію, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточно къ тому силы.

Предположеніе, что обнародованнымъ завѣщаніемъ Александра можно было всѣхъ заставить присягнуть 27 ноября назначенному имъ наслѣднику, Николаю, не полагаю правильнымъ.

Увѣренъ, что въ большей части Россіи чиновники, дворянство и другія сословія присягнули бы назначенному наслѣднику, получивъ о томъ указъ сената, но это они сдѣлали бы по привычкѣ исполнять все то, что предписано. Ихъ можно было бы погнать къ присягѣ, какъ загоняютъ барановъ въ хлѣвъ, но не такъ легко было заставить присягнуть армію, а гвардію, считаю, вовсе бы

было невозможно къ тому принудить. Кто служилъ въ полкахъ, тотъ знаетъ, что русскій солдатъ судитъ о всякомъ приказаніи, которое даетъ ему начальникъ. Онъ повинуется безпрекословно всему тому, что воинскій уставъ отъ него требуетъ, но когда требованіе выходитъ изъ предѣла военныхъ узаконеній, то сейчасъ встрѣчается сопротивленіе. Обольстить русскаго солдата нельзя никакими обѣщаніями, онъ подобно народу не имѣетъ никакой вѣры въ правительство, а терять ему нечего. Офицеры, при всей своей необразованности знаютъ, что войско составляетъ силу правительства и не имѣетъ наклонности къ безусловному повиновенію. Первое сопротивленіе и самое опасное, оказалось бы въ гвардіи. Если бы гвардія состояла изъ какого нибудь небольшого числа полковъ, то можетъ быть можно было отклонить ихъ отъ вѣрности къ своему долгу какими нибудь существенными выгодами, напримѣръ дать солдатамъ большое жалованье, сократить срокъ службы, обезпечить достаточною пенсіею по отставкѣ, облегчить самую службу,—но, въ томъ составѣ, въ которомъ находилась гвардія невозможно было и подумать сдѣлать подобныя обѣщанія; никто не повѣрилъ бы, что они могутъ быть выполнены. Корпусъ офицеровъ, также слишкомъ многочисленъ, чтобы можно было его купить такими приманками. Въ числѣ командующихъ войсками генераловъ, конечно можно было можетъ быть многихъ заставить забыть обязанности свои предъ отечествомъ, но они были бы безсильны противъ корпуса офицеровъ и солдатъ. Александра, если бы и не любили гвардейцы, то привыкли въ теченіи 25-ти лѣтняго царствованія ему повиноваться и много было еще въ гвардіи солдатъ, служившихъ во время войны съ французами и видѣвшихъ царя, раздѣлявшаго съ ними военныя опасности и я вѣрю, что воля его изустно имъ произнесенная, была бы для

ныхъ священною, но объявленіе, по смерти его, духовнаго его завѣщанія непремѣнно бы было сочтено подлогомъ.

Константинъ, также былъ слишкомъ извѣстенъ гвардіи, чтобы можно было его обойти. Онъ въ умѣ каждаго былъ законнымъ наслѣдникомъ въ случаѣ кончины своего брата. Какая власть въ государствѣ осмѣлилась бы отлучить его отъ престола, который ему приходился по праву наслѣдства, чтимаго всѣмъ народомъ? Высшая правительственная власть сенатъ, онъ передаетъ Высочайшіе указы для исполненія, онъ обнародываетъ новые законы,—онъ важенъ во мнѣніи гражданскихъ чиновъ и не служащихъ сословій, но войско знаетъ его только по имени, онъ для войска ровно ничего и не имѣетъ къ нему никакого отношенія, армія знала только Высочайшіе приказы, объявляемые начальникомъ штаба Его Императорскаго Величества,—сенатъ не могъ бы указомъ своимъ извратить право престолонаслѣдія. Чего не могло бы сдѣлать первое правительственное мѣсто въ государствѣ, то еще менѣе могъ сдѣлать Великій князь, который по закону не имѣлъ никакого права наслѣдовать при жизни старшаго брата. Такое притязаніе имѣло бы видъ похищенія. По всѣмъ этимъ причинамъ почитаю предположеніе о возможности заставить 27 ноября присягнуть Николаю несбыточною мечтою.

Къ несчастію, общественное устройство въ Россіи еще и до сихъ поръ таково, что военная сила одна безъ содѣйствія народа, можетъ не только располагать престоломъ, но измѣнить образъ правленія. Достаточно заговора нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, чтобы возобновить явленія подобныя тѣмъ, которые возвели на престолъ большую часть царствовавшихъ въ прошедшемъ вѣкѣ особъ. Благодаря промыслу, нынѣ просвѣщеніе распространило понятіе, что подобные дворцовые перевороты не ведутъ ни къ чему доброму, что лицо сосредоточивающее

въ себѣ власть не сильно устроить благоденствіе народа въ теперешнемъ его быту; но, что только усовершенствованный образъ государственнаго устройства можетъ современемъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія, неразлучныя съ самодержавіемъ. Лицо, имъ облеченное, какой бы оно ни горѣло горячей любовью къ отечеству, не въ состояніи поселить этого чувства въ людяхъ, которымъ оно, по необходимости, должно удѣлять часть своей власти.

Нынѣшнее государственное устройство не можетъ всегда существовать и горе, если оно измѣнится чрезъ возстаніе народа. Обстоятельства, сопровождавшія возшествіе на престолъ, нынѣ царствующаго государя, были самыя благопріятныя для введенія новаго порядка въ государственномъ устройствѣ безъ опаснаго участія народнаго. Но высшіе государственные сановники, или не постигли того, или не желали его введенія. Сопротивленіе котораго по духу овладѣвшему тогда гвардейскимъ войскомъ должны были ожидать, не имѣя благодѣтельнаго направленія, должно было разрѣшиться безпорядочнымъ бунтомъ. Тайное Общество взяло на себя обратить его къ лучшей цѣли.

Солдаты гвардейскихъ полковъ, какъ уже сказано, неожидали никакой перемѣны въ престолонаслѣдіи. Они съ увѣренностію ожидали пріѣзда Императора, которому присягнули. Подсылаемые въ полки люди, съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина, были солдатами дурно приняты.

Развѣдованіе, произведенное офицерами принадлежащими къ Тайному Обществу, или содѣйствовавшими ему, убѣдили ихъ, что солдаты не будутъ согласны дать новую присягу и, что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престолъ, можетъ увѣрить

ихъ въ истинномъ отреченіи его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія были: Измайловскій, Егерскій, Лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій, Московскій, Морской экипажъ и частью артиллерія; сверхъ того, Преображенскій очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствія былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными Императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось, и составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро собраны будутъ полки для новой присяги и солдаты окажутъ сопротивленіе и не захотятъ, или будутъ колебаться дать ее, то офицеры будутъ стараться вывести ихъ со дворовъ, на которыхъ они собраны будутъ. Первый полкъ съ барабаннымъ боемъ долженъ идти къ другому, который къ нему пристанетъ. Такимъ образомъ надѣялись имѣть не только тѣ полки, на которыхъ разсчитывали, но увлечь и другіе. Лейбъ-Гренадерскій долженъ былъ прямо идти къ арсеналу и занять его. Собраннымъ полкамъ собраться на площади Петровской и заставить сенатъ издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія и для разрѣшенія которыхъ назначаются, въ назначенный срокъ, выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ. Между тѣмъ сенатъ долженъ былъ утвердить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый Императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей. Общество намѣревалось предложить въ временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова. Срокъ службы военной для рядовыхъ сократить до 15-ти лѣтъ. Временное правленіе должно составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія, по образцу Европейскихъ государствъ, и освобожденіе крестьянъ отъ

крѣпостной зависимости. По обнародованіи сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города, притянувъ 2-е баталіоны и расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, которые требовали чтобы ихъ имена остались неизвѣстными. Но, однако же, никто изъ этихъ лицъ не возвысилъ своего голоса въ эти дни, въ которые отозвался бы ему сильный отголосокъ. Недостатокъ ли духа, или любви къ отечеству, или попеченія о собственныхъ выгодахъ замкнули уста? Только никто не смѣлъ выразить мысли о возможности и надобности улучшить государственныя постановленія. Негодованіе высшаго круга столицы на странное положеніе, въ которомъ находилось государство, изъявлялось одними плоскими насмѣшками. Другіе классы общества молча ожидали окончанія междуцарствія. Они понимали свою незначительность, хотя впрочемъ, болѣе были склонны къ Константину, но только, потому что предполагали въ пожиломъ человѣкѣ болѣе опытности, нежели въ молодомъ, который до тѣхъ поръ занимался единственно фронтовой службой.

Народъ былъ вообще равнодушенъ. Одни военные искренно желали, чтобъ Константинъ остался Императоромъ. Имъ молодые великіе князья надоѣли. Гвардейскіе офицеры ожидали съ нетерпѣніемъ пріѣзда своего Государя и солдаты, ничего не зная о происходившемъ, не ожидали никакой перемѣны и увѣрены были, что Государь скоро къ нимъ пріѣдетъ. Можно утвердительно сказать, что эта увѣренность солдатъ была причиною спокойствія столицы въ эти дни, и этимъ обязаны бывшему военному губернатору, графу Милорадовичу, съ самаго начала и до конца сохранившему присутствіе духа, хладнокровную и твердую дѣятельность. Онъ былъ единствен-

нымъ виновникомъ присяги законному наслѣднику и устраненію духовнаго завѣщанія покойнаго Государя; убѣдилъ великаго князя Николая покориться власти закона и терпѣливо ожидать отреченія Константина. Мѣры, принятыя имъ содержали въ спокойствіи гвардію, а народъ въ неизвѣстности о происходившихъ переворотахъ и о томъ, что готовится какое либо необыкновенное событіе. Онъ смѣло принялъ на себя одного всю власть, которая заключалась въ высшихъ государственныхъ мѣстахъ, и полную отвѣтственность за спокойствіе не только одной столицы, но и всего государства. Убѣжденному имъ великому князю Николаю Павловичу нельзя также не отдать той справедливости, что онъ при всемъ своемъ желаніи престола, побуждаемый, сверхъ того, голосомъ придворныхъ, умѣлъ однако же владѣть собою и подчиниться съ покорностью закону. Престолъ и самодержавіе имѣетъ столько прелести, что рѣдкій на мѣстѣ Николая, сталъ бы ожидать его терпѣливо отъ благоволенія другого. Константинъ, конечно, изъявилъ прежде, что онъ отказывается отъ наслѣдства и теперь, что не хочетъ власти, но все это было тогда, когда еще власть не была въ его рукахъ, а теперь, когда вся обширная Имперія присягнула ему въ вѣрности, можно ли было ручаться, что онъ останется столько же равнодушнымъ къ власти? Онъ имѣлъ бы достаточно извиненій для принятія престола, на который возведенъ былъ безъ предварительнаго согласія и въ исполненіе государственныхъ законовъ о первородствѣ. Умѣренность Николая, въ этихъ обстоятельствахъ тѣмъ замѣчательнѣе, что на противное поведеніе, съ его стороны, поощрялъ его голосъ придворныхъ и молчаніе всѣхъ безъ исключенія важнѣйшихъ сановниковъ государства, а удержанъ онъ былъ однимъ графомъ Милорадовичемъ. Какъ легко было великому князю заставить го-

сударственный совѣтъ и правительствующій сенатъ исполнить всякую его волю, является изъ послѣдовавшихъ ранѣе и позже происшествій. Въ первомъ собраніи совѣта, гдѣ было объявлено извѣстіе о смерти Александра одинъ только голосъ графа Милорадовича былъ слышенъ; прочіе члены безмолвно приступили къ его мнѣнію. Сенатъ также покорился его волѣ. Когда Константинъ упорно отказался въ присылкѣ манифеста о своемъ отреченіи, не принялъ даже посланныхъ съ объявленіемъ ему о принесенной всѣми сословіями присягѣ, ни совѣтъ, ни сенатъ не помыслили о томъ, что одно только высшее правительственное мѣсто имѣетъ власть, объяснивъ народу все случившееся удостовѣрить его въ истинѣ отреченія Константина и несомнѣнномъ, вслѣдствіе того, правѣ Николая на престолъ. Что всякій иной образъ возшествія Николая долженъ имѣть предъ народомъ видъ похищенія. Если не робость виною этого молчанія, то оно доказываетъ совершенное незнаніе въ государственныхъ сановникахъ политическихъ правъ. Николай, оказаннымъ уваженіемъ законовъ, заслужилъ признательность отечества и, если бы онъ до конца сохранилъ тоже поведеніе и не издалъ бы манифеста отъ своего имени, то онъ восшелъ бы на престолъ спокойно. Но здѣсь уже боязнь унизить самодержавную власть, взяла верхъ надъ всякимъ другимъ разсужденіемъ.

Между тѣмъ Тайное Общество слѣдившее неусыпно за всѣми происшествіями и хорошо извѣщенное о всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ опредѣлило, въ предположеніи воцаренія Константина, пріостановить свое дѣйствіе и ограничиться на нѣкоторое время наблюденіемъ какой ходъ примутъ дѣла при новомъ Императорѣ. Когда же начали сомнѣваться въ принятіи престола Константиномъ и, узнавъ о духѣ войска убѣдились, что восшествіе на пре-

столъ Николая не можетъ послѣдовать безъ сопротивленія, то стали помышлять о томъ, чтобы извлечь изъ этого обстоятельства всю ту пользу для Россіи, которую дѣйствіе Общества до тѣхъ поръ могло обѣщать ей только въ неопредѣленной отдаленности. Оно могло дѣйствовать въ единственномъ предположеніи, что Константинъ не издастъ отъ собственнаго лица манифеста о своемъ отреченіи, иначе возстаніе было бы неповиновеніемъ законной власти и должно было бы дѣйствовать на военную силу обольщеніемъ. Въ случаѣ даже совершенной удачи, не возможно было предвидѣть къ какому концу это приведетъ и нельзя было надѣяться, чтобы порядокъ и спокойствіе сохранились въ государствѣ. Общество знало, что сенату не будетъ предоставлено изданіе манифеста, а что самъ онъ не осмѣлится взять это на себя, но безусловно исполнитъ то, что повелѣно будетъ. Давно онъ уже перестаиъ считать себя первымъ государственнымъ мѣстомъ, хотя и считался еще таковымъ въ народѣ. Выше его были уже комитетъ министровъ и совѣтъ. Въ послѣднемъ скорѣе можно было найти людей способныхъ взвѣсить всю важность настоящихъ обстоятельствъ. Большой наклонности отъ нихъ къ Николаю Павловичу не должно было ожидать, а скорѣе должно было полагать, что они предпочитаютъ Константина, ибо въ противномъ случаѣ, они поддержали бы князя Голицына и подали бы мнѣніе, что слѣдуетъ исполнить духовную, но этого никто не сдѣлалъ. Нельзя было полагать, чтобы кто изъ нихъ рѣшился выразить такое мнѣніе, которое не будучи поддержано прочими членами, непремѣнно подвергло бы подавшаго немилости будущаго Государя. Слѣдовательно не должно было ожидать никакого начинанія отъ высшихъ государственныхъ мѣстъ или лицъ, и Обществу осталось дѣйствовать собственными силами. Оно чувствовало себя слишкомъ

слабымъ для того. Столица, гдѣ должно было все рѣшиться заключала въ себѣ небольшое только число членовъ, прочіе были разсѣяны по всему пространству обширной Россійской имперіи. Нѣкоторые были заграницей: Тургеневъ, Бибиковъ, Перовскій. Не смотря на то, обстоятельства казались такъ благопріятными, что они рѣшились испытать свои силы и подвергнуться всѣмъ личнымъ бѣдствіямъ, въ которыя неудача должна была погрузить ихъ. Они давно уже обрекли себя служенію отечества и презрѣли страхъ безславія. Общество не имѣло опоры въ старшихъ чинахъ гвардіи. 2-е баталіоны полковъ стояли не въ городѣ, но въ окрестностяхъ, а баталіонные командиры Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка бывшіе членами общества, отказали въ своемъ содѣйствіи. Семеновскаго полка командиръ Шиповъ, признался Трубецкому, что онъ далъ слово великому князю Николаю привести свой полкъ къ присягѣ, какъ скоро получитъ отъ него приказаніе. Къ членамъ изъ оберъ-офицеровъ присоединились всѣ тѣ, которые отозвались несогласными дать присягу новому Императору, если Константинъ не объявитъ о томъ изустно предъ войскомъ, или изданнымъ отъ себя манифестомъ. Многимъ изъ таковыхъ даже не было извѣстно о существованіи Общества и они дѣйствовали просто по убѣжденію долга.

Сколь человѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни, но онъ готовъ рисковать ею за всякую бездѣлицу. Вездѣ, гдѣ какая нибудь страсть овладѣетъ разсудкомъ, человѣкъ жертвуетъ ею, хотя въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ дорожитъ очень бытіемъ своимъ. Но во всѣхъ почти случаяхъ за такую жертву онъ ожидаетъ какого нибудь вознагражденія и сверхъ того есть какая нибудь надежда на счастливый случай. Когда же идетъ дѣло на то, чтобъ хладнокровно предаться опасности, утратить жизнь и,

сверхъ того, подвергнуться можетъ быть безславію и позорной смерти, то не достаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ дорожащій честью не иначе рѣшится на такой поступокъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены Общества рѣшившись исполнить то, что почитали своимъ долгомъ и на что обрекли себя при вступленіи въ Общество, не убоялись позора. Они не имѣли въ виду для себя никакихъ личныхъ выгодъ; не мыслили о богатствѣ, почестяхъ и власти. Они все это предоставляли людямъ непринадлежащимъ къ ихъ Обществу, но такимъ, которыхъ считали способными по истинному достоинству или по мнѣнію, которымъ пользовались,—привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душою желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи и, которые къ несчастію, продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ, члены Тайнаго Общества Союза Благоденствія, рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе и всѣ преимущества какими пользовались,—все что имѣли безъ всякаго возмездія.

Члены собирались у Рылѣева и у другихъ сообщниковъ и Рылѣевъ пришелъ объявить Трубецкому, что его избрали диктаторомъ. Трубецкой, найдя въ Петербургѣ очень немногихъ изъ членовъ ему знакомыхъ, хотѣлъ прежде узнать кто поступилъ въ члены со времени его отсутствія, и какими средствами можетъ Общество располагать. Для этого собирались, по вечерамъ у Рылѣева, и оказалось, что прибавилось только изъ молодежи, имѣвшей мало вѣса, а тѣ изъ старшихъ членовъ, которые могли имѣть вліяніе на части войскъ имъ подчиненныя,

отказались дѣйствовать. Такимъ образомъ единственное средство дѣйствовать, было воспользоваться упорствомъ солдатъ если, какъ утверждали офицеры разныхъ полковъ, они его окажутъ. Въ случаѣ пріѣзда Константина, старшіе члены положили между собою просить его о принятіи короны и потомъ стараться пріобрѣсть его довѣренность и воспользоваться ею для ограниченія власти будущаго наслѣдника. Скоро однако же убѣдились, что пріѣздъ Константина сомнителенъ, и должно было подумать о томъ, какъ дѣло привести въ исполненіе другимъ образомъ. Трубецкой предложилъ, чтобъ первый полкъ, который откажется отъ присяги, былъ выведенъ изъ казармъ, и шелъ съ барабаннымъ боемъ къ казармамъ ближняго полка, поднявши который, оба вмѣстѣ продолжаютъ шествіе далѣе къ другимъ сосѣднимъ полкамъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся, что одинъ полкъ будетъ увлеченъ другимъ, и почти всѣ соберутся въ одну значительную массу, къ которой примкнутъ и баталіоны полковъ, находившіеся внѣ города. Чтобъ Лейбъ-Гренадерскій полкъ завладѣлъ арсеналомъ, а Финляндскій—Петропавловской крѣпостью. Предложеніе Трубецкого не отвергнули, но многіе изъ горячихъ членовъ положили, что надобно идти на Сенатскую площадь съ тѣмъ, чтобы заставить сенаторовъ, какъ сказано выше, издать манифестъ. Надъ войсками, которыя соберутся на площади, принять начальство полковнику Булатову. Рылѣевъ, можетъ быть, думалъ, что Трубецкой обидится выборомъ когда онъ пришелъ ему это объявить, прибавивъ: «васъ гвардія не знаетъ, а Булатова знаютъ солдаты всѣхъ полковъ и онъ очень любимъ».

Утромъ 14-го числа, когда всѣ полки выведены были для прочтенія новаго манифеста и принесенія новой присяги солдаты, почти всѣхъ полковъ, изъявили недовѣр-

чивость, какъ то было предвидѣно не одними членами Общества, но и непосредственнымъ начальствомъ, которое старалось узнать духъ солдатъ. Но они, большею частію, настаивали на отрицательномъ упорствѣ, только Московскій, Гренадерскій и Морской экипажъ послѣдовали за нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Предположеніе Общества не было выполнено и вышедшіе полки прямо сошлись, каждый самъ по себѣ предъ сенатомъ. Въ другихъ полкахъ не было офицеровъ, которые достаточно пользовались бы довѣренностью солдатъ, и люди, хотя уперлись въ неповиновеніи требованіямъ высшихъ властей, но полки простояли смирно, во фронтѣ, и не пристали къ дѣйствовавшимъ, хотя послѣ и признались, что очень желали присоединиться. Всегда и вездѣ, въ подобныхъ случаяхъ, нужно, чтобы кто нибудь далъ толчекъ и тѣмъ вывелъ изъ бездѣйствія.

Графъ Милорадовичъ хотѣлъ уговорить возмутившіяся покориться, но одинъ изъ членовъ общества, изъ неслужащихъ Каховскій, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и ранилъ смертельно. Два Митрополита присланы были увѣщевать войско, но ихъ просили удалиться. Аттаки конной гвардіи остались безуспѣшны. Наконецъ нѣсколько выстрѣловъ картечью разсѣяли непокорныхъ. Артиллеристы не хотѣли палить, и одинъ изъ ихъ офицеровъ самъ долженъ былъ приложить фитиль къ первому орудію.

Разсѣянное войско разбрелось по дворамъ домовъ въ окружности Сената и утромъ 15 числа все было захвачено и препровождено въ Петропавловскую крѣпость. Туда же отправлены всѣ офицеры и другія лица, взятыя на площади, или послѣ арестованные, но прежде всѣ, кромѣ нижнихъ чиновъ, представляемы были во дворецъ, гдѣ Николай Павловичъ самъ ихъ допрашивалъ. Послѣдствія содержанія ихъ въ крѣпости, изслѣдованія Тайнаго Коми-

тета, Верховный Уголовный Судъ, наряженный изъ трехъ высшихъ государственныхъ сословій: Синода, Совѣта и Сената, къ которымъ были присоединены еще особыя лица, и который судилъ не призвавъ предъ себя подсудимыхъ, и приговоръ произнесенный имъ, всѣмъ извѣстенъ.

Сколько же въ послѣдовавшей на него резолюціи царствующій Импдраторъ послѣдовалъ собственному побужденію и сколько въономъ принадлежитъ вліянію чуждому, вѣроятно на всегда останется тайной. Извѣстно слѣдующее:

1) Императрица Марія Өедоровна получила, какъ сама сказывала (между прочимъ Карамзиной, женѣ исторіографа) въ Москвѣ отъ Николая Павловича письмо, въ которомъ онъ ее успокаивалъ и обѣщалъ, что по приговору не будетъ пролито крови.

2) 9 іюля вечеромъ поздно, наканунѣ объявленія осужденнымъ высочайше утвержденнаго приговора, Опочининъ былъ у Императора въ Красномъ Селѣ, и онъ сказалъ ему, что въ своей конфирмаціи онъ удивитъ всѣхъ своимъ милосердіемъ.

3) Упрашивали, чтобъ смертный приговоръ утвержденъ былъ надъ 9-ю человѣками (9-й былъ князь Оболенскій, на котораго особенно злились), стоявшими въ головѣ списка осужденныхъ. Въ числѣ ихъ 6-мъ былъ Трубецкой, которому Николай Павловичъ, по сдѣланномъ 15-го декабря у себя въ кабинетѣ допросѣ и предъ отправленіемъ въ крѣпость, подавъ четвертку листа бумаги, приказалъ написать къ женѣ, что онъ живъ и здоровъ будетъ; и когда Трубецкой ограничился одними словами живъ и здоровъ, то онъ повторилъ приказаніе написать буду.

Отчетъ напечатанный правительствомъ, по окончаніи слѣдствія, произведеннаго составленнымъ на то Тайнымъ

Комитетомъ, представилъ тогдашнее дѣйствіе Общества, какъ какое то безразсудное злоумышленіе людей порочныхъ, развратныхъ, сумазбродно желавшихъ только произвести въ отечествѣ смуты и не имѣвшихъ никакой благородной цѣли, кромѣ ниспроверженія существующихъ властей и водворенія въ отечествѣ безпорядка.

— — —

Отрывки изъ записокъ 1857—58 годовъ.

3-го октября 1857 г. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ съ Императрицей Маріей Александровной въѣхалъ въ Кіевъ по дорогѣ изъ Житоміра, въ 5 часовъ по полудни. Купечество поднесло Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль у самаго въѣзда гдѣ были построены Тріумфальныя ворота. Стеченіе народа пѣшаго и въ экипажахъ было огромное. Чиновничество все ожидало въ Лаврѣ, куда прямо проѣхала Императорская Чета. Митрополитъ встрѣтилъ краткою рѣчью. Приложившись къ мощамъ Ихъ Величества поѣхали въ приготовленный для нихъ домъ Генералъ-Губернатора. Толпа народа долго стояла передъ домомъ. День туманный съ утра совершенно разгулялся послѣ обѣда.

4-го представлялось дворянство Кіевской, Волынской и Подольской губ. находящееся на лицо въ Кіевѣ. Г. Г. К. В. замѣшавшись нѣсколько въ именахъ предводителей, Государь приказалъ чтобы губернскій предводитель представилъ прочихъ. Каждаго предводителя спрашивалъ давно ли онъ занимаетъ свою должность. Потомъ было представленіе военныхъ начальниковъ, гражданскаго губернатора, попечителя учебнаго округа, призывалъ въ кабинетъ каждаго особенно. Съ попечителемъ много говорилъ объ университетѣ, о добромъ его дѣйствіи и сказалъ

чтобъ на него положился. Послѣ всѣхъ непріятныхъ и разнородныхъ случаевъ, которые распространялись о расположеніи Государя къ здѣшнему учебному округу, такое благосклонное принятіе попечителя было очень одобрительно, на завтра Царь обѣщалъ посѣтить Университетъ. Послѣ этой аудіенціи Царь принималъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Г-на Алферьева (отставного) поцѣловалъ. Генерала Четверикова завѣдующаго частію путей сообщенія спросилъ, заваленъ ли Чорторой? На отвѣтъ что заваленъ, и что нѣтъ болѣе опасности чтобы Днѣпръ продолжалъ отдаляться отъ города отвѣтилъ: «Я завтра самъ посмотрю». Инженеръ Виньелъ строившій мостъ на Днѣпрѣ былъ на дняхъ въ Кіевѣ; если онъ еще здѣсь не худо бы Государю взять его съ собой, и съ нимъ вмѣстѣ обозрѣть работы. По представленіи былъ разводъ въ крѣпости. А потомъ въ часъ пополудни Ихъ Величества выбыли въ Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь. Митрополитъ у входа въ первый предъ воротами встрѣтилъ съ крестомъ. Я сталъ въ толпѣ. Государь похожъ на свои портреты; былъ въ мундирѣ Преображенскомъ съ эксельбантомъ, а я принялъ за генералъ-адъютантскій, что мнѣ не понравилось. Черты Императрицы не могъ хорошо разглядѣть. Вечеромъ купечество угощало чаемъ въ дворцовомъ саду. Садъ и весь городъ были иллюминованы очень богато, больше вчерашняго только вѣтеръ задувалъ шкалики. Когда поѣхали въ садъ, я возвращаясь оттуда встрѣтилъ коляску Ихъ Величествъ на углу дома..... и какъ напротивъ его, домъ канцеляріи былъ очень освѣщенъ, то я могъ разглядѣть лучше прежняго царскія лица; однако лицо Ея Величества не достаточно разсмотрѣлъ такъ что преимуществуетъ портретъ.

---

4 октября (въ Кіевѣ). Вечеромъ меня извѣстили, что князь Долгоруковъ проситъ меня завтра утромъ въ 9 часовъ къ себѣ, желая со мною познакомиться.

5 октября. Нельзя уклониться отъ знакомства съ шефомъ жандармовъ. Я пришелъ ровно въ назначенный часъ, сказалъ находившемуся въ передней камеръ-лакею свое имя, и онъ тотчасъ повелъ меня въ гостиную, мимо стоявшихъ въ залѣ трехъ военныхъ штабъ-офицеровъ; пошелъ доложить въ слѣдующую комнату, въ которой былъ полусвѣтъ, а вышедъ, просилъ меня обождать. Слышно было, что въ сосѣдней комнатѣ разговариваютъ. Минуты чрезъ полторы вышелъ изъ нея штабъ-офицеръ и за нимъ князь. Мы остались одни и сѣли. Онъ сказалъ: «я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ не по какому-либо дѣлу, а желая съ вами познакомиться». Потомъ разспросы о здоровьи, о вліяніи климата, о жизни здѣсь и въ Сибири, о мѣстѣ тамъ пребыванія, и вообще сибирскомъ краѣ. «Вы были хорошо знакомы съ братомъ моимъ Ильей, прекрасный былъ человѣкъ, умеръ рано; и брата моего старшаго знали, сестру мою графиню Бержинску, она умерла» и т. п. Пришли сказать, что губернскіе предводители пріѣхали—«сейчасъ». Еще послѣ нѣсколькихъ словъ, онъ всталъ и говоритъ съ милой улыбкой: «И по обязанности моей я долженъ былъ познакомиться съ вами».—Если вы говорите объ обязанностяхъ вашихъ, то мнѣ дозвольте этимъ воспользоваться и объяснить, что по манифесту я имѣю полную свободу, а здѣсь я нахожусь какъ бы подъ надзоромъ. Встрѣчаю препятствія къ выѣзду, въ полученіи подорожной...—«Однако вамъ дали».—Да, но не сейчасъ, и я бы не сталъ говорить объ этомъ, если бы вы сами не упомянули объ обязанностяхъ вашихъ. Для меня оно вовсе ничего не значитъ, но есть другіе въ моемъ положеніи, которые живутъ въ маленькихъ городкахъ и мо-

гутъ оттого терпѣть притѣсненія; напр., Быстржицкій, который писалъ къ В. С., прося о продолженіи пособія *)... «Я думаю, что онъ его получитъ; это увижу, когда буду на мѣстѣ; вѣдь онъ его получалъ».—Да, и имѣетъ въ немъ нужду; здѣсь не оказываютъ участія. Простите, что я васъ этимъ безпокоилъ.—«Я справлюсь и благодарю васъ» —Манифестомъ мы освобождены отъ надзора—«Да! въ Манифестѣ такъ, — съ едва замѣтной улыбкой,—«всѣ подъ надзоромъ».—Я не боюсь надзора, дѣйствія мои можетъ всякій видѣть, и пусть за мной надзираютъ, но не даютъ мнѣ этого чувствовать.—«Я освѣдомлюсь».—Вѣроятно, это вышло по ошибкѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; при объявленіи намъ о манифестѣ, оно прибавило подъ надзоромъ. Еще разъ прошу васъ извинить меня.—«Напротивъ, я вамъ очень благодаренъ». Затѣмъ мы распрощались; я просилъ его засвидѣтельствовать мое почтеніе княгинѣ Салтыковой (Ек. Вас.). «Она сюда не пріѣхала, уѣхала прямо въ Петербургъ, непремѣнно исполню». Я вышелъ, и проходя залъ, гдѣ уже довольно собралось, ни на кого не смотрѣлъ, пожалуй подумали, что бывъ принятъ наединѣ шефомъ жандармовъ, имѣлъ къ нему какой-нибудь доносъ. Разговаривая о состояніи крестьянъ въ Сибири, я сказалъ кн. Долгорукову, что есть мѣста, въ которыхъ

*) Бывшему подпоручику Андрею Быстржицкому, судимому по прикосновенности къ политическимъ дѣламъ 1825 г. 14 декабря, на основаніи Высочайшаго указа даннаго правительствующему сенату въ 26 день августа 1856 г. даровано право потомственнаго дворянства съ возвращеніемъ изъ Сибири на жительство въ предѣлахъ Россійской Имперіи (исключая С.-Петербурга и Москвы), Быстржицкій, возвратясь на родину въ Кіевскую губернію, не нашелъ въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ, и, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, обратился къ г. шефу жандармовъ съ просьбою объ исходатайствованіи ему продолженія того пособія, которымъ онъ пользовался въ Сибири, и состоявшаго изъ 15 дес. пахотной и луговой земли, 114 р. деньгами и сверхъ того на одежду и паекъ отъ 18 до 30 р., сообразно существовавшимъ на хлѣбъ цѣнамъ, т. е. всего деньгами отъ 132 до 142 р.

крестьянинъ не можетъ, по мѣстнымъ уже обстоятельствамъ жить въ довольствѣ, какъ напр. около Кжепска; но гдѣ нѣтъ природныхъ къ тому препятствій, крестьяне вообще живутъ хорошо, имѣя полную свободу избирать родъ занятій и распоряжаться своимъ временемъ, не будучи подъ надзоромъ чиновниковъ Государственныхъ Имуществъ. Онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что и здѣсь это перемѣнится.

Сегодня, кажется Цари были въ пещерахъ въ однихъ верхнихъ, потомъ, по приглашенію митрополита завтракали у него. Въ 1-мъ часу поѣхали смотрѣть институтъ для дѣвицъ; Государь оттуда уѣхалъ въ Кадетскій корпусъ, а потомъ въ университетъ. Государыня пробывъ 20 мин. въ институтѣ и жалуясь, что ей нѣтъ времени пробыть долѣе, поѣхала въ Левашевское дѣвичье училище. Въ корпусѣ Государь осмотрѣлъ кадетъ, заставлялъ ихъ дѣлать застрѣлочное ученіе, сказалъ что маршируютъ и всѣ пріемы они дѣлаютъ хорошо, и показавъ пальцемъ на свой лобъ прибавилъ «а что у васъ тутъ». Г. Путята, который былъ присланъ Ростовцевымъ отвѣчалъ, что онъ былъ въ классахъ, и что въ нихъ идетъ хорошо. Царь благодарилъ, поцѣловалъ директора Вальскаго и поздравилъ генераломъ.

Въ университетѣ студенты съ воспитанниками обѣихъ гимназій и съ профессорами были собраны въ 12 часовъ. Государь пріѣхалъ въ три, поздоровавшись съ учениками, обратился къ студентамъ и сказалъ имъ: «Мнѣ пріятно слышать отъ попечителя, что онъ доволенъ вами; а у васъ была скверная исторія, надѣюсь, что повторяться не будетъ. Простительно, молодому человѣку сдѣлать шалость; но собраться массой, какъ вы сдѣлали непростительно и всегда требуетъ наказанія. Я надѣюсь, что впередъ подобнаго не будетъ». Всѣ чины университетскіе были пред-

ставлены. Обошедъ всѣ кабинеты и осмотрѣвъ клинику, Государь уѣхалъ, при крикахъ ура! отъ студентовъ, гимназистовъ и народа. Студентамъ содержавшимся въ крѣпости объявлено прощеніе; одинъ Высоцкій опредѣленъ фельдшеромъ на одинъ годъ; двое лѣкарями въ другіе города на два года, а прочимъ разрѣшено вступить опять чрезъ годъ въ университетъ для окончанія наукъ.

Вечеромъ были доклады, и въ театрѣ напрасно ожидали.

6-го. Послѣ обѣдни въ лаврѣ осматривали инженерныя работы, какъ напр. спускъ къ мосту изъ крѣпости и пр. Вечеромъ большая иллюминація и балъ данный дворянствомъ всѣхъ трехъ губерній, представленнымъ всѣми губернскими и уѣздными предводителями. Знатнѣйшее дворянство съѣхалось также изъ своихъ помѣстьевъ. Комнаты и корридоры зданія 1-й гимназіи, гдѣ давался балъ, были богато убраны.

7-го. Въ 10 ч. утра Государь съ Государыней, съѣздивъ въ лавру и заѣхавъ въ Братскій монастырь, гдѣ отслужили молебенъ, выѣхали изъ города и пересѣли къ мосту въ свои дорожные экипажи. Дворяне, чиновники и попечитель съ студентами тамъ съ ними простились.

13 декабря. Кіевъ.

Получено на дняхъ циркулярное приглашеніе дворянству составить, по примѣру Виленской, Ковенской и Гродненской губерній, въ каждой изъ подчиненныхъ здѣшнему Генералъ-Губернатору трехъ губерній, комитеты изъ избранныхъ дворянствомъ лицъ, для составленія проекта освобожденія крестьянъ. Каждому комитету губернскому дается шесть мѣсяцевъ на обсужденіе началъ, на которыхъ онъ полагаетъ освободить крестьянъ; по истеченіи котораго времени губернскій комитетъ долженъ представить постановленное имъ положеніе Генералъ-Губернатору, которому

также дается 6-ти мѣсячный срокъ для дальнѣйшаго представленія постановленій со своимъ мнѣніемъ.

Положено принять за основаніе постановленіе, сдѣланное уже Литовскими губерніями и состоящее въ слѣдующемъ:

1) Крестьянинъ получаетъ въ собственность избу съ огородомъ, дворомъ, постройками, гумномъ и прочими принадлежностями, по оцѣнкѣ ея стоимости; и цѣну этой стоимости долженъ выплатить помѣщику въ теченіи 12 лѣтъ.

2) Земли пахотныя и луговыя, которыми онъ до сихъ поръ пользовался, остаются въ его владѣніи, и онъ обязывается за пользованіе ими, таковою же работою, какую по нынѣ исправлялъ въ пользу помѣщика.

3) Крестьянинъ остается крѣпкимъ землѣ, въ теченіи 12 лѣтъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ цѣны своей хаты съ принадлежностями.

4) Требуется, чтобы было сдѣлано постановленіе и приняты мѣры для обезпеченія бездоимочнаго взноса государственныхъ податей.

5) Требуется постановленіе о полицейскомъ управленіи сельскихъ общинъ и о судѣ для разбора тяжебныхъ случаевъ.

26 февраля. 1858 г. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ полученъ циркуляръ, предписывающій дворянству устроить бытъ крестьянъ на новыхъ началахъ, болѣе свойственныхъ христіанской любви, и неунижающей человѣчество.

Всѣ губерніи Россійской Имперіи, въ которыхъ существуетъ крѣпостное сословіе, получили ровно подобныя же приглашенія. Журналы русскіе и иностранные разсуждаютъ объ этомъ важномъ предпріятіи; дворянство, во многихъ губерніяхъ сходилось для разсужденій о немъ и часто отъ разныхъ лицъ дворянскаго сословія можно

было слышать мнѣнія по сему предмету. Всѣхъ этихъ данныхъ достаточно, чтобы вывести заключеніе объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ Высочайшимъ вызовомъ, о готовности дворянскаго сословія содѣйствовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ Царя, и о средствахъ, имъ предпринимаемыхъ къ достиженію этой цѣли.

Къ несчастію, должно признаться, что вообще все дворянство Имперіи не оказало ни малѣйшей готовности содѣйствовать благимъ видамъ своего Царя. Давность владѣнія, привычка къ обладанію себѣ подобными, сроднили его съ мыслью, что право владѣнія крѣпостными людьми нисколько не противорѣчитъ законамъ природы, что оно необходимо для благоустройства государства, котораго сила, могущество и порядокъ основаны на сословіи дворянскомъ, служащемъ вѣрнѣйшею и надежнѣйшею опорою для государства, что наконецъ власть господская благодѣтельна для крѣпостного сословія: господинъ есть поставленный закономъ покровитель своего крѣпостного человѣка, онъ двороваго кормитъ, одѣваетъ, воспитываетъ, крѣстьянина же ограждаетъ отъ могущихъ встрѣтиться ему постороннихъ притѣсненій, кормитъ его въ голодный годъ; и если крестьянинъ даетъ ему за это оброкъ или работаетъ на него землю, то онъ только исполняетъ этимъ обязанность признательности за благодѣянія, которыя изливаются на него владѣльцемъ. Отношенія помѣщика и крестьянина крѣпостнаго основаны на патріархальныхъ началахъ, самыхъ свойственныхъ природѣ человѣческой, и образующихъ изъ владѣльца и подвластныхъ ему какъ-бы одно семейство. Помѣщикъ отецъ, крѣпостные его дѣти.

Нѣтъ надобности оспаривать всѣхъ этихъ и подобныхъ положеній. То, что водится безпрестанно на дѣлѣ, нисколько не оправдываетъ вышерѣченныхъ притязаній дворянства.

Дворяне Кіевской губерніи приняли сначала циркуляръ,

присланный Генералъ-Губернатору, какъ-бы за простое извѣщеніе о дѣйствіяхъ трехъ Литовскихъ губерній, сообщаемое только для свѣдѣнія, а потому полагали, что можно оставить безъ отвѣта. Когда, послѣ нѣкотораго времени, убѣдились, что нужно будетъ подать на него адресъ, то пошла рѣчь о томъ, чтобы отказаться отъ послѣдованія высказанному примѣру, хотя впрочемъ многіе изъявляли сомнѣніе, чтобъ это возможно было. Между тѣмъ возвратился изъ Петербурга губернскій предводитель дворянства Ярошинскій и стало извѣстно, что онъ два раза видѣлъ Государя, который высказалъ удивленіе, что не имѣетъ еще адреса Кіевскаго дворянства, и отзывался съ похвалою о Нижегородскомъ, подавшемъ первый примѣръ согласія. При этомъ Государь изъявилъ убѣжденіе о необходимости мѣры и твердую волю привести ее въ исполненіе. Нечего было дѣлать, надобно изъявить согласіе. Но какъ-бы написать адресъ такимъ образомъ, чтобы основываясь на смыслѣ его можно было, если не усилить, то по крайней мѣрѣ не ослабить зависимость крестьянъ отъ помѣщика, при новомъ положеніи. На это обратили все вниманіе свое большая часть уѣздныхъ предводителей, съѣхавшихся для совѣщаній во время Контрактовъ.

Въ это время стало извѣстно, что попытки дворянъ нѣкоторыхъ губерній отстранить отъ себя чашу съ горькимъ питьемъ, оказались безуспѣшными, что Государь выразилъ непремѣнное намѣреніе привесть въ исполненіе свою волю, и Кіевское дворянство составило адресъ, которымъ изъявило желаніе открыть комитетъ для устройства новаго положенія. Адресъ составленъ очень неловко и редакція его плоха, но все же онъ пошелъ. За Кіевскимъ послѣдовали дворянства Подольское и Волынское. До сей поры извѣстны, кромѣ здѣшнихъ еще одиннадцать губерній, представившихъ адресы; въ нѣкоторыхъ комитеты от-

крыты: какъ-то въ Петербургской, Московской, Нижегородской.

1 марта. Сегодня я читалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ С.-Петербургскому военному Генералъ-Губернатору съ поясненіемъ 1-го циркуляра министра, въ которомъ въ довольно темныхъ выраженіяхъ подтверждается о необходимости обезпечить крестьянамъ поземельную собственность и безбѣдное существованіе, и замѣчено, что если крестьянинъ въ теченіи положенныхъ 12 лѣтъ переходнаго состоянія не выкупитъ своей усадьбы, то это не можетъ служить ему препятствіемъ къ переходу на другое мѣсто жительства. Это нужно было опредѣлить, потому что крестьянинъ не имѣетъ права переходить на иное жительство, не уплативъ сполна цѣны наложенной на усадьбу, и такимъ образомъ, крестьянинъ могъ-бы оставаться въ безконечной кабалѣ. Переводъ крестьянъ съ одной земли на другую, и обмѣнъ земли крестьянской на помѣщичью дозволяется не иначе, какъ съ согласія обѣихъ сторонъ. Вотъ непремѣнныя правила, постановленныя министромъ: обезпеченіе помѣщикамъ поземельной собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и средствъ къ надежному существованію и къ исполненію своихъ обязанностей.

5 марта Съ послѣдней почтой я получилъ рѣчь, произнесенную военнымъ губернаторомъ Нижегородской губерніи Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, при открытіи комитета; вотъ оно:

Милостивые Государи!

По соглашенію съ Г. Губернскимъ Предводителемъ дворянства Комитетъ для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ,

которому Государь Императоръ оказываетъ столь высокое довѣріе, вмѣсто предположеннаго 20-го числа, открывается нынѣ, 19-го февраля, въ день возшествія на престолъ Монарха, который, какъ восходящее солнце, благотворными лучами своими, являетъ міру утреннюю зарю обновленія и восхожденія! Можно-ли избрать болѣе приличный день для начала такого собранія, которое сосредоточиваетъ въ себѣ надежды Царевы, надежды Отечества, надежды 350 тысячъ обоего пола братій нашихъ, ожидающихъ возвращенія утраченныхъ ими правъ гражданской жизни и достоинства человѣка.

Милостивые Государи! Испытайте высокое призваніе ваше: не посланные ли вы Того, въ рукахъ котораго сердце Царево, чтобъ осуществить слова Имъ произнесенныя: «отпустите сокрушенные въ отраду: проповѣдайте лѣто Господне пріятно» (Лука, IV, 18—19). И если такъ то помыслите, на какую высокую степень вы между людьми поставлены. Не сходите же со степени сей, не давайте житейскимъ разсчетамъ, необходимымъ для дѣла вашего, перевѣса надъ благомъ преданныхъ великодушію вашему; выше всѣхъ разсчетовъ стоятъ разсчеты нравственнаго быта нашего, и вотъ ваше призваніе! Я сказалъ нравственнаго быта нашего; да Милостивые Государи! Вопросъ этотъ безспорно поставитъ на высокую степень нравственнаго просвѣщенія, возвыситъ нравственное достоинство того сословія, коему суждено разрѣшить его самоотверженіемъ и сожалѣніемъ правъ человѣчества. Изъ числа тѣхъ, коихъ вещественный бытъ предполагается устроить, есть столь довольные своимъ состояніемъ, что лучшаго не желаютъ. Честь и благодареніе ихъ владѣльцамъ! Однако, не одна ли это случайность? Вамъ же предоставлено оградить отъ произвола и положить основаніе не случайности, а незыблемости. Но какъ достигнуть сего, если взирать на человѣка, какъ на

производительную силу, подобную силѣ другихъ животныхъ? Какъ достигнуть сего, если не воззваніемъ къ жизни тлѣющаго подъ пепломъ чувства человѣка, если не развитіемъ вольнаго труда. Тогда только на разумныя, а не произвольныя требованія отзовутся соотвѣтственныя имъ производительныя силы, не мертвыя какъ нынѣ, но живыя, прямо человѣческія!

И такъ одушевите необходимые расчеты уваженіемъ къ потребностямъ истинно человѣческимъ; воздайте человѣку то, что подобаетъ человѣку и оправдайте довѣріе Царя, ожиданіе Россіи, и смѣю сказать, дивное явите вселенной, устремившей на васъ взоры свои. Тогда труды ваши обратятъ на главы ваши благословеніе Господне, благословеніе рода человѣческаго и вы, какъ зародышъ правды и любви въ отечествѣ нашемъ, какъ первенцы въ дѣлѣ его возрожденія, внесете имена ваши въ книгу жизни Россіи.

— —

Замѣчанія на записки барона Штейнгеля (1859 г.).

Странно, что Корфъ пишетъ въ своей книгѣ, что гр. Милорадовичъ пріѣхалъ къ В. К. съ извѣстіемъ о болѣзни Императора Александра вечеромъ 25 ноября. Наканунѣ были именины моей жены, у меня было вечеромъ довольно гостей, между прочими Рылѣевъ. Онъ сказалъ мнѣ первый, что есть извѣстіе изъ Таганрога, что Александръ отчаянно болѣнъ. 25-го я долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга и остался для того, чтобы знать чѣмъ разрѣшится болѣзнь.

Въ примѣчаніи о побужденіяхъ гр. Милорадовича, заставившихъ его желать, чтобы царствовалъ Константинъ, взнесено на графа незаслуженное имъ подозрѣніе корыстолюбивыхъ надеждъ. Это непростительно въ отношеніи человѣка, дѣйствовавшаго въ это критическое время прямо и благородно. Конечно, графъ могъ же видѣть, что все это дѣло, какъ слишкомъ ясно было, должно кончиться восшествіемъ Николая, что этотъ не проститъ ему оказанной оппозиціи. Мнѣніе же, высказанное, будто-бы извѣстная щедрость Константина могла быть побужденіемъ гр. Милорадовича стоять за Константина въ надеждѣ зажить еще расточительнѣе, вовсе не заслужи-

ваетъ никакого уваженія, тѣмъ болѣе, что никогда Константинъ не считался такимъ щедролюбивымъ.

«Цесаревичъ не поступилъ такъ, какъ слѣдовало бы поступить, при уваженіи къ своему отечеству, буде не къ Сенату». Такъ всѣ мыслили о Цесаревичѣ, и имѣли на то полное право, потому что ничего болѣе не знали, какъ только то, что онъ не принялъ посланныхъ отъ Сената. Но обвиненія на Константина оказались не справедливыми съ тѣхъ поръ, какъ вышла въ печати книга:— «Восшествіе на престолъ Императора Николая I». Письма Цесаревича къ Николаю, къ князьямъ Лопухину и Лобанову-Ростовскому, съ приказаніемъ торжественнаго объявленія къ народу, совершенно его оправдываютъ. Почему это торжественное объявленіе не было обнародовано? Его достаточно было, чтобы предупредить, не только возстаніе 14 декабря и на Югѣ, но и всякое противодѣйствіе.

Не справедливо показаніе, будто бы осужденныхъ Верх. Уголовн. Судомъ повелѣно было не смѣшивать съ каторжными, осужденными за злодѣянія. Напротивъ всѣ, бывшіе въ Нерчинскихъ рудникахъ были высылаемы на работы съ прочими ссыльно-каторжными, и не тѣми, которые жили на свободѣ, но съ тѣми, которые, за сдѣланныя ими уже въ бытность въ каторгѣ новыя преступленія, содержались въ оковахъ. Такъ Трубецкой всегда высылаемъ былъ на работу въ рудники въ сообществѣ гремѣвшаго нѣкогда въ Енисейской губерніи, разбойничьяго атамана, Орлова.

Протоіерей Казанскаго собора, Петръ Николаевичъ Мысловскій, замѣнилъ при заарестованныхъ въ крѣпости, Протоіерея Петропавловского собора, Стахія. Сначала от. Петръ былъ видимо непріязненно настроенъ противъ арестованныхъ; но когда, въ теченіи великаго поста, онъ отъ большей части изъ нихъ принялъ исповѣдь, располо-

женіе его совершенно измѣнилось: онъ сдѣлался ихъ другомъ, пользовался всѣми представлявшимися случаями посѣщать ихъ, предостерегалъ къ осторожности въ отвѣтахъ, доставлялъ свѣдѣнія о семействахъ, и словомъ, велъ себя въ отношеніи всѣхъ, которые принимали его съ благорасположеніемъ, какъ истинный служитель алтаря, исполненный христіанскаго милосердія. Въ день сентенціи, когда собираемы были осужденные для выслушанія ея, онъ успѣлъ предупредить нѣкоторыхъ, опасаясь, чтобъ при объявленіи смертной казни, не упали иные духомъ. Онъ казался совершенно увѣреннымъ, что смертный приговоръ, утвержденный для первыхъ пятерыхъ, не будетъ исполненъ, а будетъ дарована имъ жизнь, подъ висѣлицей.

Въ тотъ день и въ тотъ самый часъ, когда служили молебенъ на Петровской площади въ благодарность «за ниспроверженіе крамолы», от. Петръ отказался присутствовать на немъ, и служилъ панихиду въ Казанскомъ соборѣ по пяти страдальцамъ.

До самой кончины своей онъ сохранилъ свое благорасположеніе къ изгнанникамъ, и по временамъ писалъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ Сибирь письма.

Письмо Государя Николая Павловича къ Графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Потемкиной ур. княжнѣ Трубецкой.

Je suis bien heureux, Madame, que ce triste service que j'ai pu vous rendre, ait pu vous offrir quelques instants de consolation. Je désire que vous puissiez vous persuader combien il est pénible pour moi d'être forcé à ces mesures, qui toutes indispensables qu'elles sont pour le bienêtre de tous, plongent des familles entières dans le desespoir; je crois que je ne suis pas moins à plaindre qu'eux! Puissais-je être à même de pouvoir vous être utile en quoique ce fut! Vous avez besoin de consolations, je le sais, et pardonnez moi l'expression, je ne vous en estime que plus dans votre résignation. Disposez de moi toujours, et croyez que c'est une jouissance que vous m'accorderez, et un service que vous me rendrez.

Les ordres sont donné pour l'entrevue que vous me demandez, je l'ai fixée au Lundi de Pâques, ce jour étant le plus rapproché de l'époque que vous m'avez designée. Conservez moi votre confiance et veuillez croire à la parfaite et sincère estime que je vous porte.

Votre bien sincèrement affectionné

Nicolas.

Le 4 Avril 1826.

Переводъ.

Я очень счастливъ, графиня, что печальная услуга, которую я имѣлъ возможность вамъ оказать, доставила вамъ нѣсколько минутъ утѣшенія. Я желаю, чтобъ вы убѣдились въ томъ, какъ тяжело мнѣ быть вынужденнымъ къ принятію такихъ мѣръ, которыя будучи, необходимыми для благосостоянія всѣхъ, повергаютъ въ отчаяніе цѣлыя семьи, я думаю, что я не менѣе жалокъ чѣмъ

оніи. Я желалъ бы имѣть случай быть вамъ полезнымъ въ чемъ нибудь. Вы нуждаетесь въ утѣшеніи, я это знаю и, простите мнѣ выраженіе, тѣмъ болѣе я уважаю васъ въ вашей покорности. Пользуйтесь мною всегда и вѣрьте, что этимъ вы мнѣ доставите удовольствіе и окажете одолженіе. Приказъ отданъ о свиданіи, котораго вы у меня просите; я назначилъ его на понедѣльникъ на Пасхѣ, такъ какъ этотъ день всего ближе къ тому времени, которое вы мнѣ указали.

Сохраните мнѣ ваше довѣріе и вѣрьте моему совершенному и искреннему къ вамъ уваженію.

Искренно любящій васъ

Николай.

4 апрѣля 1826 г.

Lettre de Ch. Aug. Vaucher à La Comtesse Lise Potemkine, née Princesse Troubetzkoy à Moscou.

Deux mots seulement, chère Comtesse, j'ai peur de mon ombre et il faut bien que je sois emporté par le désir d'etre utile pour oser vous adresser quelques lignes par Madame Paul, qui se dispose à partir pour ma chère Sibérie, vous pourriez rendre un grand service à une personne malheureuse et je ne balance pas à lui recommander de se présenter chez vous pour obtenir tous les renseignements qui pourraient lui etre utiles; j'ai tout perdu, on m'a tout en levè, jusqu'à ma mémoire qui se trouve sous cachet; mais il est des souvenirs qu'aucune force humaine ne peut effacer, ils sont en Sibérié, ils sont en vous, chère Comtesse, et la bonne Princesse Zénéide les partage. Adieu Madame, mes respects à Monsieur le Comte; veuillez me rappeler au souvenir de la famille Schahovskoy que j'estime et que j'aime. Adieu, chère Comtesse, je n'attends que le jour pour monter en voiture et partir pour la France. Souvenez-vous quelquefois, de

Votre très devoué

Ch. Aug. Vaucher.

Tranquillisez-vous sur le résultat de l'inquesition; tout a été en faveur de ceux qui seront constamment l'objet de notre intérêt et de notre affec-

tion; moi seul je pars, il le faut, et le premier j'en ai fait la demande avant d'en recevoir la permission.

14
1826.

Si je peux vous être de quelque utiltité en France, je demeure à Marseille Dép. des Bouches du Rhône rue Montgrand № 29.

Переводъ.

Только два слова, дорогая графиня; я боюсь своей тѣни, и надо было, чтобъ я увлекся желаніемъ принести пользу, чтобъ я осмѣлился обратиться къ Вамъ съ нѣсколькими строками черезъ г-жу Поль, которая готовится ѣхать въ мою милую Сибирь. Вы могли-бы оказать большую услугу несчастному человѣку, и я, не колеблясь, совѣтую ей явиться къ Вамъ, чтобъ получить всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть ей полезными. Я лишился всего, у меня отняли все, даже память, которая запечатана. Но есть воспоминанія, которыхъ никакая человѣческая сила не можетъ изгладить; они въ Сибири, они въ Васъ, дорогая графиня, и добрая княгиня Зинаида ихъ раздѣляетъ. Прощайте, дорогая графиня, мое почтеніе графу; благоволите напомнить обо мнѣ семейству Шаховскихъ, которое я уважаю и люблю; прощайте, дорогая графиня; жду разсвѣта, чтобъ сѣсть въ экипажъ и ѣхать во Францію. Вспоминайте иногда

Глубоко уважающаго Васъ

Карла Августа Вошэ.

Будьте спокойны на счетъ результата разслѣдованія; все было сдѣлано въ пользу тѣхъ, которые будутъ постоянно предметомъ нашихъ помысловъ и нашей любви; одинъ я уѣзжаю, это нужно, и я первый просилъ позволенія уѣхать, раньше чѣмъ получилъ разрѣшеніе на то.

14
1826.

На случай, еслибъ я могъ быть Вамъ полезенъ во

Франціи, я живу въ Марсели Dép. des Bouches du Rhône rue Montgrand № 29.

Письмо Иркутскаго губернатора И. Б. Цейдлеръ къ Княгинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Трубецкой.

Милостивая Государыня!
Княгиня Екатерина Ивановна!

Получивъ письмо ваше въ которомъ вы меня извѣщаете, что вы, по изъясненнымъ въ письмѣ причинамъ никакъ не можете оставить намѣренія вашего слѣдовать къ мужу вашему, просите, отпустить васъ къ нему; я представивъ вамъ всѣ трудности и невыгодность новаго вами принимаемаго состоянія, и видя рѣшительное намѣреніе ваше, не могу болѣе васъ удерживать; но долгомъ считаю повторить вамъ письменно, что слѣдуя за мужемъ своимъ, и продолжая супружескую съ нимъ связь, вы естественно, сдѣлаетесь причастными его судьбѣ, потеряете прежнее званіе, а дѣти которыя приживутся въ Сибири поступятъ въ казенные крестьяне. 2-е ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ, вамъ съ собой взять дозволено быть не можетъ. 3-е что съ отбытія вашего въ Перчинскъ уничтожается право на крѣпостныхъ людей, съ вами прибывшихъ и дозволяется только одному добровольно слѣдовать съ вами; и такъ буде и вы и за симъ останетесь тверды въ своемъ намѣреніи, то въ отвращеніе всякаго недоумѣнія, при описи вещей и денегъ составленная изъ нѣсколькихъ чиновниковъ коммиссія, которой покорно прошу предъявить имѣющіяся съ вами деньги, драгоцѣнныя, золотыя, серебряныя и другія цѣнныя вещи, обязана будетъ по осмотрѣ всего оставить вамъ для употребленія, какъ платье, такъ и другія нужныя по

нецѣнныя вещи, прочія вещи по надлежащему описанію лично при васъ и по утвержденіи описи вашей собственноручной подписью, сдать за общею печатію въ храненіе окружнаго казначейства, другую же опись вещамъ съ вами слѣдующимъ оставить у меня для свѣдѣнія; выполненіе сего предположеннаго привесть въ исполненіе сего числа въ 11 часовъ, о чемъ имѣю честь васъ извѣстить.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ
Милостивая Государыня
Покорнѣйшій слуга
Иванъ Цейдлеръ.

19-го Генваря 1827 г.
Иркутскъ.

Министерство военное.
Канцелярія Министерства.
Отдѣленіе 6.
27 Апрѣля 1833 г.
№ 3918.

Пол. 30 мая 1833 г.

Господину Генералъ-Губернатору
Восточной Сибири.

По Высочайшему повелѣнію.

Г. Министръ Юстиціи представлялъ Комитету Министровъ мнѣніе о правахъ женъ Государственныхъ преступниковъ, послѣдовавшихъ за своими мужьями въ каторжную работу. Его Императорское Величество разсмотрѣвъ послѣдовавшее по сему предмету въ комитетѣ положеніе и раздѣляя представляющійся въ настоящемъ случаѣ общій вопросъ на два: 1) о правѣ состоянія и 2) о правѣ избранія мѣста жительства, въ разрѣшеніе того и другого полагать изволятъ: 1) что невинныя жены Государственныхъ преступниковъ, раздѣляющія супружескую съ ними

связь согласно прежнимъ положеніямъ и настоящимъ заключеніямъ Комитета Министровъ, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссыльно каторжныхъ и съ симъ вмѣстѣ подвергаться всѣмъ личнымъ ограниченіямъ составляющимъ необходимое послѣдствіе сожитія ихъ съ преступниками; при чемъ хотя и не лишаются права наслѣдовать доходящею имъ собственностію вообще располагать своимъ имѣніемъ чрезъ довѣренныхъ лицъ, способами, въ законахъ дозволенными, но во все время продолженія жизни мужей, нужная на содержаніе женъ, часть ихъ доходовъ прежде принадлежавшаго имъ или вновь наслѣдованнаго имѣнія, должна быть выдаваема не имъ непосредственно, а въ распоряженіе того Начальства, которому поручено завѣдываніе Государственными преступниками для употребленія въ пользу ихъ по правиламъ, какія на сіе предписаны быть могутъ. 2) что послѣ смерти Государственныхъ преступниковъ, жившихъ съ ними невиннымъ женамъ ихъ на основаніи существующихъ узаконеній, хотя и должны быть возвращаемы лично всѣ прежнія ихъ права, вмѣстѣ съ представленіемъ въ непосредственное уже распоряженіе ихъ, принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ; но дѣйствіе всѣхъ правъ сихъ имѣетъ ограничиваться одними предѣлами Сибири; дозволеніе же вдовамъ Государственныхъ преступниковъ возврата въ Россію, безусловно или съ извѣстными ограниченіями зависѣть будетъ отъ особаго усмотрѣнія Правительства и не иначе каждой изъ нихъ дано быть можетъ какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Правило сіе Его Величество повелѣваетъ принять впредь къ непремѣнному руководству. Сообщая Вашему Превосходительству о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи для должнаго исполненія, имѣю честь присовокупить, что вышеизложенныя правила составляютъ дополненіе преж-

нихъ, извѣстныхъ уже Вамъ, о женахъ Государственныхъ преступниковъ распоряженій.

Подлинное подписали:

Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ
графъ Чернышевъ.

Директоръ.

Письмо Кн. С. П. Трубецкаго къ Г. Руперту.

16 числа сего мѣсяца Ваше Превосходительство объявили намъ, что Государь Императоръ, по случаю торжествованія въ прошедшемъ году бракосочетанія Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича, соизволилъ обратить Высочайшее вниманіе на поступки женъ нашихъ, послѣдовавшихъ за нами въ заточеніе, и принять Всемилостивѣйшее намѣреніе, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе на дѣтяхъ ихъ, родившихся въ Сибири. Что комитетъ, которому повелѣно было изыскать средства привести въ исполненіе благодѣтельную волю Государя Императора, собравъ подробныя свѣдѣнія, положилъ: по достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста, принять ихъ для воспитанія въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права, утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными; но вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать по отчеству. До глубины души исполненный чувствомъ живѣйшей признательности къ вниманію Всемилостивѣйше обращенному на женъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать, что Государь Императоръ, по милосердію своему, не допуститъ наложить на чела ма-

терей незаслуженное ими пятно и лишеніемъ дѣтей фамильнаго имени отцовъ причислить ихъ къ незаконнорожденнымъ. Касательно же согласія моего на помѣщеніе дѣтей моихъ въ казенное заведеніе, я въ положеніи моемъ, не дерзаю взять на себя рѣшеніе судьбы ихъ; но не долженъ скрыть, что разлука на вѣкъ дочерей съ ихъ матерью будетъ для нея смертельнымъ ударомъ).

19 Апрѣля 1842 г.
Село Оёкъ.

Письмо Кн. Екат. Иван. Трубецкой къ матери Гр. Ал. Лаваль (1845 г.) *).

J'attendais toujours, ma bien bonne et chère maman, l'arrivée du papier officiel au sujet des enfans, pour répondre á votre lettre du 22 Juin. Mais ce papier n'arrivant pas, je n'ose remettre davantage à vous répondre, dans la crainte de vous causer de l'inquiétude. Notre voeu le plus cher, avait toujours été, vous le savez chére maman, de conserver nos enfans près de nous, et si vous vous rappelez ma lettre du mois d'avril 1842, vous comprendrez tout ce que nous avons dû éprouver, à la nouvelle que vous nous annoncez. Je ne veux pas vous affliger, en m'étendant ladessus. Je vous dirai que dans la circonstance actuelle nous n'avons autre chose à faire qu'á nous soumettre à la volonté de l'empereur. S'ila voulu dans sa bonté, accorder une grâce à nos enfans, nous devons l'accepter avec reconnaissance et cette reconnaissance est d'autant plus sincère et mieux sentie, qu'il ne s'agit plus ici de nous separer de nos enfans entièrement, et pour toute la vie. Habitant le même endroit nous pouvons les voir, savoir ce

---

*) Въ началѣ 1845 года Высочайше разрѣшено было женѣ государственнаго преступника Трубецкаго проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ, до излѣченія ея отъ болѣзни; мужу же по временамъ пріѣзжать къ ней на свиданіе, съ дозволенія Генералъ-губернатора Восточной Сибири каковое дозволеніе давать ему «съ должной осмотрительностью».

Отъ 19 Іюня 1845 г. № 752, графъ Орловъ увѣдомлялъ Вильгельма Яковлевича Руперта, что Государь, по просьбѣ дѣйствительной тайной совѣтницы графини Лаваль, разрѣшилъ помѣстить въ учрежденный въ г. Иркутскѣ дѣвичій институтъ двухъ внучекъ ея, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи Иркутской губерніи въ селѣ Оёкъ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ.

qu'elles font et leur donner toujours des témoignages de notre tendresse et c'est une immense consolation. Ce qui nous inquiète maintenant, c'est de savoir lesquelles de nos filles nous devons placer à l'institut. L. et Z. sont d'age à pouvoir y entrer; mais si le fait d'y avoir été élevées devait leur procurer dans l'avenir quelqu'avantage qui leur assurât une existence, comme je pourrais la désirer pout elles, il nous serait dur d'en priver Sacha. D'un autre coté, celle-ci a quinze ans et demi. Il nous semble impossible de la placer à l'institut à cet age. Elle n'aurait qu'y faire, son éducation étant presqu'achevée. D'ailleurs sa tendresse pour nous et telle, qu'elle ne pourait jamais supporter même cette séparation-là. Quand elle a eu connaissance de votre lettre, cela l'a rendu malade de manière à nous causer une grande frayeur; il n'y a donc pas moyen d'admettre aucune possibilifé de l'éloigner de nous. Nos sommes dans une grande perplexité sur ce que nous avons á faire. Dieu viendra j'espère à notre secours.

Переводъ.

Я все ждала, добрая и дорогая мама, полученія офиціальной бумаги относительно дѣтей, чтобъ отвѣтить на письмо ваше отъ 22 іюня. Но такъ какъ эта бумага не приходитъ, я не смѣю дольше откладывать своего отвѣта изъ опасенія причинить вамъ безпокойство. Самымъ сильнымъ желаніемъ нашимъ, вы это знаете, дорогая мама, всегда было сохранить дѣтей своихъ около себя, и если вы вспомните письмо мое отъ апрѣля 1842 г., вы поймете все, что мы должны были перенести при полученіи извѣстія, которое вы намъ объявляете. Не хочу огорчать васъ, распространяясь объ этомъ. Скажу вамъ, что въ данномъ случаѣ намъ ничего другого не остается сдѣлать, какъ покориться волѣ Государя. Если онъ по добротѣ своей захотѣлъ оказать милость нашимъ дѣтямъ, мы должны принять ее съ благодарностью. И благодарность эта тѣмъ болѣе искренна и прочувствована, что намъ не придется разлучиться съ своими дѣтьми совершенно и на всю жизнь. Обитая въ томъ же мѣстѣ, мы будемъ имѣть возможность видать ихъ, знать, что они дѣлаютъ, давать имъ доказа-

тельства своей нѣжности, и это громадное утѣшеніе. Теперь насъ смущаетъ мысль о томъ, которыхъ изъ своихъ дочерей мы должны помѣстить въ институтъ. Л. и З. по годамъ могутъ поступить въ него; но, если институтское воспитаніе должно доставить имъ въ будущемъ какія-либо преимущества, которыя обезпечатъ имъ такую жизнь, которую я могла-бы пожелать имъ, намъ было-бы тяжело лишить этого Сашу. Съ другой стороны послѣдней $15^{1}/_{2}$ лѣтъ. Намъ кажется невозможнымъ помѣстить ее въ институтъ въ такомъ возрастѣ. Ей нечего было бы тамъ дѣлать, такъ какъ воспитаніе ее почти окончено. Кромѣ того, нѣжность ее къ намъ такова, что она никакъ не перенесла бы даже этой разлуки. Когда она узнала про ваше письмо, то заболѣла до такой степени, что сильно испугала насъ; поэтому нельзя допустить возможности удаленія ее отъ насъ. Мы находимся въ большомъ смущеніи, какъ намъ поступить. Надѣюсь, что Богъ поможетъ намъ.

Приложеніе 1.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ

съ русской точки зрѣнія.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ

СЪ РУССКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

1855-й годъ открылся для Россіи при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: конвенція иностранныхъ державъ дѣлается сильнѣе и сильнѣе, Англія и Франція увеличиваютъ свои вооруженія и готовы увлечь за собою не только Австрію, но и всю Германію и даже мелкія Европейскія государства.

Россія съ своей стороны должна напрягать всѣ свои силы для того, чтобъ выдержать эту страшную грозу: множество губерній поставляется на военное положеніе, дѣлаются новыя пожертвованія, образуется ополченіе. Между тѣмъ въ обществѣ не видать уже той увѣренности въ успѣхѣ, которая такъ долго поражала при началѣ войны. Самые рьяные патріоты потупили головы, когда дѣло дошло до собственнаго лица и кармана и всякій печально спрашиваетъ себя—Чѣмъ-же все это кончится?

Великая задача! Въ началѣ войны, за исключеніемъ немногихъ мыслящихъ людей, всѣ мы слѣпо, безъ разсужденія, хотя и безъ патріотическаго воодушевленія, послѣдовали за правительствомъ. Мы такъ были увѣрены въ своей силѣ, что все дѣло принимали почти за шутку, Но теперь оно приняло другой оборотъ; трудно приходитъ намъ въ неравной борьбѣ и каждый поневолѣ спраши-

ваетъ себя: чего же мы наконецъ добивались? Чего можно ожидать? Какъ мы могли поставить себя въ такое положеніе?

Въ самомъ дѣлѣ—положеніе неслыханное; до 1853 года Россія стояла на верху славы и могущества, всѣ европейскіе вопросы разрѣшены ею; она спасла Австрію отъ погибели, она укротила властолюбивые замыслы Пруссіи и возстановила прежнюю форму Нѣмецкаго Германскаго союза. Глава консервативной системы, она въ Европѣ считалась колоссомъ непобѣдимымъ, грозящимъ покорить весь раздираемый внутреннихъ броженіемъ Западъ. И вдругъ въ два года, не потерпѣвъ значительныхъ пораженій, этотъ колоссъ низводится съ высоты своего могущества, обличаетъ внутреннюю свою слабость, унижается предъ спасенною имъ Австріею и видитъ предъ собою то время, когда онъ станетъ на второмъ планѣ въ ряду Европейскихъ государствъ. Чудное явленіе, въ которомъ каждый русскій долженъ дать себѣ отчетъ.

О восточномъ вопросѣ говорили много и на Западѣ, и въ Россіи; но западные публицисты и государственные люди не могли понять его надлежащимъ образомъ. Они приписываютъ возбужденіе войны ненасытному честолюбію Россіи, но никакъ не могутъ понять, почему это честолюбіе молчало въ продолженіи 40 лѣтъ, между тѣмъ, какъ для сего были случаи гораздо болѣе благопріятные нежели теперь. Они вовсе не понимаютъ духа Русскаго правительства, который одинъ можетъ дать ключъ къ уразумѣнію этихъ запутанныхъ явленій. Мы близко знакомы съ нимъ, привыкшіе уже къ направленію внутренней администраціи, мы лучше ихъ можемъ объяснить себѣ значеніе вопроса. Но въ Россіи голосъ имѣетъ одно правительство, да тупые и нелѣпые патріоты, говорящіе въ его смыслѣ; масса до послѣдняго времени не имѣетъ ника-

кого мнѣнія, а образованнымъ людямъ не позволено говорить. По пора же привести въ ясность все это сложное дѣло, пора сознать свое положеніе не сквозь фантастическую призму офиціальныхъ статей, а во всей его истинѣ и наготѣ. Обстоятельства слишкомъ трудны, чтобъ позволено было шутить или умышленно обманывать себя. Надобно же наконецъ спросить самого себя истинно и правдиво, отчего мы пришли въ такое положеніе? Какое значеніе этой войны? Прежде всего надобно устранить мысль, что это война священная.

Правительство старалось увѣрить народъ, что оно идетъ на защиту правъ единовѣрцевъ и христіанской церкви; защитники православія и славянской народности съ радостью подняли это знамя и проповѣдывали крестовый походъ противъ мусульманъ.

По вѣкъ крестовыхъ походовъ прошелъ: въ наше время никто не подвинется на защиту Гроба Господня, никто не смотритъ на магометанъ какъ на вѣчныхъ враговъ христіанъ. Ключи Виѳлеемскаго храма служатъ предлогомъ для достиженія цѣлей политическихъ. Въ наше время дѣло идетъ объ интересахъ государствъ, о свободѣ гражданской и политической, и союзъ магометанъ съ христіанами давно уже вошелъ въ область ежедневныхъ явленій.

Къ чему же поднимать толки о посрамленіи западныхъ державъ союзомъ съ турками? Это политическая уловка, которая никого не обманетъ. Если Турція не можетъ возбуждать нашего сочувствія, то это единственно потому, что ея политическое устройство ведетъ къ угнетенію подвластнаго народонаселенія; но ужели мы пойдемъ на освобожденіе угнетенныхъ въ Турціи, тогда какъ у насъ самихъ все общественное устройство основано на томъ же началѣ, тогда какъ наша же Польша страдаетъ подъ бременемъ ненавистнаго ига.

Нѣтъ, мы въ Турціи никогда не являлись либералами, напротивъ мы всегда были противу всѣхъ реформъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время турецкими султанами.

Въ то время какъ Западныя державы поддерживали ихъ всѣми силами и побуждали султановъ къ новымъ преобразованіямъ, мы эти преобразованія считали зараженными духомъ западнаго либерализма, мы открывали Турецкому правительству всѣ заговоры, которые составлялись въ надеждѣ нашего содѣйствія· мы выдавали тѣхъ людей, которыхъ называютъ теперь воинами христіанской церкви, справедливо возстающими на защиту ея правъ.

Кромѣ ничтожной статьи Кучукъ-Кайнарджискаго мира, которою мы никогда не пользовались, хотя въ настоящее время и старались извлечь изъ нее все чего тамъ не было, мы никогда ничего не поставляли въ трактатахъ для защиты правъ своихъ единовѣрцевъ. Вся наша цѣль въ сношеніяхъ съ Портою состояла въ распространеніи нашего владычества и нашего вліянія, а лучшимъ орудіемъ служило для этого религіозное единство съ подданными Турціи. Въ продолженіи цѣлаго вѣка мы отрывали у нея провинцію за провинціей, мы установляли свой протекторатъ надъ ея областями, наконецъ въ настоящее время мы потребовали обезпеченія правъ христіанъ для того, чтобъ имѣть возможность вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла и висѣть надъ нею настоящею грозою. Безкорыстныя выходки служатъ только личиною другихъ замысловъ.

Мы не рыцари христіанства, мы не ревнители свободы, мы хотимъ держать Турцію въ постоянной зависимости и пріобрѣсти на Востокѣ преобладающее вліяніе,

Цѣль войны есть просто политическое расширеніе русскаго владычества на Востокѣ—цѣль справедливая и законная. Каждое государство должно заботиться о своемъ значеніи и о своемъ вліяніи на другія державы. Но по-

литическое искусство состоитъ въ достиженіи этой цѣли съ возможно меньшими пожертвованіями, и въ выборѣ времени, мѣста и средствъ. Умная политика можетъ иногда прибѣгать къ хитрости и насилію но она никогда не предъявляетъ такихъ требованій, которыхъ государство не въ силахъ поддержать.

Когда же дѣйствовало въ этомъ отношеніи наше правительство? Это ясно видно изъ результатовъ. Въ одинъ годъ, безъ боя, безъ потерь, мы не только отказались отъ новыхъ своихъ претензій, но потеряли въ Европѣ всѣхъ своихъ союзниковъ, и лишились надолго возможности возстановить свое вліяніе на Востокѣ. Нужно было особенное умѣнье, чтобъ достигнуть этого результата съ такими громадными силами, какими обладаетъ Россія. Съ перваго взгляда это явленіе почти непонятно, но оно объяснится, если мы взглянемъ на весь ходъ политическихъ событій въ послѣднее время.

Въ 1815 году Россія слѣдовала неизмѣнной политикѣ. Консервативный Вѣнскій трактатъ былъ объявленъ краемъ политическаго совершенства, всѣ новыя стремленія осуждены, какъ беззаконныя всѣ усилія монарховъ обратились къ поддержанію абсолютизма и къ подавленію живыхъ силъ народа; эта политика какъ нельзя лучше приходилась Австріи·

Австрія составляетъ соединеніе областей не связанныхъ одною народностію; единство ея утверждается на одномъ правительствѣ, на его неограниченной власти.

Всякое свободное движеніе должно вести къ правленію національностей, къ распаденію государства. У Австріи нѣтъ будущаго, она упорно должна держаться настоящаго, чтобъ сохранить свое существованіе. Это очень хорошо понимали всѣ австрійскіе государственные люди. Метернихъ успѣлъ эту австрійскую политику внушить и дру-

гимъ государствамъ; онъ успѣлъ ихъ соединить страхомъ за монархическое начало въ одинъ консервативный союзъ.

Россія менѣе всѣхъ нуждалась въ этой системѣ, имѣя менѣе всѣхъ повода опасаться либеральныхъ идей, болѣе всѣхъ предалась этой политикѣ.

Пруссія пошла по другому пути; даже Австрія—склонилась къ либерализму; одно развѣ Неаполитанское королевство можетъ поспорить съ нашимъ въ консервативномъ упорствѣ, да и Неаполитанскій король долженъ былъ временно уступить обстоятельствамъ, мы же до послѣдняго времени, не дѣлали ни одной уступки, мы пожертвовали вѣковыми своими замыслами поддержанію Монархическаго насилія и политикѣ сохраненія существующаго порядка вещей. Это было ослѣпленіе неслыханное.

Охранительная ослѣпота можетъ пригодиться дряхлому Австрійскому правительству, которое видитъ предъ собою неминуемую смерть, но приложить ее къ юной Россіи, едва начинающей развертывать свои силы—это иначе нельзя назвать какъ верхомъ безумія. Объявить себя консерваторомъ—значитъ—что у насъ нѣтъ будущаго, значитъ отрицать всякую возможность развитія; значитъ оскотинить себя добровольно. И на такую систему обрекло Россію правительство, заботящееся не о благѣ народномъ, а единственно о поддержаніи своего неограниченнаго самовластія.—Однако-же надобно сказать, что во внѣшнихъ отношеніяхъ политика эта ведена была довольно умно; иностранными дѣлами много лѣтъ управлялъ ученикъ Меттерниха, человѣкъ безъ всякихъ государственныхъ способностей, но хорошо знающій всю пружину политической системы. Россія принимала участіе почти во всѣхъ дѣлахъ Европейскихъ; въ вопросахъ Германскихъ она имѣла преобладающій голосъ, и нѣсколько разъ была призвана рѣ-

шать судьбу нѣмецкихъ государствъ. Все это дѣлала она обдуманно, твердо, оставалась вѣрной разъ принятому началу. Нельзя того же сказать о политикѣ внутренней.

Здѣсь не было необходимости быть осторожнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ мѣрахъ. Россія вовсе не была приготовлена къ либеральнымъ идеямъ и учрежденіямъ, оппозиціи въ ней нѣтъ, и правительству не трудно справиться съ отдѣльными лицами, которыя осмѣливаются возвысить свой голосъ; не встрѣчая препятствій въ народѣ, правительство привыкло дѣлать что ему угодно. Всякая прихоть, которая по минутному внушенію взбредетъ на умъ, тотчасъ приводится въ законъ, и всякій обязанъ преклоняться предъ нею безъ разсужденія. Возраженія считаются дерзостью, и къ престолу допускаются только лица безмолвствующія предъ Высочайшею особою. Нѣтъ гадости, нѣтъ нелѣпости, которая бы не совершилась у насъ предъ глазами, которая бы даже не вошла въ разрядъ явленій самыхъ обыкновенныхъ.

Такимъ образомъ правительство привыкло считать себя всемогущимъ и премудрымъ. Все удавалось и во внутренней и во внѣшней политикѣ; Европа считала Россію колоссомъ, и народъ благоговѣлъ предъ волею Государя. Что мудренаго, если оно произволъ, господствующій во внутреннихъ дѣлахъ, перенесло наконецъ и на внѣшнія сношенія, если оно осторожность во внѣшней иностранной политикѣ стало считать излишнею преградою своему властолюбію.

Странно было бы въ самомъ дѣлѣ вести дѣла свои двумя совершенно различными путями; странно было бы внѣшнюю политику, хотя основанную на ложномъ началѣ, вести осторожно и обдуманно, а—во внутреннихъ дѣлахъ поступать произвольно и нелѣпо. Произволъ и нелѣпость должны же были когда нибудь прорваться, они прорва-

лись такъ, что Европа пришла въ смятеніе и Россія очутилась на краю пропасти.

Трудно было найти вопросъ, на которомъ бы можно было оборваться такъ легко, какъ на вопросѣ Восточномъ. Турція занимаетъ больное мѣсто Европейскаго міра. Всѣ чувствуютъ нелѣпость этой азіатской цивилизаціи посреди Европы, всѣ видятъ, что Турція клонится къ паденію, что она неминуемо должна совершенно преобразоваться или пасть. Но никто не смѣетъ коснуться этого дряхлаго тѣла изъ опасенья возбудить неразрѣшимые вопросы и кровавыя распри. Въ самомъ дѣлѣ—кому достанутся богатѣйшія области въ Европѣ? Славянскія и греческія племена, живущія подъ тяжелымъ игомъ въ продолженіи 4-хъ вѣковъ, не приготовлены еще къ политической независимости; они не могутъ составить одного тѣла и главнымъ образомъ не могутъ освободиться безъ чужой помощи, безъ чужого вмѣшательства, а этого вмѣшательства не можетъ допустить ни одна изъ Европейскихъ державъ, потому что расширеніе могучаго государства можетъ сдѣлаться опаснымъ для другихъ. Кромѣ того Австрія не можетъ согласиться на независимость славянъ, соединенныхъ кровнымъ родствомъ съ подчиненными ей племенами, ея интересы такъ тѣсно связаны съ существованіемъ Турціи, что всякій ударъ, нанесенный Оттоманской Имперіи тотчасъ долженъ вызвать ея противодѣйствіе. Съ другой стороны морскія державы смотрятъ на Константинополь какъ на ключъ къ Черному морю и Средиземному, всѣ ихъ политическія и торговыя выгоды требуютъ, чтобы онъ былъ въ рукахъ для нихъ неопасныхъ.

Такимъ образомъ, ни одна изъ державъ не можетъ стремиться къ владычеству надъ Турціей, не возставивъ противъ себя всѣхъ остальныхъ. Въ особенности же никто не потерпитъ расширенія Россіи. Россія и безъ того такъ

могуча, что возбуждаетъ всеобщее опасеніе своею обширностію и своимъ единствомъ, она всегда можетъ воспользоваться Европейскими смутами для достиженія своихъ цѣлей. Австрія опасается ея вліянія на единокровныя славянскія племена; морскія державы давно смотрятъ съ недоброжелательствомъ на исключительное господство ея надъ Чернымъ моремъ. Всѣ вообще боятся ея усиленія: правительство потому, что боятся ея честолюбія, народы потому, что видятъ въ ней сильнѣйшаго противника либеральныхъ идей. Равновѣсіе Европейское, требующее общаго противодѣйствія всякому слишкомъ сильному государству неминуемо должно было вести къ составленію Европейской коалиціи, при малѣйшей попыткѣ Россіи распространиться въ Турціи. Либеральныя стремленія должны были возстановить противъ насъ все общественное мнѣніе. Ясно теперь изъ этого, какіе огромные вопросы соединены съ существованіемъ Турецкой имперіи, вопросы Европейскаго равновѣсія, вопросы народности, вопросы либерализма; здѣсь замѣшаны интересы всѣхъ государствъ и стремленіе Россіи къ преобладанію надъ Турціею, должно было необходимо возбудить Европейскую войну.

Это очень хорошо понимаетъ канцлеръ, который, держась охранительной системы, безпрестанно твердитъ, что Турцію трогать не слѣдуетъ. Можетъ быть, политика его въ Константинополѣ была слишкомъ слаба, слишкомъ опасалась возмутить Европу; можно было показать больше твердости, но во всякомъ случаѣ политику можно было перемѣнить не иначе какъ съ большею осторожностію, съ яснымъ сознаніемъ дѣла и при благополучныхъ обстоятельствахъ. Вмѣсто того, все это было сдѣлано съ удивительнымъ легкомысліемъ.

Необузданный произволъ, капризы самовластія, привыкшаго нигдѣ не видѣть себѣ преграды, проявились и

здѣсь. Правительство по внезапному внушенію, по поводу ничтожнаго вопроса о святыхъ мѣстахъ, который всегда могъ быть рѣшенъ дипломатическими переговорами, вдругъ перемѣнило свой образъ дѣйствій относительно Турціи.

Неприготовившись къ войнѣ, не увѣрившись въ союзникахъ, даже не думая о возможности войны, не понимая ни Европейскихъ интересовъ, ни политики Европейскихъ кабинетовъ, оно приступило къ разрѣшенію Восточнаго вопроса, само не зная, что можетъ изъ этого выйти. Это ненасытное честолюбіе, говорятъ Европейцы; но честолюбіе видитъ издалека, преслѣдуетъ цѣль и заранѣе приготовляетъ средства къ ея достиженію. Нѣтъ, это просто мгновенная вспышка самодержца, потерявшаго отъ долгаго самовластія всякое разумное понятіе о вещахъ.

Какъ же приступили къ дѣлу? Какъ будто для того, чтобы предварительно предупредить Европу на счетъ своихъ замысловъ, постарались обличить себя. Это совершилось въ знаменитомъ разговорѣ съ Сей-Муромъ.

Кто не помнитъ впечатлѣнія, произведеннаго публикацію этихъ документовъ. Всякій мыслящій человѣкъ, сохранившій хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ намѣренія правительства и его безкорыстія, долженъ былъ сознаться, что мы ищемъ не одного только сохраненія правъ и что цѣль наша не благоденствіе единовѣрцевъ, а—распространеніе нашего владычества въ Турціи. Все, что могло быть сдѣлано для того, чтобы испортить все дѣло, все было сдѣлано. Европа могла еще сохранить сомнѣніе на счетъ нашихъ видовъ, но ей объяснили, что хотятъ раздѣленія Оттоманской имперіи, Австрія находилась къ намъ не въ слишкомъ пріятныхъ отношеніяхъ государства спасеннаго къ спасителю, но ее постарались оскорбить надмѣннымъ тономъ покровительства: «когда я говорю Россія, я говорю Австрія,» сказалъ Государь; Греки и Славяне могли

надѣяться на наше сочувствіе, и помочь намъ въ предстоящей войнѣ, но ихъ умѣли оттолкнуть отъ себя, объявить—что не потерпятъ ни Византійской Имперіи ни мелкихъ республикъ, но хотятъ маленькихъ государствъ подъ покровительствомъ Россіи.

Оскорбить всѣхъ, лишить себя всѣхъ союзниковъ, объяснить будущимъ врагамъ затаенные замыслы свои, показать совершенное невѣдѣніе мыслей и замысловъ европейскихъ кабинетовъ, взять на себя самую неблагородную роль, и дать непріятелю возможность похвастаться благородствомъ, отвергнувъ наши коварныя предложенія и тайный союзъ, все это совершено было въ одну или двѣ бесѣды. И послѣ этого оправдываться тѣмъ, что все это было сказано въ пылу непринужденнаго разговора, а послѣ довершить нелѣпость вызовомъ англійскаго правительства на публикацію этихъ несчастныхъ документовъ.

Таково было слѣдствіе личнаго вмѣшательства въ дѣла иностранной политики. Съ перваго начала мы обличили себя предъ Европою. Но этимъ дѣло не кончилось. Урокъ видно не подѣйствовалъ.

Вторымъ шагомъ было то, что мы поставили себя на точкѣ, изъ которой не было исхода. Это совершено было посольствомъ князя Меньшикова въ Константинополь.

Англія, отвергнувъ наше предложеніе, отвѣтила: что не имѣетъ обыкновенія дѣлить наслѣдство больныхъ друзей. Франція тоже не поддалась на нашу попытку—войти съ ней въ тайныя соглашенія. Тогда обратились къ Турціи.

Съ послѣднею можно было дѣйствовать двоякимъ путемъ: или силою или дипломатическими переговорами. Можно было по поводу дѣла о Святыхъ мѣстахъ прямо двинуть армію и флотъ къ Константинополю, и такимъ образомъ предупредить вмѣшательство Европейскихъ державъ, и вынудить у беззащитной Турціи согласіе на всѣ

наши требованія. Здѣсь была еще нѣкоторая надежда на успѣхъ. Съ другой стороны можно было сдѣлать такія предложенія, которыя бы не возстановили противъ насъ всей Европы, или въ которыхъ по крайней мѣрѣ оставалась задняя дверь, чтобъ отступить съ честію въ случаѣ неуспѣха; ни того ни другого не было сдѣлано.

Русское правительство не приготовилось къ войнѣ; западнымъ державамъ было время подоспѣть со своими флотами, и предложенія сдѣланы такія, отъ которыхъ потомъ уже нельзя было отказаться безъ позора. Думали Порту застращать безъ употребленія военной силы, и для этого послали въ Константинополь лицо, облеченное особенною довѣренностію Государя—полувоина, полуморяка, полудипломата.

Князь Меншиковъ въ молодости пользовался репутаціею хорошаго офицера, въ послѣдствіи, въ продолженіи 25 лѣтъ, онъ былъ самымъ плохимъ Морскимъ Министромъ, но славился особою хитростію, потому что постоянно говорилъ колкія шутки, и умѣлъ устраивать дѣла свои; человѣкъ острый, умникъ, но безъ всякихъ правилъ и убѣжденій, и неразборчивый въ средствахъ для достиженія цѣли, онъ легко могъ пріобрѣсти репутацію умнѣйшаго изъ людей. Къ несчастію у него доставало хитрости только на коварныя продѣлки, но веденію же дипломатическихъ переговоровъ онъ оказался неспособнымъ генераломъ.

Съ шумомъ и громомъ явился онъ въ Константинополь. Всѣ глаза устремлены были на это чрезвычайное посольство. Турецкому министру иностранныхъ дѣлъ онъ оказалъ пренебреженіе, и министръ подалъ въ отставку· къ Великому Визирю онъ явился во фракѣ и тѣмъ оскорбилъ Визиря; затѣмъ начались таинственныя сходки и хитросплетенные переговоры. Европу увѣряли,—что кн.

Меншиковъ посланъ единственно для того, чтобы уладить дѣло о Святыхъ мѣстахъ, а Портѣ сдѣлали предложеніе совсѣмъ другого рода, въ тайнѣ отъ Франціи и Англіи, которыхъ посланники были къ нашему счастію въ отсутствіи.

Порта была такъ запугана, что на многое согласилась безъ всякаго затрудненія: но кн. Меншиковъ не смотря на свою хитрость далъ себя провести. Переговоры протянулись до пріѣзда французскаго и англійскаго посланниковъ. Когда они пріѣхали, султанъ могъ получить уже увѣреніе въ содѣйствіи морскихъ державъ въ случаѣ войны съ Россіей.

Однако дѣло о Святыхъ мѣстахъ было рѣшено съ общаго согласія. Тогда кн. Меншиковъ приступилъ къ главному предмету своего посольства; онъ представилъ ультиматумъ Русскаго правительства, въ которомъ требовалось обозначеніе правъ христіанскаго исповѣданія. Это было требованіе чрезвычайное, оно влекло за собою покровительство Россіи на 11 милліоновъ подданныхъ султана, оно дало бы ей возможность вмѣшиваться постоянно во внутреннія дѣла Турціи, препятствовать всѣмъ преобразованіямъ, держать въ постоянномъ страхѣ и объявить ей войну по малѣйшему поводу.

Имѣла-ли Россія право сдѣлать подобное требованіе? Юридически она разумѣется его не имѣла это не было утвержденіе старыхъ правъ, ибо она этими правами никогда не думала пользоваться, да и самое требованіе подтвержденія показываетъ, что они прежде не существовали; это было притязаніе новое, и единогласный приговоръ Европейскихъ государствъ рѣшилъ, что оно было не законно; но вопросъ о юридическомъ правѣ здѣсь второстепенный.

Всякое государство имѣетъ право заключить контрактъ

для расширенія своего вліянія; всякое государство къ этому должно стремиться, и чѣмъ оно успѣшнѣе достигаетъ этой цѣли, тѣмъ болѣе ему чести и славы.

Россія могла слѣдственно принять такое притязаніе, но это должно было сдѣлать не иначе, какъ по тщательномъ обсужденіи всѣхъ препятствій, приготовившись заранѣе поддержать его всѣми силами, а этого то ничего и не было сдѣлано.

Въ послѣдствіи оказалось—что мы вовсе не понимали, что заключалось въ нашемъ требованіи, и какое оно можетъ вызвать противодѣйствіе. А между тѣмъ вопросъ былъ представленъ въ такой рѣшительной формѣ, что назадъ идти не было никакой возможности.

Обыкновенно ультиматумъ представляется въ концѣ переговоровъ, когда истощены всѣ другія средства; здѣсь напротивъ представляются новыя требованія, и переговоры начинаются съ ультиматума. Все было поставлено на выворотъ. Это значило сказать: рѣшитесь тотчасъ или мы прибѣгнемъ къ силѣ. Порта однако не испугалась, опираясь на западныя державы, она отвергла предложеніе Россіи, и кн. Меншиковъ, предложивши нѣкоторыя незначительныя измѣненія въ формѣ договора, что также было отвергнуто, выѣхалъ изъ Константинополя со всѣмъ Русскимъ посольствомъ. Дипломатическія сношенія были прерваны, французскій и англійскій флоты двинулись въ Архипелагъ. Что оставалось дѣлать Россіи? Отказаться отъ требованій, предъявленныхъ такимъ рѣшительнымъ образомъ, было поздно, продолжать переговоры не было возможности, ибо они прерваны были въ самомъ началѣ; оставалось прибѣгнуть къ силѣ, и дѣйствительно наши войска перешли Прутъ и заняли Дунайскія княжества.

Русское правительство объявило—что оно заняло единственно какъ обезпеченіе къ удовлетворенію законныхъ

своихъ притязаній, но какую вѣру можно было имѣть въ его слова, послѣ того, какъ оно само такъ недавно обнаруживало совершенно другіе замыслы.

Однако Турція не готова была къ войнѣ, и Европейскія державы рѣшились попробовать уладить дѣло переговоромъ. Собралась конференція въ Вѣнѣ и составлена была нота, которою старались примирить обѣ партіи.

Извѣстно—какой промахъ дала здѣсь Европейская дипломатія. Цѣль ноты была оградить Турцію отъ притязаній Россіи и давала послѣдней только внѣшнее удовлетвореніе, но она была составлена такъ неопредѣленно, что ее можно было толковать всячески. Россія тотчасъ объявила свое согласіе, но Турція предложила нѣкоторыя измѣненія, которыя были приняты Западными державами какъ согласныя съ духомъ ноты, и отвергнуты Россіей какъ несоотвѣтственныя съ ея требованіями. Русское правительство приложило къ отказу такое объясненіе, изъ котораго ясно видно, что Россія, принимая ноту, вовсе не думала отказаться отъ своихъ притязаній, а напротивъ считала ихъ узаконенными двусмысленною редакціею.

Турціи не оставалось ничего дѣлать, какъ объявить намъ войну въ надеждѣ на помощь Западныхъ державъ.

Дѣйствительно война была объявлена, и союзные флоты вошли въ Дарданелы. Съ этихъ поръ рядомъ съ дипломатическими переговорами идутъ военныя дѣйствія; но войны мы вовсе не ожидали и не были къ ней приготовлены. Войска, занявшія княжество были такъ малочисленны, что не могли даже воспрепятствовать туркамъ переправиться черезъ Дунай и утвердиться въ Калафатѣ. Они были такъ растянуты, что непріятель могъ нападать на отдѣльные отряды и наносить намъ значительный уронъ; таковы были несчастныя дѣла при Ольтаницѣ и Читатѣ. За то въ Азіатской Турціи оружіе наше увѣн-

чалось полнымъ успѣхомъ, флотъ нашъ покрылся славою при Синопѣ, но это самое повело къ дальнѣйшему вмѣшательству Западныхъ державъ.

До сихъ поръ флоты ихъ мирно стояли въ Дарданеллахъ, но не могли союзники терпѣть, что мы передъ ихъ глазами истребили турецкую эскадру, которую они пришли защищать. Синопское дѣло вынудило ихъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ; они вступили въ Черное море и объявили, что не позволятъ русскому флоту выходить изъ гаваней. Это дѣйствительно было уже дѣло явно непріязненное. Овладѣть Чернымъ моремъ, запереть его для нашего флота и оставить открытымъ для непріятеля было оскорбленіе, которое требовало немедленнаго объявленія войны. Но здѣсь Русское правительство выказало ту слабость, которой оно впослѣдствіи давало столько примѣровъ.

До сихъ поръ оно дѣйствовало съ легкомысленною смѣлостью, теперь же оно напротивъ показало трусость, непозволительную для великой державы. Россія стерпѣла оскорбленіе и не объявила войны.

Защитникамъ консервативной системы хотѣлось, чтобы зачинщиками казались морскія державы, какъ будто это положеніе могло вести къ какимъ нибудь результатамъ, какъ будто общественное мнѣніе Европы, признававшее Россію виновницей войны, могло отъ этого измѣниться. Рѣшившись идти по новому пути, надобно было по крайней мѣрѣ сохранить свое достоинство, и этого наше правительство по несчастію не сдѣлало. Война была объявлена самими Западными державами, послѣ того, какъ мы на ихъ требованіе не согласились вывести войска изъ Дунайскихъ княжествъ.

Однако же еще разъ Россія показала рѣшимость. Какъ только открылась военная компанія, русскія войска перешли Дунай и осадили Силистрію; хотѣли озадачить

Европу блистательнымъ дѣломъ, не смотря на то, что безумно было итти впередъ, имѣя въ тылу своемъ Австрію, уже явно показавшую непріязнь. Фельдмаршалъ даже успѣлъ убѣдить Государя въ несообразности этой кампаніи, какъ вдругъ Государь перемѣнилъ опять намѣреніе, приказъ былъ данъ, и переходъ совершился. Это былъ однако же послѣдній шагъ въ наступательномъ нашемъ движеніи. Съ этихъ поръ начались отступленія, какъ на поприщѣ военномъ, такъ и на поприщѣ дипломатическомъ, отступленія ознаменованныя рядомъ позорныхъ униженій и показавшія, что у правительства не доставало ни достоинства, ни энергіи къ продолженію легкомысленно начатаго предпріятія. Этотъ образъ дѣйствій тѣсно связанъ съ выступленіемъ на поприще новыхъ дѣятелей, именно Германскихъ державъ, въ особенности Австріи. У насъ коварство и неблагодарность Австріи въ настоящую войну стало общимъ ходячимъ мнѣніемъ; но говорить о благодарности и неблагодарности въ политическихъ дѣлахъ показываетъ только ихъ непониманіе. Государство не частное лицо, ему нельзя изъ благодарности жертвовать своими интересами, тѣмъ болѣе что въ политическихъ дѣлахъ самое великодушіе не бываетъ никогда безкорыстнымъ. Если одно Государство помогаетъ другому, то оно дѣлаетъ это не изъ любви ближняго, потому что оно поддерживаетъ этимъ свой замыселъ или свои интересы. Мы помогли Австріи въ Венгерскую компанію, но при этомъ имѣли въ виду уничтоженіе либерализма и польской народности у самыхъ воротъ нашихъ, и поддержаніе Государства, соединеннаго съ нами единствомъ правительствующихъ началъ.

Помощь эта не только не могла привязать къ намъ Австрію узами благодарности, а напротивъ поставила въ положеніе, которое не могло быть для нея пріятно.—

Какъ спасенная Россіею она стала болѣе или менѣе отъ нея зависимою, она чувствовала надъ собою тяготѣющую руку, и какъ великая держава не могла не желать избавленія отъ этой непріятной опеки. При первомъ случаѣ она должна была выказать свою самостоятельность, и вотъ представляется вопросъ, гдѣ интересы ея прямо противоположны нашимъ. Если есть государство для котораго опасно распространеніе нашего владычества въ Турціи, то это конечно Австрія. Россія представительница славянскаго племени, которое составляетъ большинство народности въ Австріи и соединено съ послѣднею только внѣшнимъ насильственнымъ образомъ. Оно всегда можетъ отпасть отъ нея и прильнуть къ Россіи, если только Россія будетъ слѣдовать политикѣ либеральной, а не охранительной Австрійской. Поэтому каждый шагъ, который Россія дѣлаетъ въ Турціи грозитъ Австріи разрушеніемъ.

Занятіе Дунайскихъ княжествъ необходимо влечетъ за собою занятіе Трансильваніи, ибо ихъ безъ этого невозможно удержать въ своей власти. Такимъ образомъ, Австрія въ настоящемъ случаѣ не могла не дѣйствовать противъ насъ, и упрекъ въ неблагодарности неумѣстенъ. Но справедливъ ли упрекъ въ коварствѣ?

Австрія дѣйствовала коварно потому, что не прямо объявила войну. Но когда же Австрія обманывала насъ насчетъ своихъ намѣреній? Не объявила-ли она съ перваго раза, что не хочетъ обязываться сохраненіемъ прежняго и стѣснять себя въ будущихъ дѣйствіяхъ.

Были-ли увѣренія Австріи въ противорѣчіи съ ея дѣлами? Отказалась-ли она хоть разъ отъ избраннаго ею пути осторожнаго сближенія съ Западными державами? Напротивъ она показывала много свою непріязнь, по винѣ-ли она въ томъ, что мы не хотѣли этого понять. Она наносила намъ безпрестанно оскорбленія; наше дѣло

было поддержать свое достоинство, и если мы предпочли униженіе, то не ее мы должны въ этомъ обвинять.

Самое положеніе Австріи не позволяло ей прямо объявить намъ войну, какъ ближайшій нашъ сосѣдъ, она прежде подвержена нашимъ ударамъ, и разумѣется не могла бы съ нами справиться безъ чужой помощи.

Чтобы обезпечить себя съ этой стороны, она старалась привлечь союзниковъ но здѣсь встрѣтила сопротивленіе вѣчной своей противницы Пруссіи.

Пруссія не имѣетъ на Востокѣ такихъ значительныхъ интересовъ какъ Австрія, но за то ей въ послѣднее время нѣсколько разъ приходилось терпѣть отъ Россіи, которая своимъ вмѣшательствомъ въ Германскія дѣла положила предѣлъ ея стремленію къ либерализму и къ единству Нѣмецкой имперіи. Она такъ же какъ и всѣ другія державы чувствовала опасность отъ усиленія Россіи на Востокѣ, и потому подписала Вѣнскіе протоколы, осуждавшіе притязанія Русскаго правительства.

Но Пруссія не хотѣла дѣйствовать открытою силою; съ одной стороны, при Прусскомъ дворѣ есть склонная къ Россіи партія абсолютистовъ сильная своимъ вліяніемъ на короля; съ другой стороны, самолюбіе Прусскаго правительства не позволяло ему итти вслѣдъ за Австріей, наконецъ и самыя родственныя связи, соединяющія обѣ царскія фамиліи, можетъ быть останавливаютъ слишкомъ явную вражду. Отсюда въ Прусской политикѣ двойственное направленіе, которое какъ нельзя лучше приходится по характеру короля, давно уже привыкшаго противорѣчить себѣ на каждомъ шагу.

Онъ съ любовію ухватился за этотъ случай, и дѣйствительно выказалъ себя въ полномъ блескѣ. Давно уже Европа не видѣла переговоровъ, въ которыхъ бы было столько недоразумѣній, противорѣчій, отреченій отъ сво-

ихъ цѣлей, и намѣреній въ ту и другую сторону. За каждымъ дѣйствіемъ въ пользу Западныхъ державъ, слѣдовало дѣйствіе въ пользу Россіи, а—за этимъ опять слѣдовало дѣйствіе въ пользу Западныхъ державъ.

Однако же это колебаніе принесло намъ ту пользу—что удержало на время Австрію, и вмѣсто войны вовлекло насъ въ нескончаемые переговоры.

Больно русскому человѣку разсказывать эту печальную исторію,—исторію униженія нашего и нашего правительства.

Въ то время какъ войска наши стояли подъ Силистріей, Австрія послала въ С.-Петербургъ ноту, въ которой требовала вывода ихъ изъ Дунайскихъ княжествъ. Всѣ ожидали войны никто не думалъ, чтобъ Русскій Царь могъ склониться на требованіе выраженное дерзкимъ и настоятельнымъ языкомъ, государства, которое такъ недавно возстановлено нами, однако-жъ вышло не то.

Послѣ долгихъ совѣщаній послали отвѣтъ уклончивый, оправдываясь въ своихъ дѣйствіяхъ предъ Австріею и утверждая, что невозможно безъ нарушенія всякой справедливости, требовать отъ одной изъ воюющихъ сторонъ, чтобъ она отказалась отъ нападеній, и такимъ образомъ представило бы себя ударамъ враговъ, впрочемъ изъявили готовность выступить изъ княжествъ, если только Австрія выхлопочетъ намъ перемиріе съ Турціей и Западными державами—униженіе было достаточное. Это значитъ отказаться отъ своихъ претензій, которыхъ обезпеченіемъ служило занятіе княжествъ, но этого было мало.

Австрія отвѣчала—что уже въ первой нотѣ она отклонила отъ себя всѣ независящія отъ нея требованія, что согласиться на перемиріе не въ ея власти, и ея же интересы требуютъ непремѣнно вывода нашихъ войскъ изъ занятыхъ нами областей.

Мы согласились, но чтобы прибавить нелѣпость къ униженію, Австріи послана была нота, въ началѣ которой объяснялось, что войска выводятся для того, чтобы не возбудить раздоровъ съ Германіей, (какое намъ до этого дѣло?) и въ концѣ, что это дѣлаемъ единственно по стратегическимъ соображеніямъ, чѣмъ опять воспользовалась Австрія, чтобъ уколоть насъ въ упорствѣ. Тотчасъ по выходѣ нашихъ войскъ Дунайскія княжества были заняты войсками Австрійскими, которыя вступили въ нихъ на основаніи союза Австріи съ Турціей для защиты послѣдней отъ Россіи.—Австрійскія войска защищали нашихъ враговъ, Австрійскій посланникъ въ Бухарестѣ рядомъ съ Турецкимъ, а мы все еще продолжали вести съ Вѣнскимъ кабинетомъ переговоры.

Такимъ образомъ, первый поводъ къ войнѣ былъ устраненъ. Если бы мы исполнили это въ самомъ началѣ, все бы обошлось безъ кровопролитія, но наша судьба была постоянно дѣйствовать слишкомъ поздно.

Слишкомъ поздно мы ввели войско въ свои границы, слишкомъ поздно мы предложили подписать миръ на основаніи протоколовъ Вѣнскаго конгреса.

Намъ отвѣчали—что этого уже не достаточно, что необходимо оградить Турцію отъ будущихъ притязаній Россіи: въ послѣдствіи Австрія предложила намъ составленныя союзными державами условія мира.

Это всѣмъ извѣстныя 4 гарантіи, которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Замѣнѣ покровительства Россіи надъ Дунайскими княжествами покровительствомъ всѣхъ державъ. 2) Свобода судоходства по Дунаю. 3) Пересмотръ трактата 1841 г, для уничтоженія исключительнаго владычества на Черномъ морѣ. 4) Отрѣченіе отъ христіанъ греческаго исповѣданія.—Принять эти условія значитъ отказаться

отъ всего, что давало намъ нѣкоторое вліяніе на Востокѣ. Еще разъ проснулась наша гордость, и въ нотѣ, исполненной достоинства, мы отвѣчали, что на такія условія нельзя согласиться безъ безчестья, что ихъ можно предложить только государству, потерпѣвшему значительныя пораженія и изнуренному значительной войною; мы же находимся въ полномъ обладаніи силъ и средствъ, и готовы испытать силу оружія,

Но къ чему послужилъ этотъ минутный порывъ? Къ большему позору, ибо мы приняли черезъ 2 мѣсяца условія, которыя сами объявили безчестными, и приняли ихъ слишкомъ поздно, когда это новое униженіе ни къ чему не могло послужить.

Крымская экспедиція была уже въ полномъ разгарѣ, и въ отвѣтъ на наши миролюбивыя предложенія Австрія заключила съ Западными державами союзъ 2-го декабря, въ которомъ обязалась вступить въ переговоры насчетъ наступательныхъ дѣйствій, если къ концу года не будетъ заключенъ миръ. Русскому же посланнику отвѣчала, что условія должны быть сначала растолкованы, и сообщила толкованіе, въ которомъ главный пунктъ былъ уничтоженіе Русскаго владычества на Черномъ морѣ. Посланникъ пришелъ въ негодованіе и представилъ другой проэктъ, но когда онъ былъ отвергнутъ, онъ просилъ срока сообщить объ этомъ въ Петербургѣ. По телеграфу дали знать— чтобъ онъ принялъ все безусловно.

Эти 4 растолкованныя условія должны ему служить предварительнымъ основаніемъ для мирныхъ переговоровъ, которые скоро должны открыться въ Парижѣ. Война же идетъ своимъ чередомъ; видно, что Западныя державы хотятъ прежде заключенія мира нанести намъ рѣшительный ударъ въ Крыму, чтобы увеличить еще свои требованія, если мы не примемъ условій самыхъ унизитель-

ныхъ, Австрія тотчасъ приступитъ къ нимъ и безъ всякаго сомнѣнія увлечетъ за собой Пруссію, которая теперь уже готова заключить съ ними договоръ.

Второстепенныя государства также мало по малу примыкаютъ къ союзу, и составляютъ противъ насъ коалицію всей Европы. Гроза собирается страшная. Настаетъ для Россіи роковая минута. Какими же она обладаетъ средствами, чтобы противиться этому грозному ополченію?

Главная сила состоитъ въ войскѣ. Въ продолженіи 29 лѣтъ царствованія первою заботою правительства было устройство военныхъ силъ. Это была любимая страсть, любимая игрушка Государя. Парадамъ и маневрамъ не было конца, малѣйшія подробности привлекали Высочайшее вниманіе и доводились до совершенства. Но какой же былъ результатъ этихъ трудовъ и попеченій? Когда дѣло дошло до употребленія, оказалось, что за парадами, за маневрами забыли самое существенное. Все было устремлено на фрунтовое ученіе и выправку; солдаты маршировали превосходно, но не было порядочныхъ офицеровъ, не было даже самыхъ необходимыхъ орудій и штуцеровъ, дающихъ такое превосходство полкамъ, умѣющимъ ими владѣть. Правительство наше не одобрило ихъ, и русское войско всегда отличавшееся необыкновенною стойкостью и неустрашимостью, не въ силахъ было состязаться съ войсками французскими и англійскими. Но этого мало, люди, управляющіе административною частію военнаго дѣла, оказались совершенно неспособными; всѣ распоряженія были да такой степени нелѣпы, что трудно повѣрить.

Сколько разъ наша гвардія получала повелѣніе выступить изъ Петербурга, сколько разъ была остановлена, сколько разъ выступала, потомъ опять возвращалась назадъ, и все это безъ всякой цѣли, безъ всякой нужды по минутнымъ соображеніямъ, которыя тотчасъ уступали

мѣсто другимъ. Ненужнымъ передвиженіямъ не было конца, несчастныхъ солдатъ и рекрутъ ускоренными маршами гнали взадъ и впередъ, съ одного конца Россіи на другой, не давая имъ отдыха, часто не заготавливая даже ни нужныхъ квартиръ, ни провіанта. Русскій солдатъ получаетъ очень скудное содержаніе и необыкновенно терпѣливъ, но ему нужно по крайней мѣрѣ необходимое, а ему часто случается обойтись и безъ необходимаго. Пригнанные солдаты ходятъ оборванные и голодные, прося милостыню по улицамъ; они тысячами валятся по дорогамъ и госпиталямъ, во всѣхъ полкахъ Польши и Россіи свирѣпствуютъ страшныя болѣзни, и никто не смѣетъ сказать объ этомъ слова. Человѣческая жизнь становится ни во что.

Въ то время какъ Англичане поднимаютъ страшный вопль, потому что у нихъ въ военное время, зимою на чужомъ берегу выбыло изъ арміи 40 тысячъ человѣкъ, у насъ ежедневно внутри отечества, далеко отъ войны, погибаетъ несмѣтное количество людей, и все это покрыто непроницаемою тайною. А между тѣмъ силы народа истощаются, безпрестанные наборы отнимаютъ все здоровое населеніе и лишаетъ поля работниковъ. Въ теченіи 2-хъ лѣтъ взято 32 человѣка съ 1000, а если прибавить къ тому ополченіе, то 55 челов., и это въ самомъ началѣ войны, безъ всякаго результата, и чего же намъ ожидать впослѣдствіи?

Правительство видно знаетъ, что можно требовать отъ страны, и безсмысленно расточаетъ ея средства. А между тѣмъ вся надежда на войско. Правительство даже не признаетъ другой силы, кромѣ военной; оно въ началѣ войны было такъ увѣрено въ своемъ могуществѣ, что не предполагало невозможности успѣха. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы союзники могли высадиться въ Крыму

хотя объ этомъ давно уже кричали въ журналахъ. Самые важные пункты государства были оставлены безъ защиты; въ Крыму было не болѣе 35 тысячъ войска; Севастополь не былъ укрѣпленъ со стороны суши, а въ Ревелѣ и другихъ мѣстахъ, которымъ никто не угрожалъ, и которыя сами по себѣ не имѣютъ никакой важности, были сосредоточены огромныя количества войскъ. Что еще можно къ этому прибавить?

Также безполезно растрачиваются и расхищаются матеріальныя силы государства. Обыкновенно правительство прибѣгаетъ къ чрезвычайнымъ повинностямъ и мѣрамъ, когда уже недостаетъ собственныхъ средствъ. У насъ средства правительства неизвѣстны, и война начинается пожертвованіями, которыя ничто иное какъ налогъ подъ видомъ приношенія. Съ городовъ требуютъ 10-й части ихъ доходовъ, на купцовъ, на ремесленниковъ накладываютъ несоразмѣрныя съ ихъ силами поставки. Половина Россіи объявлена на военномъ положеніи, и здѣсь жители несутъ количество повинностей уже не ограниченное; всякое требованіе военнаго начальства тотчасъ удовлетворяется безпрекословно и безъ всякаго вознагражденія или съ выдачею квитанціи, по которой разумѣется никто, никогда и ничего не получитъ. Изъ Воронежской и Курской губерніи по первому вытребованію поставлены подводы, люди и запасы въ Крымъ и Бессарабію, и все это такимъ безпорядочнымъ образомъ, что нѣтъ никакой возможности долго вынести эту тяжесть.

На несущихъ повинности не обращаютъ никакого вниманія, требованія предъявляются безъ всякаго соображенія, безъ всякой соразмѣрности со средствами жителей и съ удобствами доставки. Иногда потребуютъ работниковъ. заставляютъ пройти ихъ нѣсколько сотъ верстъ, а когда они придутъ на мѣсто назначенія, имъ объявляютъ, что

что они уже не нужны, и опять распускают по домамъ. Скотина гибнетъ, крестьяне разбѣгаются, всѣ жители доходятъ до нищенства, ближайшія къ военнымъ дѣйствіямъ губерніи уже до того истощены, что не въ силахъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, а это заставляетъ распространять военное положеніе на болѣе отдаленныя губерніи, для которыхъ оно вдвое тягостнѣе. Внутренняя же Россія должна выставить ополченіе, которое также ей дешево не можетъ обойтись. Дворянство должно выставить по 23 человѣка на своемъ иждивеніи, а денегъ ни у кого нѣтъ. Къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ государство прибѣгаетъ уже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ — при вторженіи непріятеля, а у насъ войско огромное и непріятель далекъ; но въ Петербургѣ смотрятъ на это какъ на простую демонстрацію, а между тѣмъ это ведетъ къ общему раззорѣнію; дворянство и крестьяне не въ силахъ выдержать продолжительную борьбу; крестьяне и безъ того бѣдно, дворянство и безъ того обременено долгами, а теперь оно совсѣмъ истощится рекрутскими наборами и повинностями и оставляетъ хлѣбную торговлю. Купцы же которые также страдаютъ отъ застоя торговли, имѣютъ главные свои капиталы въ Опекунскихъ Совѣтахъ — въ состояніи-ли послѣдніе выдать имъ значительные суммы?

Вообще Россія въ отношеніи къ развитію матеріальныхъ силъ находится еще на низшей степени, точно такъ же какъ и въ отношеніи къ развитію умственному. Эти двѣ сестры идутъ всегда параллельно; успѣхи промышленности непремѣнно обусловливаются развитіемъ нравственныхъ силъ народа, обусловливаются свободой и просвѣщеніемъ, а можетъ-ли она процвѣтать подъ правительствомъ, которое стремиться къ подавленію того и другого?

Уже одно крѣпостное состояніе налагаетъ преграду къ усовершенствованію земледѣлія, а отсутствіе хорошихъ

дорогъ останавливаетъ торговлю. Капиталовъ у насъ было бы достаточно для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, но капиталы эти вносятся въ Опекунскіе Совѣты и передаются расточительному дворянству, потому что правительство не допускаетъ частныхъ компаній; общественная польза приносится въ жертву личнымъ выгодамъ ненавистнаго всему Русскому государству главноуправляющаго путей сообщенія.

Такимъ образомъ мы съ самаго начала напрягаемъ всѣ свои силы, между тѣмъ какъ силы враговъ нашихъ почти еще не тронуты; да сверхъ того готовы возстать на насъ враги новые, еще не участвовавшіе въ войнѣ.

Какого же исхода можемъ мы ожидать отъ борьбы? Вся Европа идетъ на насъ, а мы стоимъ одни безъ всякой надежды найти гдѣ либо союзниковъ!

Сѣверо-Американскіе Штаты, помимо ихъ ненависти къ Англіи, не подадутъ намъ руку помощи. Государственные принципы обѣихъ странъ слишкомъ для этого противоположны; славяне же, на которыхъ указываютъ намъ какъ на естественныхъ союзниковъ Россіи, не пойдутъ за нами изъ опасенія подвергнуться худшему и гораздо болѣе безвыходному деспотизму нежели тотъ, которому они подчинены теперь. Чтобы привлечь ихъ на свою сторону, Россія должна поднять революціонное знамя, а для этого нужно намъ обновиться съ головы до ногъ, преобразовать всѣ общественныя учрежденія, освободить Польшу, отказаться отъ своего прошедшаго и пойти совершенно по новой дорогѣ.

Но можетъ ли это совершиться такимъ внѣзапнымъ образомъ? Измѣненіе коренныхъ началъ государственной жизни есть плодъ времени и исторіи; внезапное превращеніе возможно только тогда, когда общество давно къ тому приготовлено, да и тогда это производитъ страшные перевороты изъ которыхъ не всякій народъ выходитъ жи-

вымъ и здоровымъ. У насъ же отъ народа нечего ожидать и правительство разумѣется не отважится на такую перемѣну въ политикѣ. Слѣдовательно нельзя намъ надѣяться на славянъ и другихъ союзниковъ, тѣмъ болѣе что мы успѣли оскорбить уже всѣхъ предательствомъ и деспотическими замыслами. Мы стоимъ одни и должны биться до крайности, безъ всякой надежды, безъ всякаго отраднаго чувства.

Грустно взглянуть на настоящее положеніе Россіи. Эта великая страна, недавно еще стоявшая наверху славы и могущества, въ два года приведена въ самое печальное положеніе. Она окружена врагами, во главѣ ея стоитъ тупое самовластіе и и невѣжественное правительство, народъ пріунылъ; вѣры и патріотическаго энтузіазма въ нихъ нѣтъ, да можетъ ли оно быть, когда приходится бояться за успѣхи русскаго оружія изъ опасенія, чтобы это не придало правительству еще болѣе силы и самоувѣренности; средства государства расточаются самымъ безсмысленнымъ образомъ; униженіе достигло до крайнихъ предѣловъ, а мы всетаки должны биться и биться, ибо исхода изъ этого положенія не предвидится никакого.

Да! горькая постигла насъ участь, покорно и безропотно должны мы итти впередъ, въ ярмо, которое мы сами на себя наложили. Это наказаніе за нашу лѣнь, за наше равнодушіе ко всѣмъ благороднымъ стремленіямъ человѣка, за наше отрицаніе мысли и свободы.

Но это наказаніе не послужитъ-ли намъ урокомъ? Мы дремали подъ игомъ правительства, потому что матеріальныя наши блага не были звтронуты; теперь для насъ ясно, что самовластіе можетъ все поставить на карту; въ капризную минуту можетъ безмысленнымъ образомъ раззорять государство, можетъ навести его на такую дорогу,

изъ которой нѣтъ исхода, можетъ заставить его выпить чашу горести и срама.

Все это стало для насъ теперь очевиднымъ! теперь вышло наружу все то, что составляетъ порчу общественнаго организма, скрывавшуюся подъ покровомъ мира, теперь заболѣли тѣ раны, которыя мы слишкомъ мало чувствовали въ обыкновенное время; теперь пришла пора обратить вниманіе на самихъ себя, выйти изъ своего оцѣпененія, сознать наконецъ, что мы должны дѣйствовать сами, не надѣясь на чужую руку и на чужую власть.

Дѣйствительно эти мысли уже начинаютъ развиваться въ обществѣ; негодованіе становится сильнѣе, самое рьяные защитники правительства отрекаются отъ него. Вообще царствованіе Николая I подвинуло общественное мнѣніе. Двадцатидевятилѣтній гнетъ совершенно отбилъ прежнюю любовь и довѣріе народа къ своему правительству. Но всего болѣе способствовала этому настоящая война; она разорвала союзъ царя съ народомъ, она окончательно опозорила царствованіе, которое безъ того могло бы гордиться внѣшними успѣхами и внѣшнимъ могуществомъ.

Будемъ надѣяться, что тяжелое испытаніе не пройдетъ даромъ, что урокъ послужитъ намъ въ пользу; будемъ надѣяться, что Россія, обновленная несчастіями почувствуетъ въ себѣ новыя силы и сумѣетъ выйти изъ того унизительнаго состоянія, въ которомъ находится теперь.

Приложеніе 2.

М Ы С Л И

объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи.

МЫСЛИ

ОБЪ ИСТЕКШЕМЪ ТРИДЦАТИЛѢТІИ РОССІИ.

Благоговѣй передъ усопшимъ,
но еще болѣе благоговѣй предъ
истиной.

Царствованіе блаженной памяти Императора Николая Павловича уже принадлежитъ исторіи. Мы всѣ вчерашніе современники этого достопамятника царствованія, сдѣлались теперь его потомками, и на словахъ или мысляхъ, темно или ясно, произносимъ надъ нимъ судъ присяжныхъ, за добро поминая добромъ, скорбя о невольномъ злѣ и оглядываясь на пройденный путь, на то, что сдѣлано, и чего не сдѣлано.

Постараемся отдать себѣ отчетъ въ прожитомъ, съ должнымъ уваженіемъ къ памяти усопшаго, и съ горячей любовью къ нашей общей матери Россіи, ибо только тогда, когда, уразумѣемъ прошлое, мы въ состояніи оцѣнить куда идемъ, куда можемъ, должны итти, и какъ достичь того, чтобъ наша земля цвѣла и крѣпла въ добрѣ и правдѣ, въ просторѣ русскаго ума и русскихъ силъ.

Основная мысль и общій характеръ нашихъ мыслей о тридцатилѣтіи: «Консерватизмъ такъ же крайность, какъ и ученіе радикаловъ; жизненнаго процесса нельзя ни

перегнать, ни остановить. Русскій умъ любитъ просторъ. Сила—уму могила. On peut s'appuyer sur les bayonnettes, mais on ne peut jamais s'y asseoir.

Основная мысль нашей политики послѣднихъ 30-ти лѣтъ, внутренней и внѣшней, родилась не на Русской почвѣ, она заимствована у Австріи. Ея родоначальникомъ считается Меттернихъ; система его въ отношеніи внѣшней политики была принята еще при Александрѣ I; но полное, всестороннее ея введеніе у насъ принадлежитъ царствованію Николая I.

Главныя черты этой системы, какъ извѣстно, сохраненіе до нельзя государственнаго устройства у себя и у другихъ помощію войскъ; онѣмеченіе по возможности своихъ не германскихъ подданныхъ съ помощію бюрократіи, другими словами—неподвижность на поверхности и подземная работа съ цѣлью стянуть исподтишка разнородные концы въ одинъ узелъ.

1848 годъ опрокинулъ разомъ всю эту систему, и безъ нашей поддержки вполнѣ показалъ бы ея непрочность. Съ тѣхъ поръ Австрійская политика уступила въ иномъ, и выиграла во многомъ; она облегчила гнетъ, уровнявъ его. Не смотря на то точка опоры, и теперь для Австріи болѣе чѣмъ когда либо, все таки не въ ней самой, а въ ея арміи, у которой по разноплеменности нѣтъ отечества; лишь ею одною и держится эта разнородная, механически—сплоченная масса.

У насъ, слава Богу, нѣтъ и не было никогда надобности прибѣгать къ deus ex machina, называемому войскомъ; ибо мы, слава Богу, живое, мощное и цѣльное тѣло. Вотъ почему къ намъ никакъ не подходитъ Австрійская система, изъ которой какъ изъ тѣснаго нѣмецкаго кафтана, повсюду выглядываютъ наши богатырскіе члены.

Ея несоотвѣтственность съ коренными условіями на-

шей жизни происходитъ, и отъ отличія въ составѣ обоихъ государствъ, и отъ сравнительной молодости нашей, и отъ свойства народовъ, подвластныхъ той и другой державѣ. Къ этимъ причинамъ несовмѣстимости присоединился еще въ дѣлѣ примѣненія и личный характеръ Николая I, который проводилъ усвоенную имъ идею не съ іезуитскою хитростію, а со всею строгостію, прямотою и непреклонностію своего ума и воли.

Коренныя различія между Россіей и Австріею бросаются въ глаза. Въ Германской Имперіи, германскій элементъ составляетъ едва-ли 10-ю часть народонаселенія. Въ Россійской Имперіи русскій элементъ почти равняется $^{9}/_{10}$ всего числа жителей.

Отсюда искусственность государственнаго устройства, да и самаго существованія Австріи. Россія напротивъ того отличается рѣдкою органическою цѣлостію, естественностію своего состава, однородностію господствующаго племени, безпримѣрнаго въ Европѣ по единству языка и вѣры, и по своей сплошной многочисленности.

Австрійская Имперія сложилась и получила устройство издавна. Она опирается на тысячелѣтнюю, богатую, разнообразную, развитую германскую цивилизацію. Нашему государственному устройству, въ теперешнемъ, Петромъ возобновленномъ видѣ, не болѣе 150 лѣтъ. Не смотря на прежніе Византійскіе и западные образцы въ Петровой Россіи приходилось все создавать какъ-бы изъ ничего.

Характеръ германскаго племени—этого зерна Австріи, по преимуществу городовой, строго формальный въ законодательствѣ и администраціи, рѣзкой въ своей особенности, стоитъ враждебно къ прочимъ племенамъ, подвластнымъ имперіи, которые въ замѣну питаютъ къ господствующему, но значительно слабѣйшему элементу глубокую, неискоренимую ненависть. Характеръ русскаго народа,

спокойнаго въ своей силѣ, отличается общинно-сельскимъ духомъ, неподдающимся строгой формальной законности, а также рѣдкою уживчивостью съ другими народностями, которымъ не даетъ повода къ озлобленію и ненависти. Сверхъ того иноплеменники, живущіе въ предѣлахъ и преимущественно по окраинамъ Россіи, даже болѣе строптивые, составляя у насъ рѣшительное меньшинство, уже одной своей малочисленностію не должны были-бы вызывать строгихъ, крутыхъ мѣръ, избѣгаемыхъ гдѣ только можно, въ самой Австріи. Наконецъ личный характеръ Николая I довершаетъ различіе.

Всѣмъ извѣстная прямота души ставила его на ту нравственную высоту, съ которой Австрійскій Макіавелизмъ: divide et impera невозможенъ. Да у насъ оно было бы безполезно.

Однако не взирая на такія существенныя разности, присутствіе Меттерниховой мысли въ Русскомъ правительствѣ послѣднихъ 30 лѣтъ несомнѣнно. Поддержаніе Statu quo въ Европѣ, особенно въ Турціи и Австріи, возвѣщеніе и огражденіе словомъ и дѣломъ охранительнаго, неограниченно-монархическаго начала повсюду; преимущественная опора на матеріальную силу войска, поглащеніе власти, сосредоточеніе въ одной волѣ всѣхъ силъ народа, что особенно поражаетъ въ организаціи общественнаго воспитанія, и въ колосальномъ развитіи административнаго элемента въ ущербъ прочимъ; обрусѣніе иноплеменныхъ народовъ, присоединенныхъ къ имперіи на особыхъ правахъ, стремленіе создать хотя бы насильственнымъ образомъ единство вѣроисповѣданія, законодательства и администраціи, подавленіе всякаго самостоятельнаго проявленія мысли, какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ, и надзоръ надъ нею, регламентація, военная дисциплина и полицейскія мѣры даже въ томъ, что наиме-

нѣе подлежитъ имъ и т. д., все это неопровержимо обличаетъ у насъ присутствіе системы, возникшей въ Австріи, но въ Австріи горькой необходимости, какъ conditio sine qua non существованія; въ Россіи же не подходящей ни подъ какія условія ея быта и потому мѣшающей правильному развитію ея нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ силъ. Въ послѣднія 30 лѣтъ наша политика слишкомъ много устарѣлаго поддерживала внѣ Россіи, слишкомъ радикально управляля и переиначивала внутри Россіи—и тамъ, и здѣсь она не давала довольно простора. Этимъ объясняется отсутствіе симпатій, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, къ этой политикѣ черезъ-чуръ непреклонной въ своей послѣдовательности. Въ Европѣ и дома мы шли какъ бы наперекоръ общей волѣ; тамъ мы искали сохранить старое вопреки духу реформъ, у себя мы ломили вопреки духу сохранности.

Идя за предѣлы естественнаго единства столь у насъ мощнаго, мы старались создать во всемъ единство искусственное; развивая всѣми силами русское народное начало, во что включены были православіе и самодержавіе, мы слишкомъ мало показали уваженія къ другимъ народностямъ; къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, къ другимъ формамъ правленія.

Внѣшняя политика. Въ жизни гражданскихъ обществъ нѣтъ ничего безусловнаго; у каждаго народа въ въ каждую эпоху свои требованія. Полагать извнѣ чтобы то ни было вопреки этимъ требованіямъ, значитъ брать на себя невозможное.

Въ западной Европѣ сильно другъ съ другомъ связанные народы начинаютъ расходиться такъ же, какъ подданные со своими правительствами. Это двоякое стремленіе тамъ неотразимо. Оно есть признакъ разложенія, которое совершаетъ и совершитъ свой процессъ вопреки

всему. Выйдетъ ли изъ разложенія новая жизнь?—вопросъ преждевременный и для насъ—второстепенный. Съ насъ же при такомъ положеніи Запада было бы довольно и того, если бы мы попрежнему держали у самихъ себя старую непоколебимую связь между правительствомъ и разноплеменными подданными. Эта связь сохранилась ненарушимо при Александрѣ I, котораго миротворная политика ничего не насиловала и не тревожила. Вслѣдъ за его кончиною мятежъ 14 декабря, ознаменовавшій вступленіе на престолъ недавно почившаго Императора, былъ какъ бы предвѣстникомъ государственнаго раскола, вспыхнувшаго на двухъ оконечностяхъ Россіи, въ Польшѣ и на Кавказѣ. Событія эти были вызваны кромѣ постороннихъ внѣшнихъ обстоятельствъ и постепеннымъ примѣненіемъ системы принятой въ основаніе новаго царствованія.

Западныя державы окончательно послужили пробнымъ камнемъ этой системы, которая разбилась о тотъ же камень.

Мы всѣми силами подпирали распадавшуюся на части Турцію и Австрію; можно смѣло сказать, своею помощію отсрочили ихъ паденіе. Но къ чему послужила такая отсрочка? Къ тому, чтобы онѣ обѣ противъ насъ же возстали, возбужденныя извнѣ не только народными, государственными и дипломатическими интригами, но и оскорбленною нами гордостію и общею противъ насъ антипатіею либеральной Европы. Этой антипатіи поддалися даже и тѣ, которые должны бы были менѣе сочувствовать Европейскому либерализму.

Грустно-поучительное явленіе, что мы умѣли возстановить противъ себя не тольке Англію, но Императорскую Францію, съ конституціонною Сардиніею и Австрію съ ея славянами, нашими братьями, Турцію съ нашими единовѣрцами. Наше veto не помѣшало Франціи Іюльскихъ

дней продержаться 18 лѣтъ, Бельгіи отдѣлиться отъ Голландіи, Саксоніи, Гановеру, Испаніи, Португаліи, Даніи и Сардиніи измѣнить вопреки намъ прежнюю форму правленія; но это упорное и безпрестанно возобновляемое veto глубоко заронило всюду сѣмена непріязни, которыя теперь приносятъ плоды. Мы же охотно признавая Французскую Имперію, не хотѣли признать обновленной Сардиніи, и вотъ та и другая въ войнѣ съ нами. Мы щадили Австрію и Турцію ради statu quo, и вотъ—Турція и Австрія противъ насъ ради своихъ славянъ. Мы побоялись поддержать и славянъ и единовѣрныхъ грековъ, изъ уваженія къ мнимой законности, и вотъ греки и славяне, извѣрившіеся въ насъ, готовы обратиться въ объятія враждебнаго намъ Запада. Мы нетерпимостью свою, гордостію и упорнымъ консерватизмомъ всѣхъ подняли противъ себя, и народы, и правительства,—даже единовѣрные и единомышленные народы, даже строго монархическія правительства, даже Австрію, одну изъ участницъ Священнаго Союза.

У насъ теперь нѣтъ друзей, нѣтъ прочныхъ и естественныхъ союзниковъ; мы предоставлены самимъ себѣ, отчуждены отъ всѣхъ и одиноки. Конечно, Россія сильна и за себя постоитъ, но больно видѣть какъ опрометчиво, самонадѣянно ринулись мы въ борьбу не заготовивъ ни одного надежнаго друга, какъ мало можемъ положиться на самыхъ близкихъ, и какъ на все, что мы говоримъ и дѣлаемъ, остальная Европа глядитъ съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Такъ ли смотрѣли на насъ при Александрѣ! Тогда весь Востокъ съ Русскимъ царствомъ во главѣ, шелъ за Рейнъ на дѣло освобожденія, теперь весь Западъ подступаетъ къ нашимъ предѣламъ, ополчившись противъ Русскаго царя, брата того, кто освободилъ его.

Внутренняя политика. Присутствіе военно бюрократическаго элемента, отличавшаго Меттернихову Австрію видно у насъ и во внутренней политикѣ.

Революціонныя бури послѣднихъ 60-ти лѣтъ, потрясшія до основанія и глубоко измѣнившія Европу, а къ тому же и печальный ихъ отголосокъ, раздавшійся въ декабрѣ 1825 года, предъ изумленной Россіей, поселили въ душѣ покойнаго Императора, не только сильное негодованіе противъ всякаго проявленія духа независимости, но даже, осмѣлимся прибавить, какое то недовѣріе къ своимъ подданнымъ, особенно къ образованнымъ классамъ общества. Онъ хотѣлъ оградить Имперію отъ новыхъ возстаній Польши и отъ новаго декабрьскаго бунта. Основательность такого предположенія неоспоримо подтверждается словами послѣдняго завѣщанія: «Пока въ арміи сохранится тотъ же духъ, который спасъ Россію въ 1825 году, спокойствіе государства внѣ и внутри его обезпечено, и горе врагамъ его!»

Изъ опасенія, чтобы у насъ не повторились явленія въ родѣ 14 декабря, котораго однако разительный неуспѣхъ явно свидѣтельствовалъ о совершенномъ отсутствіи въ народѣ даже и тѣни сочувствія къ такимъ переворотамъ, мѣры и предосторожности правительства стали на первомъ планѣ и заслонили собой все прочее.

Не имѣемъ надобности оговариваться; никто ни на минуту не усомнится въ искренности и чистотѣ намѣреній покойнаго Императора. «Я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ, старался какъ могъ улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучше не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать». Такъ говорилъ онъ въ своемъ завѣщаніи, и эти слова примѣняются въ умѣ нашемъ не къ одному войску. Императоръ Николай Павловичъ какъ

человѣкъ могъ заблуждаться; но это происходитъ не отъ недостатка любви къ своимъ дѣтямъ, и не отъ недостатка желанія улучшить ихъ состояніе.

Марширующая армія. Первою изъ мѣръ предосторожности, которыми онъ хотѣлъ обезпечить спокойствіе государства, было созданіе огромной арміи, какой еще никогда не видала Россія.

Къ сожалѣнію такая мѣра не осталась безъ вредныхъ для насъ послѣдствій, она повела за собой:

1) Усиленіе войскъ прочими Европейскими державами; постоянно болѣе и болѣе увеличивающееся опасеніе на Западѣ при нашихъ извѣстныхъ безусловно-монархическихъ симпатіяхъ, какъ бы не употребили мы во зло громадныхъ силъ, которыми располагаемъ; въ довершеніе настоящую войну, плодъ общихъ опасеній.

2) Колоссальныя, по нашимъ далеко неколоссальнымъ средствамъ, издержки на содержаніе арміи; одни говорятъ, что эти издержки привышаютъ $^1/_3$ всѣхъ прочихъ государственныхъ доходовъ, другіе же — что поглащаютъ чуть-ли не $^1/_2$. (Мы должны оговориться и разъ навсегда, что статистическія и другія данныя, фразы извѣстныхъ лицъ и отдѣльные случаи во внутреннемъ управленіи, приводимые нами, большею частью основаны на разсказахъ и личныхъ соображеніяхъ. При существующихъ обстоятельствахъ иначе и быть не могло. За отсутствіемъ гласности и отвѣтственности мы вынуждены прибѣгать къ слухамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ).

Такимъ образомъ, наша прежняя армія, отвлекая даже въ мирное время отъ повинностей и отъ производительнаго труда болѣе 60-ти тысячъ здоровыхъ молодыхъ людей въ годъ, если считать въ 25 милліоновъ число жителей мужского пола, поочередно чрезъ 2 года подлежащихъ рекрутству, не только значительно уменьшаетъ

чрезъ то доходы, но ежегодно требуетъ болѣе 100 милліоновъ рублей серебромъ изъ государственнаго казначейства, не считая тягостей и расходовъ, упадающихъ на земство.

Для покрытія такихъ чрезвычайныхъ расходовъ у насъ съиздавна созданъ и въ послѣднее царствованіе значительно усиленъ, не существующій нигдѣ кромѣ Россіи, гибельный по своимъ послѣдствіямъ, огромный косвенный налогъ: винные откупа. Утверждаютъ, что покойный графъ Канкринъ сказалъ однажды въ Государственномъ Совѣтѣ: «Легко вамъ нападать на откупа! Вѣдь у насъ, что кабакъ, то батальонъ!»—Нельзя короче и рѣзче осудить огромные размѣры нашей арміи.

Доходы Франціи на 36 милліоновъ жителей превышаютъ 500 милліон. рублей серебромъ въ годъ, а между тѣмъ Франція въ мирное время не имѣетъ и 500 тысячъ войскъ, при 7-ми лѣтнемъ срокѣ службы. У насъ при вдвое большемъ народонаселеніи вдвое меньше доходовъ, а мы содержимъ армію при 25-ти лѣтней службѣ, значительно превышающую двѣ Французскихъ.

3) Отяготительные наборы, самые тягостные изъ послѣдствій развитія нашихъ военныхъ силъ. Они пожираютъ значительную часть молодого народонаселенія, отвлекая его навсегда въ силу нашей рекрутской системы, отъ земледѣлія и промышленности. Статистическія цыфры, основанныя на народныхъ переписяхъ, показываютъ, что въ послѣднія 30 лѣтъ народонаселеніе сократилось на 7% противъ прежняго; по 9-й ревизіи въ 16 лѣтъ жителей прибавилось лишь на ½% въ годъ, между тѣмъ при Александрѣ въ такой же промежутокъ времени, число ихъ умножалось въ годъ на 1%. Нельзя предполагать, чтобы въ такомъ неотрадномъ явленіи дѣйствовала одна холера. Войны въ 25-тилѣтнее царствованіе Императора Алек-

сандра были значительнѣе и упорнѣе всѣхъ послѣдующихъ, если исключить теперешнюю, и потому стоили холеры. Откуда же такое изумительное уменьшеніе въ народонаселеніи Россіи?—Причины тому заключаются не только въ усиленныхъ наборахъ, но и въ продолжительномъ срокѣ службы, а также и въ учрежденіи боталъоновъ кантонистовъ.

Противъ усиленныхъ наборовъ разумѣется одно средство: уменьшеніе арміи. Не скрываемъ, что это дѣло не легкое даже послѣ войны. Но при искреннемъ и разумномъ желаніи какъ бы казалось того не достигнуть. Нужно только соглашеніе съ прочими Европейскими державами. Мы первые подали примѣръ усиленія числа войскъ, подадимъ первый знакъ къ ихъ уменьшенію. Оно разумѣется сдѣлано будетъ повсемѣстно и въ одинаковой соразмѣрности что право вовсе не отзывается утопіей; ибо по окончаніи теперешней войны почувствуется болѣе чѣмъ когда либо необходимость общая, настоятельная въ сокращеніи расходовъ, слѣдственно и арміи. Не то давно угрожающая и лишь отсроченная бѣда—страшный финансовый кризисъ разразится надъ всей Европой.

И что казалось бы бояться уменьшенія войскъ, если если оно повсемѣстно, вѣдь относительная сила каждаго государства осталась бы та же.

Во всякомъ случаѣ, исполнится это или нѣтъ, намъ бы можно было прибѣгнуть и къ другому средству: къ исправленію системы безсрочно-отпускныхъ, какъ резервовъ, съ предоставленіемъ имъ большихъ противу прежняго обезпеченій, простора и удобства при явкѣ къ своимъ командамъ.

Сокращеніе срока службы многимъ можетъ показаться мѣрой радикальной въ экономическомъ отношеніи; мы предлагаемъ однако нашу мысль на обсужденіе людей свѣдущихъ и безпристрастныхъ.

Начнемъ опять указаніемъ на французское войско. Оно признано однимъ изъ лучшихъ не только во внутренней организаціи, но и въ основательной выучкѣ солдатъ; а между тѣмъ срокъ службы полагается 7-ми лѣтній Тоже можно сказать и объ Австрійской арміи. У насъ люди знающіе утверждаютъ, что вполнѣ достаточно 3-хъ лѣтней школы, особливо если она будетъ упрощена, для совершеннаго и окончательнаго обученія русскаго солдата, вообще понятливаго. Стало быть въ этомъ отношеніи сокращеніе срока службы до 10 и даже 8 лѣтъ не представляло бы затрудненій. Остается другое—какъ достигнуть такого сокращенія безъ признанія правила, по которому рекрутъ перестаетъ принадлежать обществу или помѣщику, и становится непосредственнымъ слугою царскимъ. Намъ кажется, что при должномъ обсужденіи предмета нашлась-бы возможность отстранить и это неудобство.

Сверхъ того крестьянинъ прошедши чрезъ 8-ми лѣтнюю жестокую школу военной дисциплины, принесъ бы на родину при отставкѣ, навыкъ къ порядку, къ точности и обсудительности; да вмѣсто того, чтобъ быть въ старости и дряхлости въ тягость своимъ обществамъ, онъ далъ бы имъ еще свѣжія силы, и сдѣлался бы опять дѣятельнымъ, полезнымъ членомъ. Не мало бы отъ того выиграло и общественное хозяйство, и общественная нравственность: бездомовый и невольный холостякъ сталъ бы снова домохозяиномъ и семьяниномъ.

Батальоны военныхъ кантонистовъ также содѣйствуютъ въ свою очередь уменьшенію народонаселенія. Оторванные отъ своихъ матерей, отъ мѣстъ жительства и отъ производительнаго труда, эти преждевременные сироты умираютъ въ огромномъ количествѣ, по недостатку надлежащаго надзора. Сверхъ того кантонистъ рабъ казны,

работаетъ на нее безвозмездно или только съ малымъ возмездіемъ и тѣмъ ставится во вредное соперничество съ истинно производительнымъ и промышленнымъ классомъ народа, закрывая для него множество мелкихъ должностей, работъ и службъ: двоякій ущербъ народному богатству.

Замѣтимъ мимоходомъ, что кантонистами замѣщаются многія низшія мѣста, которыя безъ нихъ могли-бы быть заняты дѣтьми бѣдныхъ дворянъ и чиновниковъ.

Послѣ всего сказаннаго не имѣемъ надобности прибавлять, что сокращеніе арміи и срока службы было бы однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для Россіи, изъ величайшихъ заслугъ Русскаго Царя.

Пишущая Армія. Мы еще не все сказали про обременительныя для народа и казны мѣры предосторожности, упомянувъ о милліонѣ войска, поглощающаго цвѣтъ нашего народонаселенія и едва-ль не половину нашихъ доходовъ. У насъ наровнѣ съ марширующей арміей есть другая — пишущая.

Эта вторая армія также многочисленна какъ и первая, на нее тратится тоже значительная часть доходовъ, и она также отвлекаетъ отъ должныхъ занятій цвѣтъ молодежи свободныхъ сословій.

Бюрократія, или чиновничество и канцелярство, говорятъ, ограждаютъ насъ отъ пролетаріатства, боязнь котораго уже привела къ ограниченію числа учащихся въ казенныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но взамѣнъ не надѣляетъ ли она насъ пролетаріатствомъ чиновничьимъ, полуневѣжественнымъ, полузанятымъ, привыкшимъ жить на чужой счетъ, и смотрѣть на Россію какъ на завоеванную землю! Бюрократъ считаетъ себя гражданиномъ какъ бы другой земли, даже и не въ государствѣ, а надъ государствомъ, и убѣждается мало по малу, по свойству че-

ловѣческой души, что не онъ существуетъ для націи, а нація для него. Онъ подобно католическому попу принадлежитъ не Россіи, а своему Риму—Петербургу, знаетъ не отечество, а своего папу—министра или генералъ-губернатора. Отвратить можетъ быть и опасныя послѣдствія отъ истинно образованныхъ бѣдняковъ, направивъ ихъ общее знаніе къ различнымъ спеціальностямъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся, какъ напр.: къ медицинѣ, при весьма ощутительномъ недостаткѣ въ гражданахъ врачахъ, въ свѣдущихъ, основательно образованныхъ стряпчихъ, управляющихъ, фабрикантовъ, техниковъ всякаго рода, было-бы не такъ трудно, какъ искоренить очевидный, несомнѣнный вредъ отъ чиновниковъ пролетаріевъ, рѣшительно развращающихъ народъ и дробящихъ его на два враждебныхъ стана. Стоячій воротникъ военнаго внушаетъ по большей части уваженіе, но стоячій воротникъ чиновника возбуждаетъ страхъ, подобострастіе, лукавство, презрѣніе, — всѣ низкія движенія души, поднимая ихъ оттуда, какъ шестъ поднимаетъ грязь со дна рѣки. Бюрократія, эта язва новѣйшей Европы, нигдѣ не свирѣпствуетъ какъ у насъ; у насъ она пуще холеры. Были при Александрѣ и армія, и канцелярство, но ни та, ни другая не доходили до такихъ размѣровъ. Въ Россіи больше бумажныхъ мельницъ, чѣмъ бы казалось слѣдовало ожидать, судя по степени ея образованія. Куда-же идетъ бумага? Спросите торговцевъ они вамъ скажутъ, кромѣ столицъ да еще двухъ, трехъ городовъ, въ частныя руки ее сбывается незначительное количество, и что безъ сравненія огромнѣйшая масса поступаетъ въ присутственныя и другія казенныя мѣста. Самое военное вѣдомство заразилось грѣхомъ чернильной невоздержанности. Такая невоздержанность—истинный грѣхъ: въ многописаніи какъ и во многоглагольствѣ нѣтъ спасенія.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ слѣдующее: въ Петербургскомъ почтамтѣ, какъ слышно получается ежедневно круглымъ числомъ до 11 тыс. пакетовъ, изъ которыхъ 6 тыс. казенныхъ. Въ годъ это составляетъ 2,190,000 пакетовъ за казенной печатью. Присоединимъ сюда еще тѣ, которые посылаются въ самомъ Петербургѣ изъ однихъ вѣдомствъ въ другія, и вы безъ увеличенія дойдете до 3-хъ мил. казенныхъ пакетовъ, ежегодно получаемыхъ въ столицахъ. Надобно полагать, что столько же если не болѣе, разсылается по всѣмъ концамъ Россіи. А вѣдь отдѣлъ письменныхъ сообщеній только одна часть, и весьма незначительная, канцелярскаго производства вообще. Нельзя не замѣтить въ упомянутой цифрѣ, что частная переписка столицы на 20% меньше казенной. Вотъ новое подтвержденіе тому, что главнымъ преобладающимъ мѣстомъ такой писчей бумаги казенныя мѣста, и что частная грамотность у насъ не въ цвѣтущемъ состояніи. Такое развитіе канцеляризма произошло отъ двухъ причинъ: отъ нѣмецкой страсти къ формалистикѣ въ управленіи, привившейся къ старинной обрядности русскихъ нравовъ, но особенно отъ стремленія подчинить все и всѣхъ надзору и опекѣ; а съ этой цѣлью протянуть повсюду нити, которыя бы сходились въ одно мѣсто, въ однѣ руки. Гдѣ буква, а не духъ,—тамъ и механизмъ. Гдѣ идеаломъ полицейское государство, тамъ необходимы безчисленные концы возжей въ рукахъ одного вожатаго. Въ Россіи проглядываетъ часто даже поэзія канцеляризма и формализма. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такой поэзіи, за достовѣрность котораго намъ ручались люди, заслуживающіе довѣрія по своему служебному положенію и характеру.

На Московскомъ шоссе были устроены заставы, и каждой заставѣ даны канцеляріи. Для канцеляріи въ русскихъ размѣрахъ нужны высшіе начальники, чиновники,

писаря, команда, просторное помѣщеніе. Что-жъ вышло? На жалованье и содержаніе шоссейныхъ канцелярій съ ихъ штатами пошли всѣ сборы съ шоссе, на поддержку котораго пришлось ассигновать особую сумму. Правда, эту странность впослѣдствіи замѣтили, но тѣмъ не менѣе она была допущена, продержалась нѣсколько лѣтъ, да и повторяется во многихъ другихъ случаяхъ, какъ напр.: при управленіи казенными фабриками, которыя по милости многочисленныхъ штатовъ приносятъ нерѣдко казнѣ чистый убытокъ,—заводами и т. п. Нашъ государственный механизмъ, говоря вообще, до нельзя и безполезно сложенъ, чѣмъ, разумѣется, лишь увеличилъ канцелярское письмоводство и замедлилъ ходъ дѣлъ. Припомнимъ для примѣра, что по гражданскимъ дѣламъ у насъ отъ 10-ти до 11-ти инстанцій, вмѣсто двухъ или трехъ, какъ въ другихъ странахъ, или что въ нашихъ министерствахъ есть множество должностей совершенно лишнихъ.

Къ чему спрашивается товарищи министровъ, вице-директора департаментовъ, къ чему бездна второстепенныхъ чиновниковъ? Загляните въ ихъ вѣдомства: соберутся да и сидятъ девять десятыхъ сложа руки, болтая всякій вздоръ. Одна обширность зданій, гдѣ помѣщаются правительственныя мѣста, достаточно свидѣтельствуетъ о числѣ чиновнаго люда. Оттого и застроена половина Петербурга казенными зданіями. Какъ-то давно въ бытность нашу въ Петербургѣ, видѣли мы на Литейной огромное угловое зданіе, оконъ въ 50 по обѣимъ улицамъ съ надписью: «Капитулъ ордена св. Анны». Не знаемъ, существуетъ-ли онъ теперь. Намъ пришло тогда на мысль, глядя на это огромное зданіе: что если-бы собрать капитулы всѣхъ орденовъ міра, да организовать ихъ по европейски, вѣдь они не только что умѣстились бы всѣ въ эти палаты, но еще могли бы цѣлый этажъ отдавать внаймы. Второй нашей

мысли, что бюрократизмъ развитъ въ такой степени съ цѣлью подчинить все надзору и опекѣ, такъ много подтвержденій, самыхъ осязательныхъ и понятныхъ каждому что мы затруднимся развѣ въ выборѣ. Одно изъ главныхъ находимъ мы въ чрезмѣрномъ расширеніи власти генералъ-губернаторовъ и вообще власти исполнительной. Когда-то одинъ высшій сановникъ сказалъ призванному имъ извѣстному литератору барону Дельвигу: «что вы говорите про законъ? Законы пишутся только для низшихъ сословій, а не для насъ!»

Въ вѣдомствѣ большей части генералъ-губернаторовъ нельзя даже сказать и того: законы ни для кого не пишутся, потому что они подчинены личному толкованію и произволу главнаго мѣстнаго начальства, большею частію генералъ-адъютанта; а генералъ и флигель-адъютанты и безъ того уже облечены особенной властію, въ употребленіи которой отдаютъ отчетъ одному государю; выходитъ на повѣрку, что смотря по надобности, а иногда и безъ надобности, законъ обходится или вовсе не соблюдается. Не въ шутку одинъ военный губернаторъ сдѣлалъ представленіе, чтобъ ему было дозволено не стѣсняться сводомъ законовъ, который только что мѣшаетъ ловить мошенниковъ. На запросъ даже со стороны Сената: почему поступлено не по закону, напр. при ссылкѣ, безъ суда и слѣдствія, въ сѣверныя и восточныя губерніи и т. д.?—Генералъ-Губернаторы отвѣчаютъ: «я такъ поступилъ въ силу Высочайше дарованной мнѣ власти». Частнымъ же лицамъ разумѣется и подавно не дается никакого отвѣта. Хорошо если кто изъ облеченныхъ такой неограниченной, и никакому видимому контролю не подлежащей властью съ могуществомъ Али Паши Янинскаго соединяетъ и мудрость Гаруна-аль Рашида: но много-ли такихъ сказочныхъ правителей? На одного правосуднаго

калифа тысячу пашей, злоупотребляющихъ своею властію, хотябъ и ненамѣренно, по неразумію, оплошности, излишнему рвенію или самонадѣянности. Гражданское устройство наше страждетъ издавна смѣшеніемъ властей: гражданской, судебной и исполнительной. Такое смѣшеніе порождало и прежде много своевольнаго, увеличивало и прежде безполезныя проволочки, переписки, путаницу всякаго рода. Генералъ-Губернаторы окончательно запутали всѣ эти власти, по существу своему совершенно раздѣльныя.

Впрочемъ учрежденіе Генералъ-Губернаторскихъ должностей есть только одно изъ проявленій системы личнаго управленія и преднамѣренности расширенія исполнительной власти въ ущербъ всѣмъ. Государственный Совѣтъ, Сенатъ, министерскій Совѣтъ, Комитетъ министровъ и другіе безчисленные комитеты существуютъ какъ коллегіальныя или исполнительныя собранія только по имени. Назначеніе Совѣта утратило свой первоначальный смыслъ. Исполнительная власть, не имѣя надобности въ совѣтахъ, сдѣлала совѣщанія безполезными, прежде нежели обсуждено или разсмотрѣно дѣло, о немъ уже объявляется при докладѣ Высочайшая воля. Это дѣлается зачастую. То-же должно сказать о непосредственныхъ докладахъ Государю со стороны министровъ, мимо всѣхъ инстанцій, опредѣленныхъ нашими государственными учрежденіями. Не знаемъ считать-ли счастіемъ или нѣтъ, при такомъ порядкѣ, что министры важнѣйшихъ вѣдомствъ: Юстиціи, Просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, допускаясь къ лицу Государя только въ рѣдкихъ случаяхъ, съ одной стороны имѣютъ какъ бы больше простора, а съ другой и больше отвѣтственности, отчего не всегда могли дѣйствовать рѣшительно. Но это только исключенія. Въ общей сложности личное управленіе вмѣшивалось во все и тѣмъ вносило

безпорядокъ въ Государственный механизмъ. Несмотря на хвалебные возгласы о единствѣ нашихъ правительственныхъ мѣръ, истинной централизаціи дѣлъ у насъ не было. Министры и прочіе высшіе начальники, не имѣя надлежащаго простора въ своихъ вѣдомствахъ, боясь отвѣтственности при малѣйшемъ проблескѣ самостоятельности, обращались къ самому Государю, иногда въ самыхъ бездѣльныхъ случаяхъ, мимо всѣхъ инстанцій, только бы оградить себя отъ нареканій прямымъ Высочайшимъ рѣшеніемъ. Такимъ образомъ въ высшихъ сферахъ, а чрезъ то и въ низшихъ, многое совершалось отдѣльно, втайнѣ отъ соглашенія различныхъ вѣдомствъ между собою. Оттого и дѣйствіе Министерствъ, и распоряженія нашихъ безконечныхъ комитетовъ перетягивались въ разныя стороны, протеворѣчили другъ другу, и приводились въ исполненіе иногда тайкомъ отъ соприкосновенныхъ вѣдомствъ. Такъ, напр., давно устроенный комитетъ о раскольникахъ подъ предсѣдательствомъ С.-П.Бургскаго митрополита вовсе не зналъ о существованіи коммиссіи учрежденной въ Москвѣ по тому же предмету. Нынѣшняя война велась въ подобномъ родѣ: военныя операціи предписывались прямо Государемъ, часто вопреки видамъ главнокомандующихъ, изъ Петербурга посылались приказанія и контролеры, и сбивали генераловъ съ толку. Вспомнимъ осаду Силистріи или дѣло 5-го февраля подъ Евпаторіей, подъ начальствомъ генерала Хрулева! Такъ же точно происходили и дипломатическіе переговоры 1853 г. Министръ въ своихъ депешахъ писалъ одно, Государь въ своихъ разговорахъ съ иностранными посланниками говорилъ другое; кн. Меншиковъ въ Константинополѣ дѣйствовалъ въ третьемъ смыслѣ, по личнымъ инструкціямъ Императора, о которыхъ, судя по всему, министръ ничего не зналъ, и которыя даже не соглашались съ мнѣніями, выраженными

въ разговорахъ. Всѣ эти разнорѣчія, весьма понятныя для насъ Русскихъ, и непостижимыя для Европейцевъ, послужили поводомъ къ незаслуженному нашимъ правительствомъ обвиненію въ двуличности и вѣроломствѣ.

Нѣтъ, англійскій парламентъ и общественное мнѣніе Европы неправы: мы дѣйствовали не вѣроломно, а просто необдуманно, доказавъ еще лишній разъ свѣту, что фраза Людовика XIV: «l'etat c'est moi»,—въ сущности не имѣетъ смысла, и что самовластный Государь не только не Государство, но и не правительство. Вмѣстѣ съ личнымъ управленіемъ, устройство на военную ногу и ладъ многихъ гражданскихъ вѣдомствъ, какъ неизбѣжная принадлежность дисциплинарно организованной и все поглощающей исполнительной власти, сходящейся въ одномъ лицѣ, какъ въ одномъ фокусѣ, есть конечно одно изъ самыхъ неутѣшныхъ явленій теперешней Россіи. Такъ: горная, лѣсная, межевая и другія части, приняли рѣшительно военный складъ. Уголовное производство перешло также мало по малу въ руки аудиторовъ: военному суду неизмѣнно подчиненъ цѣлый рядъ преступленій, сверхъ отдѣльныхъ и многочисленныхъ случаевъ, гдѣ обвиняемые предаются ему по особо изъявленной волѣ Государя. Такъ перешли въ исключительное вѣдомство аудиторовъ дѣла касательно оскорбленія Величества, зажигательства, дѣланія фальшивой монеты, неповиновенія помѣщикамъ, всѣ дѣла соприкосновенныя съ военнымъ вѣдомствомъ, по существу своему нимало не военныя, напр. по подрядамъ на военное вѣдомство, и при этомъ многія изъ такихъ дѣлъ рѣшались въ 24 часа, и почти всѣ если не касались лицъ изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, подвергали осужденнаго шпицрутену и зеленой улицѣ.

Когда-то хвастались мы своею вѣротерпимостью, и отмѣною смертной казни передъ отставшей отъ насъ

Европой, гдѣ еще не прекращались гоненія за вѣру и убѣжденія, и гдѣ Беккарія, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи переведенномъ Екатериною, краснорѣчиво возставалъ противъ юридическаго убійства. Съ тѣхъ поръ мы сильно подались назадъ: вѣротерпимость, всегдашняя отличительная черта Русскаго народа, перестала существовать въ Русскомъ правительствѣ послѣднихъ 30-ти лѣтъ, а смертная казнь, отмѣненная въ законѣ, процвѣтаетъ лучше прежняго, только въ иномъ видѣ. Намъ уже нечѣмъ похвастать предъ Западомъ: правда, у насъ нѣтъ гильотины, за то есть «сквозь строй». А сквозь строй во столько разъ хуже гильотины, сколько ударовъ получаетъ виновный. Умереть мгновенно, сразу, или умирать медленно, со страхомъ, послѣ періодическихъ истязаній, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ—что хуже? Возрастающее преобладаніе военнаго судопроизводства повело за собою то, что съ каждымъ годомъ дѣйствія уголовныхъ палатъ сокращаются, а военносудныхъ комисій увеличиваются. Можно подумать, что Россія объявлена въ безсмѣнномъ осадномъ положеніи, котораго ужъ конечно она ничѣмъ не заслужила. Знаемъ, что поставленіе гражданскихъ дѣлъ на военную ногу, было внушено покойному Государю чувствомъ неуваженія и недовѣрія къ гражданскимъ проволочкамъ, лихоимству и неправдѣ; но не значило-ль это частію разрубать, частію запутывать узелъ, вмѣсто того, чтобъ искать распутать его исподволь. Военный порядокъ, основанный на безпрекословной исполнительности и самой строгой подчиненности, поддерживая въ примѣненіи своемъ къ гражданскому вѣдомству преобладаніе личнаго управленія—прямого или косвеннаго, ввелъ вмѣстѣ съ тѣмъ дисциплинныя отношенія чиновниковъ къ своимъ начальствамъ. Гдѣ начало коллегіальности, введенной Петромъ?

Представители всѣхъ возможныхъ коллегіальныхъ учре-

жденій государственныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и т. под. превратились въ командировъ, а члены этихъ учрежденій — въ ихъ подчиненныхъ. Но можетъ ли гражданская іерархія быть поставлена на одну ногу съ военной: пружина этой— неуклонное повиновеніе тому, что приказано, между тѣмъ какъ душа первой, разумное соглашеніе въ томъ, что предложено на совѣтѣ. Естественно, что и правительственный характеръ чиновниковъ, и самая служба не выиграла отъ такихъ измѣненныхъ отношеній. Русская пословица: «умъ хорошъ, а два лучше»—была забыта, и въ служебное общежитіе вкралось съ одной стороны подобострастіе, а съ другой деспотическіе пріемы.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что преобразованія въ гражданскомъ вѣдомствѣ должны по преимуществу клониться къ размноженію властей, къ устраненію отъ совѣщательной, судебной, даже исполнительной гражданской власти чуждаго ей по существу военнаго характера; къ возможному упрощенію Государственнаго распорядка и стройному соглашенію его разнообразныхъ частей; наконецъ къ обузданію страшнаго, мертвящаго формализма, который вмѣстѣ съ канцелярскимъ бумагомараніемъ выходитъ изъ всякихъ предѣловъ.

Тайная полиція.

Необходимымъ пополненіемъ къ той организаціи гражданскихъ вѣдомствъ, съ точки личнаго и военнаго управленія, служитъ тайная полиція, устроенная на военную ногу и тѣмъ какъ бы облагороженная. Дѣйствительно, нельзя не отдать справедливости высшимъ начальникомъ, что лица, избираемыя ими для явно тайнаго надзора надъ всѣми отраслями общественнаго быта, по большей части

вполнѣ оправдываютъ неограниченное къ нимъ довѣріе, и ощутительнаго зла не приносятъ. Тѣмъ не менѣе лекарство причиняетъ иногда болѣе вреда, нежели самая болѣзнь. Утверждаютъ, что во Франціи не было и нѣтъ тайнаго общества, гдѣ бы треть или четверть членовъ не состояла изъ агентовъ префекта полиціи. Но во Франціи анархическое начало пустило такіе огромные корни, что противъ тяжкаго недуга приходится употреблять и тяжкое лекарство, ибо нельзя не сознаться, что мѣры для упрежденія зла, подобныя французскимъ, суть зло само по себѣ. Найти достаточное число наушниковъ и доносчиковъ можно только чрезъ развращеніе той части общества, которая чувствительнѣе къ соблазну денежныхъ и другихъ наградъ.

Для искорененія одной болѣзни создается и развивается другая. Клинъ выбивается клиномъ. Но какимъ? Ни одинъ истинно порядочный чиновникъ не усумнится сказать, что въ нравственномъ отношеніи менѣе подло увлекаться идеей и желаніемъ худо понятыхъ перемѣнъ къ лучшему чѣмъ принять на себя личину ложнаго товарищества и дружбы, и подъ этой личиной измѣннически продавать повѣрившихъ честному слову.

Разбойникъ на крестѣ еще можетъ покаяться, но раскаяніе недоступно Іудѣ послѣ лобзанія. Доказательствомъ тому, какъ глубоко пала Франція, служитъ по нашему не столько огромное число легкомысленныхъ, увлеченныхъ пагубными теоріями, сколько не менѣе огромное число безсовѣстныхъ людей—готовыхъ слугъ тайной полиціи.

У насъ, благодаря Бога, недугъ преступнаго легкомыслія вовсе не распространенъ, а опытъ и зрѣлость смыли въ 1849 году и послѣдніе слѣды. Дѣятельная оппозиція вообще у насъ мысль невозможная. Она была

бы серьезна лишь когда бы высшія сословія могли опираться на народъ. По между обоими полный разрывъ; ужъ одна борода съ кафтаномъ мѣшаютъ сближенію. Къ тому-жъ можно смѣло сказать, что время заговоровъ и тайныхъ обществъ прошло; въ нихъ извѣрились даже юноши и всѣ убѣдились въ ихъ безплодности. Революціонное повѣтріе не существуетъ болѣе, зачѣмъ же не оставлять лекарства? Чума прекратилась, а карантины все еще тутъ. Бываютъ случаи, гдѣ меркурій необходимъ въ большихъ пріемахъ, но когда необходимость миновалась, каждый лишній грапъ превращается въ ядъ, разрушающій весь организмъ. Есть и другое неудобство отъ тайной полиціи: въ загадочныхъ, таинственныхъ отношеніяхъ ея офицеровъ къ обществу, все зависитъ отъ личнаго характера и отъ такта; другими словами: все зависитъ отъ случайности выбора. Въ дѣлѣ цензуры, какъ она была до секретныхъ пополненій къ уставу, всякій представляющій свою рукопись имѣлъ возможность контроля надъ произволомъ цензора. Въ дѣлѣ тайной полиціи никакой контроль со стороны обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ (soupçonnés ou suspects) не возможенъ, на нихъ доносится и они становятся жертвами доноса: вотъ все что узнаютъ эти люди, остальное же отъ начала до конца вращается въ тьмѣ произвола, можетъ быть и правосуднаго въ существѣ, но отнюдь не законнаго.—Нельзя умолчать при этомъ случаѣ о procès de tendance, обвиненіяхъ не то чтобы въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, а просто не въ указномъ образѣ мыслей. Положимъ что встрѣчаются люди, которыхъ мнѣнія невполнѣ согласны съ цѣлями и направленіемъ правительства, и что такіе люди могли бы быть вредны при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Да противъ такихъ людей слишкомъ достаточно, казалось-бы, одного надзора полиціи? А то какъ съ ними поступаютъ?

Ихъ арестуютъ, допрашиваютъ пристрастно, роются въ ихъ бумагахъ и книгахъ, выводятъ изъ ихъ переписки, которая читается въ почтамтахъ, изъ ихъ словъ, которыя подслушиваютъ на лету, изъ книгъ, которыя находятъ случайно въ ихъ библіотекахъ и т. д., Богъ знаетъ какія заключенія и подъ конецъ ссылаютъ на жительство въ деревни или въ отдаленныя губерніи. Къ числу procès de tendance должно кажется отнести и дѣло о Петрашевскомъ съ товарищами. Судя по общимъ слухамъ, въ кружкѣ Петрашевскаго не замышлялось ничего серьезнаго, положительнаго: молодые люди собирались толковать о дѣльномъ и о не дѣльномъ, говорили на распашку, что приходило въ голову, и могли отвѣчать какъ Репетиловъ: «шумимъ, братецъ, шумимъ!» Ихъ наказали, какъ самыхъ опасныхъ преступниковъ; между тѣмъ какъ вина вызывала много, много что легкую исправительную мѣру. Воля ваша, а всѣ законные пріемы не внушаютъ Русскому обществу чувства законнаго правосудія;—намъ же Русскимъ всего необходимѣе воспитать въ себѣ это чувство,—а теперь необходимѣе чѣмъ когда либо; ибо мы привыкаемъ прибѣгать къ темнымъ и не гласнымъ путямъ, мимо открытыхъ и законныхъ,—когда хотимъ покончить спорное дѣло легко и проворно. Мы сбились съ столбовой дороги законности и заблудились по проселкамъ. Насъ нужно оттуда вывести, а для этого нужно отучить отъ дверей тайной полиціи и губернаторовъ, да указать на открытыя двери судебныхъ мѣстъ. Послѣднее крайне для насъ необходимо хотя и не легко. Пословица: «не бойся суда, а бойся судьи»,—и многое другое вполнѣ обнаруживаетъ низкое понятіе Русскаго народа о нашемъ правосудіи. А между тѣмъ хоть оно и обратилось въ притчу, но всетаки продолжаетъ заражать.

Поэтому поднять юридическіе нравы народа, внушить

ему не негодованіе къ провосудію и любовь къ правдѣ было-бы, по истинѣ, святымъ дѣломъ, но какъ?—Гласностію. Таинственность въ которую облекаются дѣйствія *высшей* полиціи, насъ только давитъ, развращая окончательно и судей и подсудимыхъ. Зло—дѣло тьмы, выведете его на Божій свѣтъ, и оно обличится. Повѣрьте что никакія потаенныя мѣры, какъ бы строги ни были, никакой открытый контроль, ни жандармы, ни доносчики, ни прокуроры и стряпчіе, ни флигель-адъютанты и ревизоры, ни генералъ-губернаторы и чиновники по особымъ порученіямъ, не искоренятъ зла, такъ глубоко внѣдрившагося повсюду въ сферы судебной власти и особенно исполнительной.

Мы не требовали чтобъ тотчасъ же введены были суды присяжныхъ, на первыхъ порахъ гласность въ судопроизводствѣ можетъ существовать и безъ нихъ. Она должна быть двоякаго рода; судопроизводство сколь возможно устное и при открытыхъ дверяхъ, а также право публичнаго протеста чрезъ газеты противъ всякаго злоупотребленія и произвола въ слѣдственной, судебной, исполнительной сферѣ. Это право не отъято даже и въ теперешней императорской Франціи.

Да, пора упрочить надъ нашими исполнителями, слѣдователями и судьями единственно неподкупный контроль общественнаго мнѣнія; пора дать средство оглашать во всеуслышаніе темныя дѣла и скрытыя беззаконія. Тогда, но только тогда мы можемъ излечиться отъ стараго недуга, и догнать въ правосудіи другія образованныя страны, гдѣ встрѣтимъ иногда законодательства не совершеннѣе нашихъ, но гдѣ, въ защиту, законы смягчаемые и исправляемые въ своемъ дѣйствіи просвѣщенными судилищами, находятъ безукоризненное примѣненіе подъ эгидой гласности и общественнаго мнѣнія. Рѣшается-ли у насъ на это?

будемъ надѣяться, хоть и знаемъ, до какой степени пугаетъ насъ всякая гласность. Въ Москвѣ упалъ колоколъ съ Ивановской башни, и газеты не смѣютъ о томъ говорить, потомучто это случилось въ день присяги.

Покойный Государь скончался 18 февраля утромъ, и вечеромъ того же дня вся Европа знала объ этомъ событіи, только въ Москвѣ, въ первопрестольной столицѣ Россіи, узнали о кончинѣ Русскаго Царя лишь на 3-й день, да и то не всѣ потому что въ газетахъ было объявлено о ней лишь 4 дня спустя, 22-го февраля, не странно-ль, не прискорбно-ль это? Но еще куда нейдетъ скрытность или медленность такого рода: есть безчисленное множество случаевъ, гдѣ скрытность грѣхъ, чуть не злоумышленіе. Въ отдаленныхъ и близкихъ отъ столицы губерніяхъ, въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ совершаются дѣла вопіющія, чудовищныя, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ! Кто про нихъ знаетъ? Кому до нихъ дѣло?—Вотъ гдѣ особенно нужна гласность. Она заглянула бы и туда, куда, какъ видно, не проникаетъ взоръ тайной полиціи.

Управленіе дѣлами церкви и руссификація.

Административно военное направленіе нашей внутренней политики отдавалось въ управленіи церкви. Когда недавно скончавшійся высокій сановникъ былъ назначенъ изъ гусарскихъ полковниковъ Оберъ-прокуроромъ св. Синода, кто-то отдавая впрочемъ полную справедливость его личнымъ достоинствамъ, сказалъ, что у насъ теперь патріархъ со шпорами. Въ самомъ дѣлѣ, Гусарскій полковникъ, а потомъ Генералъ-адъютантъ, облеченный полнымъ довѣріемъ своего Государя, занялъ первое мѣсто въ духовномъ

управленіи. При немъ Синодъ былъ обращенъ почти въ Министерство.

Свѣтская власть окончательно завладѣла внѣшнею стороною церкви. Въ церковь соборныхъ постановленій, догматическую, она правда, не рѣшалась вмѣшиваться, несмотря на то внутренняя жизнь церкви пріутихла. Назначено было постановить все свѣтское духовенство по примѣру Петербургскаго. Священники стали принимать характеръ чиновниковъ въ рясахъ.

Между тѣмъ въ семинарскомъ образованіи, столь превратномъ и безплодномъ, никакого существеннаго измѣненія не послѣдовало. Нравы духовенства правда улучшились, но отъ времени, а не отъ воспитанія. Его вліяніе на простой народъ осталось попрежнему ничтожнымъ. Народъ не только что не подвинулся впередъ въ духовномъ образованіи, но сталъ болѣе и болѣе расходиться съ офиціальною церковью. Сила, образующая и убѣждающая скрылась вовсе, живая струя изсякла окончательно. Свобода духовныхъ бѣседъ и преній, какая существовала даже подъ нѣмецкимъ гнетомъ Бирона также прекратилась. Полиція разогнала безъ различія сыновъ и ереси, и православія, когда они по старинному обычаю собирались на св. недѣлѣ у Московскихъ Кремлевскихъ соборовъ. По образцу военной дисциплины, гдѣ резонерство запрещается, требовалосъ чтобъ и въ дѣлѣ Вѣры даже православные молчали и повиновались безпрекословно. О раскольникахъ-же и говорить нечего: самыя строгія крутыя мѣры были принимаемы не разъ, и еще недавно, къ уменьшенію, а если можно и къ уничтоженію расколовъ. Въ этомъ очевидно участвовала не вѣра, а политика. Сдѣлано раздѣленіе раскольниковъ на молящихся за царя, и не молящихся за царя, и противъ послѣднихъ объявленъ неутомимый крестовый походъ.

Наружно—иное какъ будто подчинилось, но въ сущности строгость и гоненія лишь распространили толки. По слухамъ, лѣтъ 15 тому назадъ считалось въ Россіи около 7-и мил. раскольниковъ; теперь ихъ говорятъ до 13 м. Есть губерніи почти съ сплошнымъ раскольничьимъ народонаселеніемъ. Во многихъ толкахъ не то чтобы ученіе требовало не молиться за царя, а просто не молятся, потому что гоненія заглушили молитву. Члены такихъ толковъ (обществъ), думаютъ, опаснѣе духоборцевъ, молокановъ, и другихъ, которые не молятся за царя, часто изъ догматическихъ причинъ, а въ остальномъ отличаются смиренною покорностію. При всемъ скорбномъ въ такихъ явленіяхъ, нельзя однако не радоваться: по крайней мѣрѣ, прежніе безсмысленные толки понемногу ослабѣваютъ, а болѣе разумные умножаются; очевидно, что мыслящая способность въ русскомъ народѣ развивается. На вопросъ одному раскольнику, недавняго весьма замѣчательнаго толка, кто передалъ имъ такое ученіе, онъ отвѣчалъ: «Сами додумались.»

Вина-ль народа, предоставленнаго самому себѣ въ отношеніи Вѣры, неполучающаго никакого религіознаго воспитанія, имѣющаго у себя предъ глазами грубое, невѣжественное, корыстолюбивое духовенство? Его-ль вина, когда онъ, пользуясь мыслящею способностію, которою щедро надѣлила его природа «самъ додумался» до вѣрованій, несогласныхъ съ ученіемъ и догматами церкви. И какъ опровергнуть полицейскими принудительными мѣрами эти вѣрованія, плодъ его личныхъ размышленій? Полиція можетъ заставить замолчать или, что еще хуже заставить прикинуться обращеннымъ; но становому или квартальному не убѣдить въ томъ, въ чемъ не успѣетъ убѣдить и самое духовенство наше, въ которомъ, къ сожалѣнію, немного найдется, людей стоящихъ выше обряд-

ности, и проникнутыхъ любовью, этимъ единственнымъ проводникомъ свѣта и истины.

Большая часть нашихъ раскольниковъ отличается нравственностію, навыкомъ къ порядку, трудоспособіемъ. Раскольники выселенные на Кавказъ примѣръ чистоты нравовъ и домохозяйства для цѣлой страны. Можно смѣло сказать, что отщепенцы въ общей сложность цвѣтъ нашего крестьянскаго сословія. Въ нихъ сосредоточено все, что въ простомъ русскомъ человѣкѣ находится самостоятельнаго, мыслящаго, трудолюбиваго и промышленнаго. Между ними, особенно въ купеческомъ классѣ, есть, какъ извѣстно, значительные капиталисты. Ихъ дѣти, посѣщающіе столицы, или тамъ живущіе, въ душѣ уже не раскольники, они-бъ не прочь отречься отъ ереси и отъ бороды, но, подобно нашимъ образованнымъ евреямъ и польскимъ католикамъ, остаются при вѣрѣ отцовъ изъ чистой оппозиціи, изъ негодованія противъ насильственныхъ мѣръ. Это явленіе значительное. Случись у насъ, чего Боже сохрани, новыя гоненія, тогда пожалуй опять повторится, что уже не разъ было, и къ раскольническимъ колоніямъ въ Австріи, Пруссіи, Турціи присоединятся свѣжія. Отдѣльные единомышленники не перестаютъ ходить туда и уносить съ собой значительныя суммы. Насильственныя обращенія не ограничивались у насъ, какъ всѣ знаютъ, раскольниками, они совершались въ огромныхъ размѣрахъ между уніатами и католиками Польскихъ провинцій и между протестантами Остзейскихъ. Развѣ слѣдующія поколѣнія обращенныхъ передѣлаются въ добрыхъ православныхъ и въ Русскихъ, а теперешніе куда какъ ненадежны въ своей импровизованной народности и вѣрѣ. Главное же неудобство отъ этихъ обращеній, что они еще болѣе возстановили противъ Русскаго правительства и безъ того недоброжелательныхъ поляковъ, что они возму-

тили давно испытанную вѣрность престолу Остзейскаго дворянства и даже средняго сословія. Польза отъ такихъ неправыхъ обращеній перевѣшиваетъ-ли или даже уравниваетъ-ли вредъ, еще худо оцѣненный, который они намъ причиняютъ? Такъ напр. въ Польшѣ католицизмъ сдѣлался лозунгомъ еще болѣе упорной оппозиціи. Указывая на гоненія національной церкви, образованные классы возбуждаютъ и польское простонародіе до того почти, что дали чувству неприязни духъ озлобленія и ненависти противъ насъ. Не говоримъ о впечатлѣніи произведенномъ въ эпоху обращенія и отнюдь не забытомъ католическими и протестантскими народами Запада. Въ теперешней войнѣ и въ общихъ къ намъ антипатіяхъ много участвовали крутыя, жестокія мѣры, обогатившія православное народонаселеніе Россіи стадомъ тупоумныхъ прихожанъ въ нѣсколько милліоновъ головъ, которымъ и дѣла нѣтъ до религіи.—Не надежнѣе-ль было бы еслибъ вмѣсто насильственнаго обращенія Бѣлоруссовъ и Латышей правительство предоставило времени и силѣ вещей такое превращеніе! Нѣмецкій Альзасъ во Франціи можетъ служить разительнымъ примѣромъ тому, что улучшенный народный бытъ и очевидныя выгоды принадлежать сильному и просвѣщенному племени, служатъ самымъ вѣрнымъ средствомъ упрочить нравственный союзъ съ подвластнымъ иноплеменнымъ населеніемъ. Народъ въ Альзасѣ говоритъ до сихъ поръ на своемъ нарѣчіи, треть жителей состоитъ изъ реформатовъ, анабаптистовъ и евреевъ, а между тѣмъ они всѣ безъ исключенія сердцемъ принадлежатъ Франціи, и никакая сила, кромѣ развѣ оружія, не отторгнетъ ихъ отъ иноземнаго отечества. Почему Альзасъ такъ привязанъ къ Франціи? Потому что она всегда уважала его народность, не стѣсняла ни одного класса, не отняла ни одного прежняго права и надѣлила многими новыми. Проч-

ныя превращенія одного народа въ другой, хотя бы только политически, совершаются исподволь, сами собою, когда подвластный народъ начинаетъ чувствовать нравственное преобладающее превосходство народа господствующаго. Такъ обрусѣли Финскія и другія племена жившія посреди Русскихъ. Кто отличитъ ихъ теперь? Такъ бы обрусѣли мало по малу и нынѣшніе прозелиты противъ воли. Въ отношеніи къ Царству Польскому и вообще къ Польскому элементу въ Россіи, система обрусѣнія приводится еще съ большею послѣдовательностію. Не одна вѣра отцевъ, но и языкъ и все національное образованіе сдѣлались предметомъ самой неутомимой руссификаціи съ крайне упругимъ металломъ, не поддающимся переплавкѣ. Необходимость присоединить Польшу Россіи есть также неизбѣжное зло, какъ и необходимость покорить Кавказъ. Кавказъ и Польша двѣ язвы, отъ которыхъ можетъ вылечить одинъ лишь очень искусный врачъ, и противъ которыхъ героическія средства до сихъ поръ не помогали. Но какъ намъ кажется, легче усмирить Кавказъ чѣмъ Польшу: ибо легче сладить съ варварствомъ чѣмъ съ образованностію, а въ Польшѣ мы встрѣтились съ образованностью старшей, многосторонней, пустившей глубокіе корни, особенно въ высшихъ сословіяхъ. Побороть силою эту богатую Западную образованность—чистая невозможность:—всякая попытка насилія ее только что укрѣпляетъ, и нашъ молотъ только что сковываетъ въ одну массу ея составныя части.

Если правда, что Государственность есть тѣло, а народность душа общества, то Польша, этотъ новый Израиль, представляетъ разительный примѣръ безплодной жизни души безъ дѣла. Связать механически душу Польши съ тѣломъ Россіи—задача противуестественная, а потому неисполнимая. Пересоздать душу Польши и сдѣлать ее Рус-

скою еще невозможнѣе, особенно при теперешнихъ условіяхъ. Осталось бы еще неиспытанное средство къ соединенію разнородныхъ элементовъ, о которомъ мы уже упоминали: примѣненіе къ Польшѣ, какъ и къ прочимъ присоединеннымъ провинціямъ политики Франціи въ отношеніи къ Альзасу. Намъ возразятъ, что примѣръ Альзаса, а равно и приведенныхъ выше Финскихъ племенъ не подходитъ ни къ Бѣлоруссіи, ни къ Остзейскимъ губерніямъ, а того менѣе къ Польскому Царству. Въ Альзасѣ не существовало противъ Франціи и тѣни той вѣковой вражды, которая существуетъ въ Польшѣ противъ Россіи; что-же касается до обрусѣнія Финскихъ племенъ, то оно совершилось черезъ Русскія колоніи водворившіяся посреди нихъ, вслѣдствіе малочисленности Финскаго населенія и обширности пустопорожнихъ земель. Примѣнить методу Франціи къ нашей Польшѣ, и прежнихъ русскихъ колонистовъ къ теперешнимъ Бѣлорусскимъ и Латышскимъ несбыточно и невозможно.

Конечно несбыточно и невозможно, еслибъ вздумалось прикладывать при данныхъ обстоятельствахъ тѣ-же методы безъ всякихъ измѣненій. Но мы полагаемъ, что даже теперь, послѣ стольнихъ ошибокъ и превратныхъ мѣръ, была бы еще возможность настроить на иной ладъ дѣло нравственнаго пріобщенія иноплеменныхъ провинцій къ Россіи. Сила не во внѣшней руссофикаціи, а во внутренней. Говори на какомъ хочешь языкѣ, исповѣдуй какую хочешь вѣру, только полюби Россію; вотъ что бы слѣдовало дать почувствовать не русскимъ членамъ русскаго Государства; тогда бы руссофикація совершилась сама собой. А заставить полюбить нельзя по приказу. Надобно стараться внушить любовь и съ нею уваженіе къ себѣ; внушить-же то и другое можно лишь, когда поставить самого себя нравственно и политически выше подвластныхъ народовъ.

Нѣмцы тѣ-же и въ Альзасѣ и въ городахъ и въ замкахъ Остзейскихъ, отчего-же французскіе Нѣмцы считаютъ себя французами, а наши все еще Нѣмцами? Можно даже сказать, что Позпанскіе Поляки больше подчиняются прусскому вліянію, чѣмъ жители Царства Польскаго русскому, даромъ что между Пруссакомъ и Полякомъ гораздо менѣе общаго нежели между Поляками и Русскими. Отъ чего это? Мы ограничимся указаннымъ намекомъ, предоставивъ каждому дополнить нашу мысль. Бѣда наша въ томъ, что намъ хотѣлось на всѣхъ надѣть одинъ мундиръ, на иноплеменныхъ, какъ и на Русскихъ. Мы были помѣшаны на однообразіи; какой-же тутъ ожидать жизни? Къ чему напр. возбуждали мы безполезное неудовольствіе на Кавказѣ, за Кавказомъ, въ придунайскихъ княжествахъ и т. д. введеніемъ болѣе или менѣе русскаго бюрократизма и администраціи? Неужели истинное государственное единство заключается въ уничтоженіи всякой особенности, и цѣльность державы зависитъ отъ подведенія всѣхъ подъ одинъ уровень?

Управленіе народнымъ воспитаніемъ и бытомъ.

Такое стремленіе отразилось и въ самой Россіи. Возьмемъ для примѣра Министерство Государственныхъ Имуществъ. Нельзя отрицать, что устройство огромнаго числа школъ и различныхъ заведеній хозяйственныхъ и другихъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ можетъ принести и отчасти приноситъ ощутительную пользу. Трудно не согласиться съ тѣмъ, что Русскій человѣкъ, лишенный какъ будто-бы отъ природы способности начинанія, несмотря на прочія блестящія качества, нуждается въ руководителяхъ и въ понудительныхъ мѣрахъ къ разумному и дѣя-

тельному улучшенію быта. Но всѣ эти соображенія едвали оправдываютъ крутой путь, выбранный для достиженія цѣли. Военные пріемы и тутъ многое испортили. Вмѣсто того, чтобъ учить хорошему исподволь, пріохочивая,—іерархически сложное начальство стало дѣйствовать по командѣ. При этомъ, какъ и при всемъ, что совершается въ Россіи, не обошлось безъ злоупотребленій, которыя увеличились вмѣстѣ съ умноженіемъ правителей. «Какихъ у насъ нѣтъ начальствъ»—сказалъ однажды намъ умный государственный крестьянинъ—«и областные, и окружные, и волостные, и добросовѣстные, а пуще недобросовѣстные!» — Легче-ли вамъ теперь? спросилъ на сходкѣ одинъ высшій чиновникъ министерства. «Какъ не легче, Ваше Превосходительство», отвѣчалъ кто-то изъ стариковъ, прежде бывало несемъ барана на плечахъ, а теперь гонимъ цѣлое стадо, такъ оно и легче... для плечъ».

Независимо отъ злоупотребленій явились и правительственныя мѣры, которыя стоили ихъ, такъ напр. нарушались права собственности при обращеніи однодворцевъ и другихъ въ государственныхъ крестьянъ. Возникали частые бунты, приходилось унимать ихъ силой. Словомъ, вездѣ замѣтно было отсутствіе широкого плана въ основѣ и почтительной осмотрительности въ исполненіи, Позволимъ себѣ общее замѣчаніе. Русскій умъ, какъ мы уже сказали, отъ природы неизобрѣтателенъ. Конечно нужно его понуждать, но необходимо и возбуждать. Водить же цѣлый вѣкъ на помочахъ—значитъ вовсе отучать отъ размышленія, и пріучать жить чужимъ умомъ да чужою волею. Надобно понемногу снимать съ Русскаго народа строгую опеку, на которой онъ теперь живетъ, и чтобъ онъ достигъ зрѣлости совершеннолѣтія, исподволь вести отъ опеки къ попечительству. Не то онъ вѣчно останется ребенкомъ; а такъ какъ это ребенокъ даровитый и живой,

то чего добраго онъ пожалуй расшевелится и его ужъ не уймешь. Мы не говоримъ чтобъ Русскаго крестьянина тотчасъ-же и освободить, но воспитывать мало по малу къ неизбѣжному освобожденію. Того настоятельно требуетъ благоразуміе.

Умалчиваемъ о высшихъ требованіяхъ. Не должно притомъ терять изъ виду и другого основного правила здравой политики: не раздражать безъ крайней необходимости. Теперь у насъ нужнѣй чѣмъ когда либо держаться этого правила.—Къ счастію все намъ ручается что политикѣ раздраженія положенъ конецъ нынѣ царствующимъ Государемъ, сильнымъ, крѣпкимъ и великодушнымъ въ своей силѣ. Да и пора положить ей конецъ, ибо теперь уже не любовь, а страхъ связываетъ Русскій народъ съ правительствомъ, которое бываетъ крѣпко лишь покорностію, выходящею изъ сердца.

Не приведи Богъ намъ дожить до того несчастнаго положенія, въ какомъ находится остальная Европа, гдѣ одинъ штыкъ сдерживаетъ подвластныхъ, и гдѣ разсѣлина между ними и правителями расширяется въ бездну, грозящую поглотить весь прежній порядокъ.

Страхъ безъ любви плохой цементъ, а прежняго довѣрія и привязанности, увы!—наше правительство почти лишилось. Скрытное, подземное неудовольствіе овладѣло всѣми сословіями. Настоящая война лишь обманчиво отвлекаетъ грозу. Свиду она будто даетъ общественной желчи боковой исходъ, а на повѣрку еще болѣе раздражаетъ народъ противъ правительства. Почему?—Потому что несмотря на офиціальные возгласы газетъ, предводителей дворянства, старшихъ двухъ сословій и кое-какихъ частныхъ лицъ, ослѣпленныхъ тупоуміемъ или подлостію, съ каждымъ днемъ становится яснѣй, что интересы православія, интересы нашихъ единовѣрцевъ, ни на волосъ не участвуютъ въ

борьбѣ, въ которую мы бросились очертя голову, и которая ужъ стоитъ намъ столько крови, столько не подъ силу жертвъ всякого рода. Изъ чего, для чего за что ополчились мы и ополчили на себя весь Западъ съ полвостокомъ? Такіе вопросы слышатся часто и не отъ однихъ такъ называемыхъ образованныхъ. Послѣднее царствованіе пріучило приближенныхъ скрывать правду, потворствовать, представлять все въ наилучшемъ свѣтѣ и тѣмъ поддерживать пагубное ослѣпленіе. Да и кто-бы рѣшился на роль Якова Долгорукаго или Сюлли? Это было-бы опасно и безполезно.

Однимъ изъ доказательствъ какъ трудно проникала правда въ закалдованный кругъ царской власти, служитъ продолжительное и неизмѣнное существованіе теперешней системы путей сообщенія. Остроты бывшаго Министра соленой воды надъ Министромъ прѣсной не тронули коры заслонявшей свѣтъ для одного въ цѣлой Россіи. А между тѣмъ пути сообщенія—эти жилы государства, въ которыхъ обращается народная кровь и соки,—безъ нихъ застой. Слыханное-ли дѣло, что въ одной и той-же землѣ въ одно и то же время четверть овса продается по захолустьямъ степныхъ губерній за 20—25 к. с., а въ Петербургѣ или въ Ригѣ по 4 по 5 руб. т. е. на разстояніи 1000 в. въ 20 разъ дороже первоначальной цѣны? Или что кубическая сажень дровъ стоитъ въ Одессѣ 30 р. с., а въ иныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи 30 к. с. и что-же? При такихъ чудовищныхъ слѣдствіяхъ безпутія, строится у насъ желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою, предметъ чистой роскоши, ибо мы и безъ того имѣли возможность ѣздить по шоссе въ двое сутокъ, да и не для чего такъ спѣшить намъ. Что бы можно было сдѣлать внутри Россіи на десятки и сотни милліоновъ, употребленныхъ для постройки чуть не безполезной дороги! Мы увѣрены, что на ту-же сумму

Сѣверо-Американцы давнымъ-бы давно связали рельсами Петербургъ и Москву съ Одессой, Варшавой и Нижнимъ. Да еще бы сберегли капиталъ на полдороги въ Иркутскъ, потому что частныя лица не казна, да и нѣтъ въ Америкѣ, какъ нѣтъ и въ Европѣ нашихъ клейкихъ чиновныхъ рукъ, къ которымъ на 4 рубля прилипаетъ 3 и только одинъ идетъ въ дѣло.

Прямое вмѣшательство правительства, лишающее Россію быстраго и дешеваго устройства путей сообщенія, мѣшаетъ и самымъ сообщеніямъ, торговымъ и промышленнымъ особенно въ нижнихъ сословіяхъ. Паспорты, виды, плакаты, выдаваемые съ разными затрудненіями, по запутаннѣйшимъ въ мірѣ правиламъ на опредѣлительные сроки безъ нужды препятствуютъ легкому, свободному передвиженію лицъ съ мѣста на мѣсто. Для чего такія стѣснительныя мѣры? Стоитъ только однажды пройти процедуру полученія вида на проѣздъ и на пребываніе для иностранцевъ, чтобы понять что это такое! Наши промышленность и торговля страждутъ безъ того.

Пора ихъ поднять и болѣе легкими сообщеніями и большимъ оживленіемъ кредита. Для этой послѣдней цѣли необходимо, между прочимъ, внушить довѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ, оградивъ ихъ отъ произвола власти. Что-же касается до земледѣлія, еще надолго главнаго источника нашего богатства, то нельзя не согласиться, что оно можетъ быть поднято лишь чрезъ улучшеніе быта земледѣльческаго класса.

Тутъ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на помѣщичьихъ крестьянъ.—Барщина, необуздываемая никакимъ закономъ, нужда, заставляющая продавать свой хлѣбъ въ глухое время, когда еще не установились цѣны, чтобы только добыть деньги для уплаты казенныхъ повинностей, тяжелые рекрутскіе наборы, отсутствіе охрани-

тельныхъ мѣръ противъ падежей, мѣшающихъ развитію скотоводства, а слѣдовательно и удобренію земли, истощаемой донельзя невѣжествомъ и жадностію, да и многія другія—давно бы должны были обратить на себя вниманіе просвѣщеннаго правительства. Наше земледѣліе страждетъ и отъ дурныхъ методовъ въ хлѣбопашествѣ и отъ недостатка въ путяхъ сообщенія, подавляющаго цѣны на сельскія произведенія и дѣлающаго своевременное продовольствіе невозмножнымъ.

Стыдно и горько вспомнить, что въ Россіи несмотря на ея черноземъ, на огромное количество распашной земли и сбираемаго съ нея хлѣба, почти не проходитъ года, безъ мѣстнаго, иногда очень сильнаго голода.—Въ одно и то-же время, когда напр. въ Малороссіи по недостатку рукъ и по обильному урожаю помѣщики нанимаютъ жнецовъ исполу или даже изъ $^2/_3$ жатвы, и не всегда ихъ находятъ, гдѣ нибудь на сѣверѣ или въ западныхъ губерніяхъ народъ умираетъ отъ недостатка хлѣба или покидаетъ жилища, чтобъ искать хлѣба Христа ради. Дайте частнымъ компаніямъ возможность прологать дороги и нашимъ обществамъ сельскаго хозяйства право изучать и обсуждать коренныя препятствія къ улучшенію земледѣлія. на которыя мы частію намекали выше, и тогда изъ живой среды различныхъ мѣстностей въ короткое время возникнетъ для хлѣбопашества, для общественнаго продовольствія больше плодотворнаго чѣмъ изъ всѣхъ правительственныхъ мѣръ, сочинявшихся доселѣ въ отвлеченной сферѣ С.-П-го управленія. Только въ Петербургѣ могутъ приходить на мысль улучшенія вродѣ посѣва кукурузы въ Смоленской, Калужской, Тульской и другихъ губерніяхъ, въ подспорье на случай неурожаевъ. Общій хохотъ былъ отвѣтомъ на такое предложеніе одного изъ прежнихъ Министровъ Вн. Дѣлъ. Но есть предложенія

или предписанія, на которыя нельзя отвѣчать однимъ хохотомъ.

Съ землею иногда труднѣе сладить чѣмъ съ людьми; людей легче дресировать.

Общественное образованіе.

Обратимся къ системѣ общественнаго образованія, введенной при покойномъ Императорѣ.

Въ ней поражаютъ двѣ особенности: поглощеніе домашняго воспитанія государственнымъ и преобладаніе воспитанія военнаго передъ гражданскимъ. Никогда ни въ какой странѣ не существовало такого множества военно-учебныхъ заведеній всякаго рода, какъ теперь въ Россіи. Чрезмѣрное умноженіе корпусовъ вызвано и желаніемъ воспитать съ измалолѣтства безпрекословыхъ слугъ царскихъ и потребностью образовать для такой огромной арміи, какова наша, надлежащее число спеціально приготовленныхъ офицеровъ. Иные скажутъ, что при Императорѣ Александрѣ, офицеры отличались не меньшею противъ теперешнихъ способностію къ службѣ, и ужъ, конечно, большею образованностію, а число корпусовъ и воспитанниковъ едва ли доходило и до $^1/_{10}$ сравнительно съ нынѣшними.

Но имъ возразятъ: «за то вольная образовательность Александровскихъ офицеровъ и привела многихъ къ 14-му Декабря». Роковое это событіе! Оно наложило у насъ на все свою черную печать. По примѣру Григорія VII отрѣшившаго католическое духовенство отъ семьи и отечества, мы создали систему воспитанія, единственная цѣль которой—вскормить покорныхъ сугъ царя и пропитать ихъ съ колыбели духомъ безусловнаго повиновенія. Вслѣдствіе этого, экстерны не допущены; всѣ должны жить въ да-

лекѣ отъ семейства, въ корпусныхъ зданіяхъ, и жить отъ 9-и лѣтняго возраста вплоть до выпуска; 10 лучшихъ лѣтъ жизни, лѣтъ воспріимчивости и живыхъ впечатлѣній, проводятся дѣтьми въ стѣнахъ корпусовъ, въ мундирности ума и воли, въ чисто солдатской дисциплинѣ. Молодой человѣкъ, выйдя изъ такой школы, отвыкаетъ отъ семьи, отъ родины, и безпредѣльно, всей душой, принадлежитъ одному Царю. Страшный рычагъ, годный на всякое употребленіе! Еще недавно было у насъ въ модѣ нападать на коммунизмъ; но его противники не замѣчаютъ, что ихъ справедливыя нападенія осуждаютъ косвенно и систему военныхъ заведеній. У коммунистовъ, какъ и іезуитовъ, мысль та-же, что и въ корпусахъ. Весь за государство, весь за церковь, весь за Царя,—тутъ разница только въ названіяхъ.

Даже съ точки зрѣнія офиціальной нельзя не признать существеннаго недостатка въ устройствѣ военныхъ школъ; общее образованіе принесено въ жертву спеціальному, отчего послѣднее неизбѣжно превращается въ рутину и кладетъ на питомцевъ клеймо ограниченности. Чего ожидать отъ мальчика, который съ 9-ти-лѣтняго возраста исключительно отдается на выучку какому-нибудь отдѣльному предмету, какъ ремеслу, съ обходомъ истинно научнаго образованія? Его взглядъ становится по неволѣ не объемлемъ, узокъ, и онъ чувствуетъ себя какъ будто на затерянномъ островѣ, умственно отрѣзанномъ отъ остального міра. Спрашиваемъ, можно-ли быть истинно дѣльнымъ артиллеристомъ, и безграмотнымъ топографомъ, и не знать географіи и т. д.! А между тѣмъ, многіе-ли изъ обучавшихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ умѣютъ написать письмо съ толкомъ и безъ ошибокъ? Многіе-ли при чтеніи газетъ (если только читаютъ ихъ) въ состояніи дать себѣ отчетъ въ событіяхъ послѣдняго времени,

неразрывно связанныхъ съ исторіей новостей? Вѣдь исторія съ 1815 года имъ вовсе не преподается.

На низшихъ степеняхъ невѣжество еще сносно; но вѣдь у насъ кто служилъ, тотъ повышается: каковъ-же начальникъ, поднявшійся изъ такого разсадника?

«Ну какая польза отъ вашей образованности, если вы не умѣете стоять передъ начальникомъ?» сказалъ когда-то одинъ молодой полковникъ офицеру изъ студентовъ, который перенесъ и въ военную службу свои развязныя движенія. Въ этомъ замѣчаніи таится вся сущность теперешняго взгляда на военное ремесло: умѣй стоять передъ начальникомъ, вотъ главное, а прочее все вздоръ!

Настоящая война раскрыла послѣдствія такой односторонней, ограниченной выучки. Что хорошо для солдата, то не всегда годится для офицера, а еще менѣе для генерала. Мужество и хладнокровіе въ дѣлѣ—отличительная черта Русскаго; но достаточно ли этихъ качествъ, какъ они ни драгоцѣнны, для личныхъ соображеній и распорядительности, коль скоро приходится не исполнять приказъ, а дѣйствовать собственной головой? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ у насъ приписывали одному лицу, теперь вдвойнѣ священному, одну достопамятную фразу: «Чего удивляться, что у насъ нѣтъ головъ, когда мы ихъ 30 лѣтъ снимали?»

Это лицо, по своему тогдашнему положенію, могло лучше всѣхъ судить, откуда происходитъ наше безголовіе. Упомянутая фраза получаетъ еще большее значеніе, когда вспомнимъ другую другого лица: «Мнѣ нужны не умники, а исполнители!» Вышло, что нѣтъ ни умниковъ, ни даже дѣльныхъ исполнителей. Поучительный урокъ, которымъ, надобно надѣяться, воспользуемся.

Параллельно съ умноженіемъ корпусовъ, стали у насъ

измѣняться и скудѣть преимущества гражданскихъ учебныхъ заведеній. Такъ, напр., вмѣсто прежняго неограниченнаго числа студентовъ въ Университетѣ опредѣленъ самый незначительный maximum для всѣхъ факультетовъ, за исключеніемъ медицинскаго; уничтожены или безобразно измѣнены нѣкоторыя каѳедры, прежде считавшіяся необходимымъ условіемъ основательнаго образованія; программы и лекціи преподавателей, метода ихъ, взгляды на науку подвергнуты самому строгому надзору, самымъ разнообразнымъ ограниченіямъ. Сверхъ того, въ послѣднее время введено, существовавшее уже въ гимназіяхъ, ротное и батальонное ученіе, обязательное для всѣхъ студентовъ, и возстановлены каѳедры военныхъ наукъ, но только въ физико-математическомъ факультетѣ, отчего математика сдѣлалась для прочихъ студентовъ предметомъ или безполезнымъ, или неудовлетворительнымъ, смотря по тому, куда они себя назначаютъ. Въ довершеніе не только казенно-коштные, и своекоштные студенты подчинены строгимъ военнымъ правиламъ въ одеждѣ, при появленіи на улицѣ или въ общественныхъ мѣстахъ, и для первыхъ изъ нихъ устроено нѣчто въ родѣ казармъ, гдѣ они помѣщаются и живутъ почти на военную ногу. Студентъ обязанъ дѣлать фронтъ передъ профессоромъ и всѣми непосредственными начальниками, (такъ было заведено въ Харьковѣ) а также и предъ генералами. Въ Петербургѣ и Москвѣ допускаютъ, вслѣдствіе столичной жизни, нѣкоторыя уклоненія отъ упомянутыхъ строгихъ правилъ; но надо побывать въ прочихъ Университетахъ, чтобы видѣть, какъ соблюдается дисциплина и до какой степени студентъ превращается въ кадета.

Справедливость требуетъ сказать, что одинъ изъ министровъ послѣдняго царствованія, тотъ, который такъ долго и такъ блистательно стоялъ во главѣ народнаго просвѣ-

щенія, принесъ ему несомнѣнную пользу и, можетъ быть, сдѣлалъ для него все, что могъ. Память объ управленіи гр. Уварова останется въ Россіи надолго. Конечно, онъ былъ орудіемъ многихъ вольныхъ и невольныхъ мѣръ, которыя, конечно, не подвинули впередъ нашего общественнаго образованія; но будемъ благодарны и за оказанныя услуги, тѣмъ болѣе достойныя признательности; что министру приходилось бороться съ большими препятствіями, съ сильными предубѣжденіями, и нерѣдко прибѣгать къ сдѣлкамъ, которыя должны были глубоко огорчать его просвѣщенный умъ. Мы сказали выше, что кромѣ чрезмѣрнаго размноженія военнаго образованія, въ ущербъ гражданскому, у насъ замѣчается и крайнее развитіе государственнаго воспитанія въ ущербъ домашнему. Упадку послѣдняго много содѣйствовали увеличеніе числа предметовъ, требуемыхъ не только отъ вступающихъ въ Университетъ, но и въ гимназію, а слѣдовательно и трудность приготовлять дома къ вступительному экзамену по существующей сложной программѣ.

Другую причину упадка должно искать въ строгихъ мѣрахъ, затруднившихъ пріѣздъ иностранцевъ преподавателей, которые по принятому у насъ обычаю, считаются необходимыми для обученія Европейскимъ языкамъ и литературѣ.

Наконецъ разныя удобства и преимущества военноучебныхъ заведеній, разсыпанныхъ по цѣлой Имперіи, привлекаютъ къ нимъ большинство юношества изъ средняго дворянскаго сословія. Общій результатъ всѣхъ упомянутыхъ мѣръ очевиденъ: Новыя поколѣнія выросли и растутъ въ духѣ казенной формальности и военной дисциплины; все живое, самобытное въ нихъ немилосердно подавлено и общественное образованіе болѣе или менѣе превращено въ общественную дрессировку.

Литература и гасильныя мѣры.

Мысль дрессировать Россію и дать ея умственной дѣятельности указную форму не остановилась на воспитаніи: она перешла и на литературу.

Съ Петра и особенно съ Екатерины литература, цвѣтъ народнаго ума, развилась у насъ вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ просвѣщенія, чему много содѣйствовала мягкая снисходительная цензура; но, по мѣрѣ того, какъ увеличились объемъ и значеніе литературы, цензура становилась строже и строже и дошла до неимовѣрной придирчивости, мелочной и полоумной.

Исторія русской цензуры была-бы весьма поучительна. Изъ нея можно было бы видѣть какъ смирительный камзолъ суживался постепенно съ расширеніемъ мысли. Въ настоящее время не только запрещается перепечатывать цѣликомъ многія изъ сочиненій вышедшихъ при Екатеринѣ, или при Александрѣ; но есть книги, появившіяся лѣтъ пять или 10 тому назадъ, которыхъ не дозволяется издавать вновь. Первоначальный цензурный уставъ, довольно снисходительный, почти отмѣненъ, вслѣдствіе безчисленныхъ дополненій и секретныхъ предписаній. Огромная отвѣтственность, которой подвергаются цензоры разнуздываетъ ихъ произволъ донельзя. Повѣрятъ-ли чрезъ 20—будемъ надѣяться даже чрезъ 10 лѣтъ, что въ поваренныхъ книгахъ зачеркивается техническое выраженіе «въ вольномъ духу,»—или въ медицинскихъ сочиненіяхъ другое техническое—«Kaiser schnitt», что исправляются историческія надписи, имена и т. д. согласно съ какими-то непонятными или непонятными правилами, что при печати исключаются цѣлыя мѣста изъ драматическихъ пьесъ, уже пересмотрѣнныхъ театральною цензурой, что подвергаются пересмотру, исправленію даже газетныя объ-

явленія, по разрѣшеніи ихъ Оберъ-Полицеймейстеромъ и проч. и проч. *).

Вѣдь у насъ не только закономъ установленныя цензуры: гражданская, военная, духовная, медицинская, театральная, полицейская, но и цензура de ipso facto такого-то министра, статсъ секретаря и т. д. Гдѣ-жъ въ этомъ хаосѣ найтись людямъ, по большей части не отличающимся богатствомъ соображенія и справедливо думающимъ, что строгость не подвергаетъ ихъ ни малѣйшей отвѣтственности, а снисходительность подвергаетъ огромной. Мы бы никогда не пришли къ концу, еслибъ исчислять всѣ вредныя послѣдствія отъ безсмысленной цензурной строгости. Укажемъ мимоходомъ на два предмета подвергающіеся особеннымъ гоненіямъ: на критику и на статистику.

Критика, взывающая къ благородной полемикѣ, есть проточная вода въ литературной и ученой жизни; гдѣ ея нѣтъ, тамъ застой и плѣсень.

Критика и полемика у насъ подавлены вовсе, потому что въ нихъ легко проявляется самостоятельность и даже рѣзкость тона, а этого всего больше и боятся. Наши ученые труды ограничиваются теперь сухимъ изложеніемъ предмета, съ робкой оцѣнкой и взглядомъ исподлобья. Столько предметовъ исключено изъ круга ученой и литературной дѣятельности, что на каждомъ шагу становишься втупикъ, озираешься и спрашиваешь себя: пропустятъ ли это или не пропустятъ?

Цензурные оглядки стѣсняютъ грудь, откуда исходитъ голосъ, и цѣпенѣетъ рука, которая пишетъ. Извѣстно,

---

*) Не будемъ однакоже слишкомъ строги къ бѣднымъ цензорамъ, поставленнымъ подъ перекрестный огонь различныхъ вѣдомствъ. Вспомнимъ, что надъ ихъ головами висятъ десять Домоклесовыхъ мечей: Министръ Просвѣщенія съ своими чиновниками ad hoc, III Отдѣленіе, Высшій или негласный цензурный комитетъ, и для разнообразія, еще столько же отдѣльныхъ цензуръ, сколько отдѣльныхъ вѣдомствъ.

что современная наука и мысль болѣе и болѣе стремятся къ единству, неразрывно связывая между собой всѣ отрасли знанія.

Теперь нельзя коснуться предмета, какъ бы невиненъ онъ ни былъ, безъ того, чтобы не заглянуть въ другія области, а тутъ-то васъ и застаетъ цензоръ, тутъ-то и урѣзываетъ трудъ вашъ своими ножницами или безжалостно отсылаетъ васъ къ другимъ цензорамъ.

Особенно трудно избѣжать соприкосновенія съ близкими къ труду предметами въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Статистика касается всего, ибо она объемлетъ всю общественную жизнь. Отъ этого и приходится ей обличать многое. А обличенія у насъ не терпятъ. Вотъ почему въ такомъ сильномъ загонѣ эта собирательница данныхъ для узнанія государства.

Данныя глупы и грубы. Они не льстятъ когда правдивы. За то и боимся мы статистики почти наравнѣ съ политической экономіей, философіей или новѣйшей исторіей. Статистическія свѣдѣнія какъ будто и собираются у насъ мѣстными начальствами, какъ будто и приводятся въ порядокъ центральными бюро; но какъ они собираются, какіе изъ нихъ дѣлаются выводы? Про это знаютъ люди хоть сколько нибудь знакомые съ дѣломъ. Гасильная система принимаетъ у насъ огромные размѣры. Она касается не одной литературы, но объемлетъ все, въ чемъ только проявляется стремленіе къ образованности, выходящей изъ тѣсной казенной рамы. Такъ въ 1849 году, въ разгаръ реактивныхъ мѣръ, нѣкоторые ревнители мрака дошли до того, что предлагали вовсе остановить выдачу паспортовъ въ чужіе края, находя, что 5-и лѣтній, а потомъ 2-хъ лѣтній срокъ для дворянъ и для прочихъ сословій еще меньше, что значительная, недавно удвоенная пошлина за паспорты, и другія ограниченія, все еще недостаточны для обузданія

охоты ѣздить заграницу, и что слѣдуетъ разомъ прекратить зло. Для этихъ гасильниковъ мало было того, что переселеніе въ чужое государство вмѣнялось русскому подданному въ преступленіе, вопреки и прежнимъ обычаямъ и примѣру всѣхъ прочихъ странъ, даже варварскихъ; что не позволялось никому открыто слѣдовать своему убѣжденію въ дѣлѣ вѣры и воспрещался православнымъ всякій переходъ въ другое исповѣданіе, или даже несоблюденіе церковныхъ постановленій; нѣтъ эти поклонники тьмы еще предполагали выстроить Китайскую стѣну между Россіей и остальной Европой.

Нашлись другіе, которые перещеголяли первыхъ. Эти другіе требовали осмотра библіотекъ въ цѣлой Россіи, чтобы увѣриться, сколько у кого запрещенныхъ книгъ и такимъ образомъ опредѣлить благонамѣренность или неблагонамѣренность каждаго.

Знаете-ли, кто,—судя по слухамъ,—помѣшалъ чудовищнымъ планамъ нашихъ Торквемадъ? Не ученый, не высокообразованный человѣкъ, а пуще всего не питомецъ истекшаго царствованія, но старый воинъ временъ Александра, теперешній предсѣдатель Государственнаго совѣта. Честь и слава доблестному мужу Александровыхъ временъ! Только люди того времени умѣли сколько нибудь отстаивать прежнія права, и вѣчныя требованія справедливости. Вставимъ здѣсь замѣчаніе, которое невольно просится подъ перо: Предшествовавшія царствованія обыкновенно подготовляютъ людей въ главѣ управленія къ послѣдующимъ. Если при Николаѣ было хоть сколько нибудь замѣчательныхъ людей, то онъ обязанъ временамъ Александра. Откуда придется брать помощниковъ нынѣ царствующему Государю? Александровскіе люди вымираютъ, а новыхъ нѣтъ. При этомъ спроситъ иной—отчего первая четверть вѣка воспитала людей, а вторая ихъ не воспитала? Оттого,

что было больше простора мысли, мысль упражнялась, а не стояла въ раболѣпной неподвижности. Ничто не придаетъ крѣпости, какъ упражненіе. Намъ скажутъ: строгости противъ свободнаго проявленія мысли были вызваны ея уклоненіями отъ надлежащаго пути.

Положимъ, что это и такъ; положимъ, что наша литература впадала въ нѣкоторыя крайности: слѣдуетъ ли изъ того, чтобы только въ противоположной крайности было спасеніе? Власть, которая дорожитъ общимъ уваженіемъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не должна поддаваться страсти, ибо всякое величіе стоитъ выше страсти, ибо страсть раздражаетъ и вызываетъ къ противодѣйствію. Русскому уму, который всегда любилъ просторъ и, право, уже достигъ совершеннолѣтія, тѣсно и душно въ дѣтскихъ пеленахъ секретныхъ дополненій къ цензурному уставу; онъ рвется наружу и находя законный путь прегражденнымъ для себя, ищетъ проложить боковое ложе. Такія уклоненія отъ естественнаго пути могутъ быть опасны. Правительство отнимаетъ у себя возможность узнать правду: вокругъ него теперь все молчитъ или вторитъ.

Оно знаетъ лишь Россію оффиціальную, у которой все затянуто въ мундиръ: и знаніе, и умъ, и чувства, и понятія, и выраженія ихъ въ словѣ.

Оно живетъ и правитъ на краю Россіи, на берегу Финскаго залива, въ географическомъ и нравственномъ отчужденіи отъ зерна государства; живетъ и правитъ посреди чуть не идеальной сферы, куда дѣйствительности проникаетъ чрезъ груды докладовъ и отношеній; пора бы ему наконецъ ознакомиться съ Россіею настоящей, дальной, искренней, которая бы говорила, что думаетъ, не льстила, не лицемѣрила, не скрывала своихъ потаенныхъ мыслей подъ лживымъ фразерствомъ.

Мундирная Россія не скажетъ правды, напротивъ, она

скрываетъ истину, потому что въ этомъ ея выгода. При ненормальномъ положеніи Россіи и ея правительства, роль Москвы чрезвычайно важна. Она главная хранительница Русской оригинальности. Это значеніе ея, правда, понемногу стирается, особенно съ тѣхъ поръ какъ Петербургъ сталъ перетягивать къ себѣ всѣ лучшія силы, и желѣзная дорога довершаетъ это дѣло поглощенія. Но тѣмъ настоятельнѣе должно поддерживать въ ней чрезъ большій просторъ мысли развитіе свѣжаго, неискаженнаго русскаго начала. Почти все, что наша журналистика, литература, наука, администрація представляютъ серьезно образованнаго, является въ Москвѣ. Поэтому вправѣ Москва требовать поощренія и приволья, котораго лишилась. Самостоятельность нужда для нея, какъ и она нужна для самостоятельности; въ тяжкія времена для литературы она замѣняла намъ ея онѣмѣвшій языкъ. Путемъ-же гласности древняя столица ознакомитъ и Петербургъ съ настоящимъ положеніемъ народа и страны.

Да, необходимо дать русской мысли въ Москвѣ, какъ и вездѣ, хоть сколько нибудь простору: необходимо и для того, чтобы вылечить насъ отъ болѣе и болѣе одолѣвающаго равнодушія и эгоизма, отъ безнадежности, чтобъ отучить насъ отъ повадки зажимать уши и закрывать глаза, не видать и не слыхать, что вокругъ насъ дѣлается. Мы теперь хлопочемъ лишь о томъ, чтобы намъ безъ помѣхи дремать умственно и прозябать матеріально.

И долго ль еще оставаться въ губительномъ застоѣ? Пора встрепенуться. Но чтобы насъ разбудить и вызвать къ полезной дѣятельности, для того нужна, повторяемъ опять, и готовы повторять безпрестанно, нужна гласность.

Да будетъ свѣтъ! Гласность! Великое слово! злоупотребленія ничего не доказываютъ: чѣмъ не злоупотребляетъ человѣкъ? Дайте Божій свѣтъ: да озарится-же

Россія свѣтомъ гласности, да не укроются отъ нея злыя и добрыя дѣла. Одна гласность въ силахъ оградить насъ отъ беззаконій правосудія, отженить отъ нашего языка лесть, и ложь, и лицемѣріе, поднять насъ и облагородить.

И чего бы, казалось, бояться мысли, искренно, скромно честно выраженной? Мысль можно сравнить съ женщиной: ихъ судьбы почти вездѣ нераздѣльны: на востокѣ женщины и мысль заключены и появляются только подъ покрываломъ. На западѣ Европы они впали въ другую крайность по безграничной эмансипаціи,—тамъ гдѣ и женщины настаивали на своей эмансипаціи. Мы же не даромъ на рубежѣ Европы съ Азіей, на рубежѣ восточнаго оцѣпѣнѣнія и западной распущенности. Пусть воспитаютъ русскую мысль, какъ Петръ воспиталъ русскую женщину: пусть освободятъ ее подъ христіанскимъ условіемъ скромности. Христіанство освободило и женщину, и слово, но въ предѣлахъ стыдливости и скромности. Честнымъ же можетъ быть только тотъ, кто искрененъ.

Пусть-же русское правительство благороднымъ довѣріемъ къ искренней и честной мысли воспитаетъ въ насъ лучшую изъ цензуръ—общественную совѣсть. Въ Англіи, при неограниченной свободѣ книгопечатанія, почти ни одинъ изъ тлетворныхъ французскихъ романовъ не переводится, потому что не находитъ читателей, примѣръ поучительный! Мы слѣдовали до сихъ поръ Австрійской системѣ Меттерниха, послѣдуемъ ей и теперь, въ ея новомъ измѣненномъ видѣ, вызванномъ требованіями вѣка. Недавное на просьбу врачей возстановить медицинскую цензуру, Австрійское правительство отозвалось, что Законъ о Тиспеніи, отмѣняющій предварительную цензуру и дающій всѣмъ Австрійскимъ подданнымъ право безпрепятственно выражать свои мысли, лежитъ краеугольнымъ камнемъ

въ основаніи новаго государственнаго порядка и отнюдь не допускаетъ никакихъ исключеній. Кто-же говоритъ это? Правительство, принявшее отъ Меттерниха и въ главномъ еще слѣдующее преданіямъ его политики. Оно чувствуетъ, что для паровой машины необходимъ клапанъ, и что этотъ клапанъ есть гласность.

Мы имѣемъ поводъ думать, что нашъ новый правитель для противодѣйствія силѣ западныхъ державъ не прочь возобновить такъ называемый священный союзъ. Въ отношеніи къ Австріи для насъ не можетъ быть середины: или мы должны стереть имя ея съ Европейской карты, или, если въ томъ не успѣемъ, имѣть ее по прежнему своей союзницей. Но для того, чтобъ съ ней, какъ съ Пруссіей, могла возобновиться прочная связь необходимо чтобы въ основаніи такой связи лежали новыя начала, по которымъ переорганизованы оба государства. Тогда только нашъ союзъ съ ними и не возстановитъ противъ себя народы подвластные этимъ державамъ, ибо они поймутъ что тутъ идетъ дѣло не объ упорномъ консервативномъ принципѣ, въ которомъ привыкли видѣть лишь вѣчно грозящій заговоръ противъ свободы, но о естественныхъ и коренныхъ интересахъ европейскаго востока, ищущихъ оплота противъ запада; если-же мы внушимъ довѣріе, то удесятеримъ силу нашего нравственнаго вліянія въ Германіи. Тогда намъ возможно будетъ укрѣпить разрывающійся союзъ между подданными и правительствами и опирающійся на него союзъ между членами прежней Тріархіи. Говоря вообще, не подлежитъ сомнѣнію, что отъ характера нашей внутренней политики будетъ зависѣть и успѣхъ политики внѣшней. Итакъ, съ какой точки ни смотрѣть на будущее Россіи—съ внѣшней или внутренней—мы все придемъ къ одному и тому-же, къ необходимости измѣнить политику у себя дома, давъ

прежде всего просторъ Русскому уму и Русской силѣ, чтобъ было гдѣ развернуться и расправиться послѣ долгаго застоя. Простору намъ, простору! того только и ждемъ мы всѣ отъ крестьянина до вельможи, какъ засохшая земля ждетъ живительнаго дождя! Мы всѣ простираемъ руки къ престолу Надежды—Царя, и молимъ: простору намъ, Державный Отецъ! Свѣтлаго воздуху! наши члены онѣмѣли, мы отвыкли дышать свободно, просторъ намъ нуженъ какъ воздухъ, какъ хлѣбъ, какъ свѣтъ Божій, Онъ нуженъ для каждаго изъ насъ, нуженъ для всей Россіи, для ея процвѣтанія внутри, для ея огражденія и крѣпости извнѣ. Одно послѣднее слово! обращаюсь къ вамъ, мои братья по роднѣ, все равно Русскіе-ли вы изъ великой, малой, бѣлой Россіи, Поляки, Нѣмцы, Финляндцы обращаюсь особенно къ тебѣ, молодое племя, цвѣтъ и надежда отечества.

Пуще всего будемъ избѣгать опрометчивости, несбыточности желаній и цѣлей, всего, что при невѣрной пользѣ могло бы нанести намъ несомнѣнный вредъ. Время радикализма кажется прошло для Западной Европы. У насъ-же ему не слѣдуетъ и возникать, ибо у насъ всякое начинаніе идетъ сверху, да и показалъ горькій опытъ, что всякая попытка снизу къ насильственному измѣненію существующаго, вызывала одно лишь усиленіе строгости. Покажемъ полное довѣріе къ молодому царю, къ его благородному, прямому характеру, растворенному благодушіемъ: мы вѣримъ, мы надѣемся, что онъ оправдаетъ свое слово, что при немъ и чрезъ него исполнится постоянное желаніе и виды Петра, Екатерины, Александра, Николая, что онъ послѣдуетъ Петру въ его геніальномъ стремленіи къ благимъ преобразованіямъ, Екатеринѣ въ ея кротости, Александру въ его миротвореніи, а своему Незабвенному родителю въ твердости обдуманной воли;

на первыхъ порахъ ему не столько предстоитъ дѣлать, сколько раздѣлывать, но именно, отмѣны, уже совершенныя, утверждаютъ въ насъ живыя надежды и вѣру въ него. Поддержимъ-же и утѣшимъ его своимъ дружнымъ довѣріемъ, въ трудной внѣшней борьбѣ, имъ наслѣдуемой, и да будетъ ему невѣдома внутренняя. Окружимъ его престолъ любовію, да отзовется и въ немъ тоже чувство — любовь къ намъ на общемъ съ нимъ пути къ добру; любовь къ истинѣ и правдѣ въ какомъ-бы видѣ онѣ ни явились, откуда-бы ни раздался ихъ голосъ... тогда ему нечего опасаться оппозиціи, злостной и разрушающей, оппозиціи не русской, а потому и не для чего преслѣдовать почтительное благонамѣренное выраженіе искреннихъ чувствъ и помысловъ, направленныхъ къ единой съ нимъ цѣли, къ разумному добру и развитію отечества.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ.
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ, свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать.

Стихотвореніе Жуковскаго на рожденіе нынѣ царствующаго Государя Императора Александра II.

УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ

Напечатано:	*Должно быть:*	*Стр.*
наслѣдовало	наслѣдовала	7
вкралась	вкралось	18
оказаны	сказаны	»
современномъ	совершенномъ	23
и оп	и по	24
вышелъ	вошелъ	42
трусость,	трусость	45
въ законоположеніе	въ законоположеніи	47
vorte	votre	48
Lotre	Votre	58
lien	lieu	»
Gi	Si	59
Импдраторъ	Императоръ	95
Г. Г. К. В.	В. К. Г. Г.	97
оно	она	106
достоинстно	достоинство	107

УКАЗАТЕЛЬ

Корфъ-боронъ	Корфъ, баронъ
Екатерина II, императрица	Екатерина II, императрица
Меттернвхъ	Меттернихъ
Муравьевъ Артомонъ	Муравьевъ Артамонъ
Петрошвскій	Петрашевскій
Потановъ	Потаповъ
Сюлли	Сюлли

